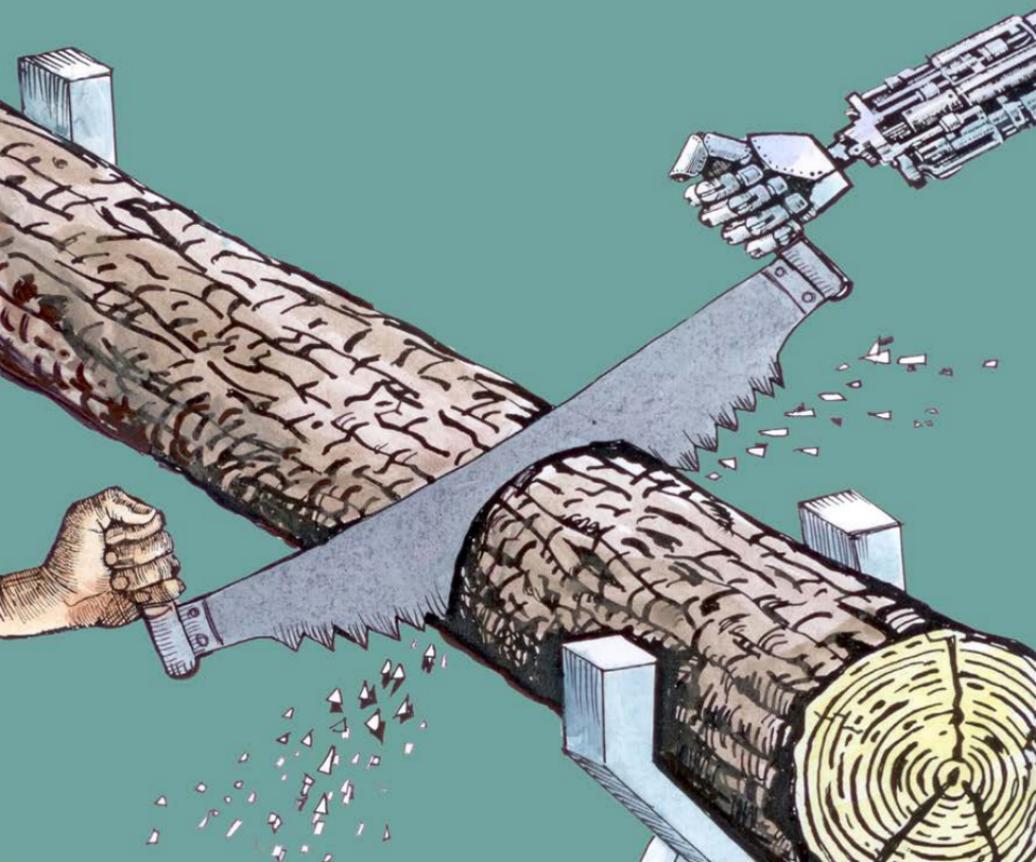

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 8 2020 г.

Место человека на просторах Сибири

Главный редактор **В.А. КРЮКОВ**, академик РАН,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, президент РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н., Москва; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора, Новосибирск; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н., Кемерово; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н., Омск; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н., Новосибирск; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н., Новосибирск; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н., Новосибирск; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н., Новосибирск; **Л.Н. Щербакова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
АНО «Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

8 (554) 2020

Editor-in-chief, Member of RAS, **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE), SB RAS

Editorial Board:

A.G. Aganbegyan, Member of RAS, Russian Academy of National Economy and Public Service Sponsored by the Russian President; **A.O. Baranov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS, Novosibirsk State University; **R. Bardazzi**, PhD, professor, University of Florence, Italy; **E.B. Bukharova**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Institute of Economics, Management and Land Use, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; **I.P. Glazyrina**, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Chita; **L.M. Grigoriev**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Higher School of Economics, Moscow; **Jae Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; **Hong Yul Han**, PhD, professor, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **V.V. Kolmogorov**, Cand. Sci. (Econ.), professor; **V.V. Kuleshov**, Member of RAN, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **S.N. Mironosetsky**, Member of BoD, Siberian Generating Company; **A. Moe**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute, Norway; **V.A. Nikonov**, Technopark of Novosibirsk Academgorodok; **V.I. Psarev**, Cand. Sci. (Econ.), Dr. Technical Sci., Interregional Association of the Economic Cooperation 'Siberian Accord', Altai State University; **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, Institute of Systems Analysis, RAS; **N.I. Suslov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS; **A.V. Uss**, Dr. Sci. (Law), professor, Governor of Krasnoyarsk Krai; **Sh. Weber**, PhD, Russian Economics School; **Yu.P. Voronov**, Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **Yutszyun Ma**, PhD (History), Russia Institute, Heilongjiang Academy of Social Sciences, Harbin, China; **Ze Shi**, Center of Energy Research, Institute of International Studies, Beijing, China; **V.I. Zorkaltsev**, Dr. Technical Sci., professor, Energy Systems Institute, SB RAS, Irkutsk.

Editorial Council:

A.V. Alekseev, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **S.Yu. Barsukova**, Higher School of Economics, Dr. Sci. (Sociology); **O.P. Fadeeva**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Sociology); **K.P. Gluschenko**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **E.V. Goosen**, Institute of Economics and Management of Kemerovo University, Cand. Sci. (Econ.); **E.A. Kapoguzov**, Omsk State University, Dr. Sci. (Econ.); **V.I. Klistorin**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **G.P. Litvintzeva**, Novosibirsk State Technical University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Melnikov**, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk State Technical University, Cand. Sci. (Econ.); **L.V. Melnikova**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **L.N. Shcherbakova**, Kemerovo University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Shmat**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **P.N. Teslia**, Deputy Editor-in-chief, Cand. Sci. (Econ.); **E.Sh. Veselova**, Deputy Editor-in-chief.

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS
Novosibirsk State University
ANO Editorial Office of ECO journal

Prepared for publication by

ANO Editorial Office of ECO journal
Prospekt Akademika Lavrentyeva 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 4 Воспоминания о будущем

Тема номера:

МЕСТО ЧЕЛОВЕКА НА ПРОСТОРАХ СИБИРИ

- 8 ЕРШОВ Ю.С.,
ТАРАСОВА О.В.
Азиатская Россия –
основные противоречия
современного развития
- 31 ДОНДЮКОВ З.Б.-Д.
Из сибиряков в дальневосточники:
широк простор и долг путь
- 48 СОБОЛЕВА С.В.,
СМИРНОВА Н.Е.,
ЧУДАЕВА О.В.
Демографические проблемы Сибири
в контексте пространственного
развития
- 66 КЛЕПАЧ А.Н.,
МИХЕЕВА Н.Н.
Опережающий рост сибирской
экономики: реалии и возможности
в мегапроекте «Русский ковчег»

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

- 87 БУДАНОВ И.А.,
УСТИНОВ В.С.
Особенности исследования
экономики с использованием
показателей металлопотребления
- 110 ДЕЦ И.А.
Российский экспорт
энергоносителей –
успеваем развернуть?

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- 125 ГЛАЗЫРИНА И.П.,
ГУРОВА О.Н.
«Жилищный вопрос»
для геостратегических территорий
на востоке России
- 141 ТЕРЕШКО Е.К.,
ГУТМАН С.С.
Выбор сценария развития
строительного комплекса
Мурманской области

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- 164 КРАСИЛЬНИКОВ С.А.
«Генеральная чистка» госаппарата
1929-1932 годов как проявление
кризиса легитимности
партийного государства

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 Memories of the future

Cover Story:

THE PLACE OF MAN IN THE SIBERIAN EXPANSES

- 8 ERSHOV, Yu.S.,
TARASOVA, O.V.
Asian Russia-the main contradictions
of Modern Development
- 31 DONDOKOV, Z.B-D.
From Siberians to Far Easterners:
Wide Open is the Space and Long
is the Way
- 48 SOBOLEVA, S.V.,
SMIRNOVA, N.E.,
CHUDAIEVA, O.V.
Demographic Problems of Siberia in
the Context of Spatial Development
- 66 KLEPACH, A.N.,
MIKHEEVA, N.N.
Outstanding Growth of the Siberian
Economy: Realities and Opportunities
in the Megaproject "Russian Ark"

MONITORING OF ECONOMIC TRANS- FORMATION

- 87 BUDANOV, I.A.,
USTINOV, V.S.
Some Aspects of Economic Research
using Indicators of Metal Consumption
- 110 DETS, I.A.
Russian Exports - Do We Have Time
to Turn It Around?

REGIONAL DEVELOPMENT PROBLEMS

- 125 GLAZYRINA, I.P.,
GUROVA, O.N.
«Housing Issue» for Geostrategic
Territories in the East of Russia
- 141 TERESHKO, E.K.,
GUTMAN, S.S.
Selection of the Preferable Scenario
for Developing the Murmansk Region
Construction Complex

ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

- 164 KRASILNIKOV, S.A.
"General Purge" of the State
Apparatus in 1929–1932 as
an Effect of the Legitimacy Crisis
of the Party State

Воспоминания о будущем

Социально-экономическое развитие Востока России и Сибири прошло целый ряд этапов, значительно отличающихся один от другого. Однако далеко не все из прошлого опыта может быть воспроизведено в современных условиях с учетом изменившихся обстоятельств.

На начальном этапе – до середины XIX столетия – доминировала промысловая колонизация обширной территории. На свой страх и риск пассионарии шли «встречь солнцу», в поисках лучшего места для жизни и добычи мягкой рухляди¹. Роль государства в экономике на данном этапе ограничивалась выполнением фискальных функций (получение ясака – налога в натуре) и развитием внешней торговли, прежде всего, с Китаем².

Позже пассионарии обратили свой взор на землю и ее недра. Сначала земледелие и скотоводство, а затем и горный промысел во все большей степени стали определять основные занятия сибиряков. Значительному ускорению освоения обширной территории способствовало строительство Великой Сибирской железной дороги³. Это знаменовало переход государства от мер косвенного воздействия к прямому участию в освоении территории: «Второй этап характеризуется притоком в Сибирь гораздо больших переселенческих масс, бурным развитием земледелия, которое оттесняет остальные стимулы колонизации на задний план. Земледелие и отчасти животноводство... становится ведущей осью развития экономики Сибири, делающейся типичной и именно аграрной колонией»⁴.

При этом государство не только сооружало критически важную инфраструктуру, но не менее активно участвовало в определении условий и рамок использования открывающегося природно-ресурсного потенциала: «В стремлении же к возможному сбережению сих земель, следует обставить отчуждение оных известными условиями, которые ограждали бы интересы казны и обеспечивали осмотрительную раздачу земель. С этой стороны было замечено, что соседние Восточной окраине Империи владения Китая заселяются весьма быстро, а благодаря этому Приморская и Амурская области, со своей стороны, нуждаются

¹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. М.: Вече. 2012. 320 с.

² Фауст К. Великий торговый путь от Петербурга до Пекина. История российско-китайских отношений в XVIII–XIX веках. М.: Центрполиграф. 2019. 447 с.

³ Сибирь и Великая Сибирская железная дорога//Министерство финансов. Департамент торговли и мануфактур. Изд. 2 -е. Испр. и доп. С.-Петербург: Типография И. А. Ефрона. 1896. 283 с.

⁴ Покишишевский В. В. Заселение Сибири (историко-географические очерки)//Под ред. В. А. Кротова. Иркутск: Иркутское областное государственное издательство. 1951. 208 с. [С. 201].

в возможно густом населении. В виду сего отчуждение казенных земель крупными участками в одни руки не соответствовало бы интересам края»⁵.

Весьма гибкое сочетание прямых и косвенных мер государственной политики обеспечили чрезвычайно быстрый рост и экономики, и уровня жизни в Сибири. «Со времени открытия Сибирской железной дороги и вплоть до самых последних лет, когда распространение сельскохозяйственных орудий и машин сделало гигантский шаг и в коренной России, сельское хозяйство Сибири стояло впереди губерний выхода переселенцев по части употребления усовершенствованных орудий <...> Сложившийся на земельном приволье хозяйственный уклад сибирского крестьянства не мог оставаться незабываемым; постепенно падала естественная производительность почвы, сокращался прежний земельный простор под влиянием нового спроса на землю <...> На протяжении <18>90-х годов в Тобольской губернии было учреждено 33 банка (7 из их в Ишимском уезде)»⁶.

В заключительной части данного этапа получают развитие промышленность и производства, связанные с первичной переработкой сельскохозяйственного сырья и продукции горнорудного промысла. Важнейшая их экономическая особенность состояла в широком развитии форм кооперации – в маслоделии, лесном и горнорудном промыслах. В основе кооперации лежало объединение усилий как отдельных предпринимателей, так и создаваемых ими производственных, финансовых и торговых учреждений. Кооперативные структуры отличались не только большей встроенностью в местный экономический ландшафт, но и высокой степенью адаптации к меняющимся рыночным условиям. Государственные инвестиции на развитие собственно экономики обширного края при этом практически отсутствовали.

Впечатляющие результаты развития азиатской части страны позволили знаменитому русскому ученому (сибиряку родом из г. Тобольска) Д. И. Менделееву утверждать еще в начале XX столетия⁷: «Основной тенденцией хозяйственного развития страны следует считать неуклонно происходящее смещение хозяйственных центров на восток... И так как на северо-восточном крае России тундры и леса спускаются на более низкие широты, сравнительно с северо-западом, то можно утверждать, что центр поверхности России, способный к расселению, лежит около 56 градуса северной широты и около 46 градусов восточной долготы, т.е. ... немного севернее Омска. Можно полагать, что

⁵ Приложение № 13 О мерах, принимавшихся правительством к развитию частного землевладения в Сибири, с. 97–123 [С. 120]. Прибавление к Всеподданнейшему докладу Министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 года // Министерство земледелия и государственных имуществ. С.-Петербург: Типография В. Киршбаума. 1896. 158 с. Приложение на 123 с.

⁶ Азиатская Россия. Том 2. Земля и хозяйство. С.-Петербург: Издание Переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия. 1914. 638 с. [С. 405, 450].

⁷ Менделеев Д. И. К познанию России. С.-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1906. 156 с. [С. 142].

в направлении примерно к этому месту – с уклоном на юг будет в ближайшем десятилетии перемещаться современный центр населенности России...».

Несколько позже ученик Д. И. Менделеева, выдающийся сибирский ученый Б. П. Вейнберг формально доказал справедливость этих выводов⁸.

Третий этап был связан с ускоренной индустриализацией и стремительным развитием как промышленности, так и сельского хозяйства в рамках социалистического строительства. Основные движущие силы при этом – «экономия на масштабе», государственные инвестиции (и связанная с ними централизация процессов принятия решений и аккумуляции экономических результатов), а также высокие темпы привлечения трудоспособного населения как из других регионов страны, так и из сибирского села. До начала 1990-х гг., несмотря на все преобразования и лихолетья, сибирские малые города и села являлись основой устойчивости демографической ситуации на Востоке России (статья С. В. Соболевой, Н. Е. Смирновой, О. В. Чудаевой).

В силу географических, экономических, стратегических масштабов Сибири (в каких бы границах мы ее не рассматривали), если она начинает тормозить, а тем более дрейфовать, развитие России высокими темпами просто невозможно. На протяжении всего прошлого столетия данное утверждение было справедливым – Сибирь развивалась ускоренными темпами, и они, в свою очередь, определяли темпы развития и экономики, и социальной сферы страны в целом. Увы, с началом XXI века в связи с проведением «радиальных» экономических преобразований, континент Сибирь перешел от целенаправленного движения в заданном направлении к дрейфу – «по воле ветра и волн».

На современном этапе Сибирь стала не только терять темпы развития, но и устойчиво переходить в разряд аутсайдеров экономического развития страны (статья Ю. С. Ершова и О. В. Тарасовой). Одна из причин этого – отсутствие тех механизмов адаптации, которые были созданы и реализованы на начальном этапе развития промышленности в Сибири. Сформированные в 1990-е годы подходы к организации и функционированию ведущих отраслей экономики Сибири никак не учитывают и не принимают во внимание «гнет расстояний» (и фактора времени). По этой причине последствия гиперинфляции в сочетании с централизацией финансово-экономических результатов за пределами Сибири не замедлили сказаться самым катастрофическим образом. Как итог, население и Сибири и Востока России стало сокращаться. В самом начале 2020 г. были опубликованы данные Росстата о динамике населения в стране. Сибирские регионы (Омская и Кемеровская области и Алтайский край) оказались в числе «лидеров» по темпам убыли населения.

⁸ Вейнберг Б. П. Положения центра поверхности России от начала княжества Московского до настоящего времени // Известия Императорского Русского Географического Общества. Том LI. Вып. VI. Санкт-Петербург, 1915.

Среди основных особенностей современного этапа социально-экономической жизни (не развития) Сибири можно отметить следующие.

1. Ориентацию на локальные (в рамках отдельных субъектов Федерации) проекты и решения.

2. Отсутствие проектов, направленных на объединение усилий регионов Сибири, с целью обеспечения синергетического эффекта от их взаимодействия и кооперации (таких, например, как специализированное машиностроение для горнорудного, лесного, аграрного секторов экономики макрорегиона; развитие лесоперерабатывающей промышленности для нужд домостроения и проч. и проч.).

3. Неучет особенностей и характера внутреннего рынка Сибири – его потенциала для создания, развития и повышения конкурентоспособности экономики макрорегиона в целом.

4. Непроработанность практических вопросов рамок и форм адресной поддержки кооперационных связей и интеграции усилий производителей как продукции, так и услуг самого различного характера (в форме обеспечения целевых форм финансовой поддержки и научно-технического сопровождения в рамках всей цепочки взаимосвязей участников того или иного процесса) (статья З.Б.-Д. Дондокова).

5. Нерешенность вопросов координации и адресного сопровождения со стороны макрорегионального уровня вопросов реализации межрегиональных проектов.

6. Исключение науки и местного экспертного сообщества из процесса обсуждения, сопровождения и обеспечения реализации проектных решений.

Устойчивое и поступательное развитие – например, в рамках мегапроекта «Русский ковчег» (статья А. Н. Клепача и Н. Н. Михеевой) возможно лишь на основе качественно нового подхода. В его основе – многие из тех наработок, которые ранее были успешно апробированы сибиряками. Важнейший его ресурс – кооперация и доверие, ориентация на сбалансированное социально-экономическое развитие Сибири в целом (при взаимном дополнении экономик отдельных регионов и различных уровней пространственной иерархии экономики всего макрорегиона – от агломераций до малых городов и сельских поселений).

Надеемся, представление на страницах «ЭКО» злободневных проблем и вопросов социально-экономического развития Сибири будет способствовать консолидации усилий специалистов, экспертов и всех заинтересованных читателей в поиске и реализации путей выхода мегарегиона из затянувшегося дрейфа. Пришло время развития по ясному и определенному маршруту.

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-8-30

Азиатская Россия – основные противоречия современного развития¹

Ю.С. ЕРШОВ. E-mail: eryus@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3526-3727

О.В. ТАРАСОВА. E-mail: tarasova.o.vl@gmail.com

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

ORCID: 0000-0003-3523-7641

Аннотация. В работе объясняется, почему Сибирь и Дальний Восток, многократно превосходящие европейскую часть страны по территории и наличию природных ресурсов, с начала рыночных реформ сменили опережающий (относительно среднероссийского) тренд своего развития на замедленный. Этот тренд привел к снижению доли макрорегиона в суммарном ВРП, численности населения и занятых в экономике. Показаны основные причины таких изменений пространственной структуры экономики, прямо противоположных тем, которые имели место в советский период. К ним не относятся ни климатические различия, ни транспортная удаленность – эти факторы существовали и в прошлом. Первая из причин смены тренда – длительный и глубокий экономический кризис, обусловивший резкое сокращение инвестиций и нового строительства, за счет чего ранее и обеспечивался ускоренный рост экономики Азиатской России. Вторая – изменение системы распределения доходов от экономической деятельности между непосредственными производителями и остальными участниками этой деятельности. Отмечается, что главное последствие этих изменений – концентрация доходов в столичном регионе, и что европейская «периферия» пострадала даже в большей степени, чем Азиатская Россия.

Ключевые слова: численность населения; пространственная структура производства; темпы роста; климат; транспорт; распределение доходов; коррекция

До начала 1990-х гг. азиатская часть России в целом развивалась ускоренными темпами. Сводные макроэкономические показатели, такие как валовой общественный продукт, национальный доход и, тем более, ВРП в советской статистике по отдельным регионам не рассчитывались. Но если бы они существовали, то показали бы опережающую динамику по сравнению с европейской частью РСФСР. Формально косвенным, но бесспорным индикатором повышенных темпов роста является опережающая динамика численности населения, поскольку она обуславливает

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ-РГО № 17-05-41018 «Комплексная оценка вариантов формирования опорной транспортной сети азиатской части России: ресурсные и социально-экономические возможности».

и повышенные темпы роста не только сферы услуг, но и строительства, энергетики, торговли, транспорта, связи и отдельных отраслей промышленности, ориентированных на региональные рынки.

За период между переписью 1959 г. и вплоть до 1990 г. рост численности населения Азиатской России² заметно опережал аналогичный показатель для европейской части. При этом чем восточнее и севернее, тем более выразительным было это опережение. Если за период 1959–1989 гг. население европейской части увеличилось на 21,5%, то для азиатской прирост составил 43,2%, в том числе для Западной Сибири – 33,8%, для Восточной – 42,3%, для Дальнего Востока – 66,4%. Наиболее впечатляющим был рост населения в районах Крайнего Севера и приравненных к ним территориях – на Чукотке в 3,5 раза, в Магаданской области (в современных границах) – в 2,1 раза, в Якутии – в 2,3 раза, в Камчатской области – в 2,2 раза. Рекордсменами в части демографии стали Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа – здесь население увеличилось соответственно в 10,2 и 7,8 раза³.

Зарубежных аналогов столь стремительного заселения регионов с экстремальными климатическими условиями нет. Так, Канадский Север – это Юкон, Северо-Западные территории и Нунавут общей площадью суши 3,6 млн км² имеет население численностью всего 107 тыс. чел. Крупных городов нет, основной вид транспорта – авиация⁴. Население нашей Чукотки с территорией почти в пять раз меньшей, в начале 1990 г. превышало 162 тыс. чел. Более плотно заселен американский штат Аляска, но темпы роста его населения никогда не были столь стремительными, как на севере Азиатской России в советские времена, даже в период нефтяного бума, когда за два десятилетия добыча нефти

² В качестве Азиатской России в статье рассматриваются территории Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Дальневосточного экономических районов в тех границах, которые имели место до перехода к разделению на федеральные округа – в современной терминологии это Сибирский и Дальневосточный округа плюс Тюменская область.

³ Численность населения СССР по переписи на 15 января 1959 г. по республикам, краям, областям М.: Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, 1960. Российский статистический ежегодник. Стат. сб./ Госкомстат России. М., 2001. С. 82–83.

⁴ URL: <https://vancouverok.com/naselenie-kanady>; URL: http://www.statcan.ca/francais/Pgdb/phys01_f.htm

увеличилась с нуля до 100 млн т. За 1980-е гг. прирост населения составил 36%, за последующие почти 40 лет (по 2018 г.) – 31%⁵.

В итоге доля азиатской части в общем населении России возросла с 19,2 до 21,9%. И такое изменение пространственной структуры населения казалось вполне естественным. Изобилие разнообразных природных ресурсов во все времена было главным стимулом освоения и заселения территорий. При прочих равных условиях, т.е. при такой же квалификации работников и характеристиках используемой техники, как и в ресурснедостаточных регионах, сдвиг производительных сил на восток обеспечивал Азиатской России повышенную производительность труда. При таких предпосылках опережающий рост ее экономики должен был иметь место на очень длительную перспективу.

Так считали многие советские ученые, отстаивая эту точку зрения как в научной литературе [Орлов, 1974; Очерки..., 1980; Сибирь..., 1980], так и в научно-популярной [Аганбегян, Ибрагимова, 1981, 1984], призывающей к участию в освоении богатств Сибири и Дальнего Востока. И руководство страны проводило вполне очевидную политику материального поощрения тех, кто живет в самых отдаленных районах и районах с экстремальными условиями вплоть до окончания советского периода.

Начало внутреннего неокOLONIALИЗМА. Азиатская Россия нужна прежде всего как поставщик ресурсов, а не как их потребитель

Однако с начала рыночных реформ все пошло в обратном направлении, и чем севернее и восточнее, тем хуже. Численность населения Европейской России к 2018 г. осталась практически на уровне начала 1990 г.⁶ (табл. 1). Население Западной Сибири уменьшилось на 1,8%, Восточной – почти на 11%, Дальнего Востока – на 23,4%, азиатской части в целом – на 9,8%. И опять в числе теперь уже «антирекордсменов» северо-восточные регионы – население Чукотки уменьшилось в 3,3 раза, Магаданской области – в 2,7 раза, Камчатки – более чем в 1,5 раза, Сахалина – в 1,46 раза.

⁵ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аляска>

⁶ Для сопоставимости – по Европейской России без учета населения Крыма.

Таблица 1. Динамика численности населения РФ в 1959–2018 гг., тыс. чел.

Регион	1959	1990	2000	2010	2018
Европейская Россия	95,0	115,4	116,3	113,8	115,4
Азиатская Россия	22,6	32,3	30,6	29,0	29,1
Западная Сибирь	11,3	15,0	15,0	14,5	14,8
Восточная Сибирь	6,5	9,2	8,7	8,2	8,2
Дальний Восток	4,8	8,0	6,9	6,3	6,2

Примечание: 1959 г. – на дату переписи (15 января), далее – оценка на начало года.

Источник. Численность населения СССР по переписи на 15 января 1959 года по республикам, краям, областям – М.: Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, 1960. Российский статистический ежегодник. Стат. сб./ Госкомстат России. М., 2001 и последующие годы.

Вследствие отрицательного сальдо миграции населения Азиатская Россия за период 1990–2017 гг. потеряла 2470 тыс. чел., Европейская Россия получила 12300 тыс. чел.⁷. Каковы в этих показателях составляющие внутренней и международной миграции, точно неизвестно – статистика последней для 1990-х годов в пространственном разрезе отсутствует. Если принять гипотезу о том, что около 10 млн чел. миграционного прироста Европейской России обеспечила международная миграция, то именно ею почти полностью и объясняется изменение пространственной структуры населения в пользу европейской части страны. Без этих 10 млн здесь имело бы место сокращение численности на 9% по сравнению с началом 1990 г. – почти такое же, как и в Азиатской России.

Международная, а точнее, межреспубликанская миграция в советский период частично объясняет и относительно невысокие темпы роста численности населения Европейской России. РСФСР за послевоенный период до начала 1990-х потеряла вследствие отрицательного сальдо межреспубликанской миграции несколько миллионов человек. Рост населения в союзных республиках европейской части СССР заметно опережал рост населения в европейской части РСФСР. Так, население республик Прибалтики за период между переписями 1959 и 1989 гг. увеличилось на 32% (при более низких коэффициентах естественного прироста по сравнению с Россией), в Белоруссии прирост составил 27%, на Украине – 23,5%, население Молдавии выросло в 1,5 раза.

⁷ Показатели рассчитаны с использованием данных о численности населения на начало года, числе родившихся и умерших за период 1990–2017 гг.

Значительный вклад в эти повышенные показатели прироста внесли мигранты из России. Они же в основном осваивали и целинные земли Казахстана, строили крупные промышленные предприятия и впоследствии работали на них в Казахстане и в республиках Средней Азии. В пятидесятых и даже шестидесятых годах XX в. фактор трудоизбыточности или перенаселенности этих республик еще не ощущался – численность их населения была в разы меньше, чем сейчас. Так, население Таджикистана в 1959 г. составляло менее 2 млн чел., Узбекистана – 8,1 млн (по сравнению с соответственно 9,1 и 33 миллионами в 2018 г.).

Среди переезжавших сюда на постоянное место жительства сибиряки и дальневосточники составляли, по всей видимости, очень малую часть – у них были свои и целина, и гигантские стройки.

Когда с начала 1990-х пребывание в бывших союзных республиках стало некомфортным, эти люди в массовом порядке стали возвращаться в Россию. Естественно, в первую очередь туда, откуда приехали и где остались их родственники – в Европейскую Россию. Таким образом, влияние международной миграции на изменение пространственной структуры населения в разрезе Европа-Азия за период с начала 1990-х было намного более значимо, чем влияние внутренней межрегиональной миграции.

Изменение пространственной структуры населения – важнейший фактор, определяющий и изменение пространственной структуры производства. Даже на уровне субъекта Федерации средней величины около 2/3 занятых в экономике работают на местный рынок. Это занятые в сфере нематериальных услуг, на транспорте и в связи, в торговле и общественном питании, энергетике, строительстве, значительная часть занятых в сельском хозяйстве, пищевой промышленности, производстве стройматериалов.

Динамика численности населения сильно влияет на динамику спроса на региональном рынке и, следовательно, динамику численности занятых в экономике и валового регионального продукта. Причем та часть динамики, которая определяется миграцией, в расчете на одного человека намного более значима, чем динамика, определяемая естественным движением населения – прибывающие на постоянное место жительства в большинстве своем прибывают с деньгами, увеличивающими спрос на товары и услуги на региональном рынке, убывающие – увозят деньги, что, естественно, оказывает негативное влияние на региональную экономику.

Мы не можем оценить влияние миграции и сопряженного с нею негативного влияния на спрос со стороны населения на внутреннем рынке Азиатской России и, соответственно, на ее экономику за весь период, начиная с 1990 г., ввиду отсутствия данных о валовом региональном продукте в начале периода. Потому сопоставим пространственные структуры суммарного ВРП за 1995–2017 гг. В 1995 г. на Азиатскую Россию приходилось 28,5% суммарного ВРП и 21,2% населения России, в 2017 г. – соответственно 25,0% и 20,2% (без Крыма) (табл. 2). Душевые номинальные показатели ВРП здесь росли медленнее, чем в европейской части.

Таблица 2. Пространственная структура суммарного ВРП в РФ в 1995–2017 гг., %

Регион	1995	2000	2008	2010	2017
Европейская Россия	71,50	72,77	76,12	74,68	75,00
Азиатская Россия	28,50	27,23	23,88	25,32	25,00
Западная Сибирь	15,46	15,08	14,82	14,34	14,55
Восточная Сибирь	7,27	6,78	4,54	5,38	5,13
Дальний Восток	5,77	5,37	4,53	5,60	5,18

Источники табл. 2, 3: «Национальные счета России» за 2014–2018 гг. Росстат, М., 2015–2019 и предыдущие издания.

Значительное влияние на изменение пространственной структуры оказало изменение структуры не собственно производства и производственных мощностей, а межотраслевые различия в темпах роста цен и изменения в системе распределения доходов от экономической деятельности. Наши расчеты показали, что если бы пространственная структура менялась лишь в результате межрегиональной дифференциации индексов физического объема, то ее изменения были бы намного меньшими [Yershov, 2016]. Особенно заметно это на показателе ВРП российской столицы – здесь по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» в 2018 г. объем «отгрузки» составил 1,8 трлн руб. против 1,3 трлн годом ранее. Но индекса физического объема нет, поскольку нет товаров-представителей, необходимых для его расчета.

Кроме того, использование номинального ВРП в качестве главного показателя для оценки масштабов межрегиональной дифференциации душевых показателей производства приводит к существенно большим различиям, чем, например, использование чистого продукта – вновь созданной стоимости. Еще больше сокращаются различия в производственных показателях и,

особенно в показателях потребления при переходе от номинальных показателей к реальным (по аналогии с паритетом покупательной способности в международных сопоставлениях), если учитывать межрегиональные различия в ценах (об этом подробнее в другой работе автора [Ершов, 2019]).

Адекватным изменению пространственной структуры населения было и изменение пространственной структуры занятых в экономике. В 1995 г. на Азиатскую Россию приходилось 21,9% от общей численности занятых, к 2017 г. этот показатель упал до 19,6%. В общей численности безработных, напротив, ее доля увеличилась с 21,3 до 24,8%.

Сибирские ученые-экономисты и в условиях утраты Сибирью и Дальним Востоком части позиций в суммарных итогах экономической деятельности продолжали отстаивать тезис о том, что реальная значимость региона для страны намного больше, чем та, которая вытекает из простого сопоставления статистических данных по регионам. И это действительно так, если учесть его вклад в ту часть ВВП страны, которая рассчитывается лишь на федеральном уровне и по регионам не распределяется, прежде всего, в доходах от внешнеэкономической деятельности. В том числе не только для текущего момента, но и в части обеспечения перспектив развития экономики страны в целом [Сибирь на пороге..., 1999; Сибирь в первом десятилетии..., 2008; Современная роль..., 2014; Akhtamov, et al., 2017]. Но следует признать, что в совокупности наиболее перспективных проектов на территории азиатской части страны доминировали топливно-сырьевые и транспортные, ориентированные прямо и косвенно на увеличение экспорта сырья.

Вернемся к причинам смены советских трендов пространственного развития на противоположные. Почему же люди в массовом порядке стали покидать северные и восточные районы? Что изменилось в условиях их жизни и деятельности?

Климат? Но больше «губит людей не холод, губит людей жара»

Климатические различия очень хорошо объясняют различия в плотности населения – чем холоднее, тем, при прочих равных условиях, менее комфортна жизнь, да и затраты на производство в большинстве отраслей выше. Среднесуточная температура января даже в самых северных районах европейской части намного

выше, чем в самых южных регионах Сибири – так, за период 2001–2017 гг. в среднем она составила в Республике Коми и в Архангельской области соответственно $-16,6\text{ }^{\circ}\text{C}$ и $-12,4\text{ }^{\circ}\text{C}$ против $-26,7\text{ }^{\circ}\text{C}$ в Республике Бурятия и в Забайкальском крае. Среднесуточная температура июля в регионах, где проживает подавляющее большинство сибиряков, лишь на 2–3 градуса ниже, чем в Центральной России⁸.

Отдельные авторы придают климатическому фактору гипертрофированное значение. Так, на рубеже веков стала достаточно популярной книга А. П. Паршева «Почему Россия не Америка» [Паршев, 2001]. Главная мысль автора – большинство отраслей экономики России в условиях ее открытости неконкурентоспособны вследствие повышенных энергозатрат, обусловленных нашим климатом. Автор явно перегибает с оценкой климатического фактора, тем более что пишет он о всей России, а не о районах Крайнего Севера и приравненных к ним. Ранее уже было показано [Ершов, 2016 а, б], что значение климатического фактора А. П. Паршев очень сильно преувеличил, а его печальные выводы обусловлены длительной экономической катастрофой 1990-х гг. Если бы подобная книга вышла сейчас, она вряд ли имела бы успех, особенно на фоне тех результатов, которых достигло в XX в. российское сельское хозяйство – наиболее зависимый от климатических условий вид деятельности. Главные причины нашего отставания от Америки и многих других стран с климатом не связаны, но часть из них, к сожалению, неустранима.

В каком-то смысле жаркий климат даже хуже, чем холодный. Во-первых, зима – это лучший санитар, и к тому же бесплатный. Местами зарождения и первоначального распространения различных вирусов и лихорадок всегда были теплые страны. Равно как и многих вредителей сельхозкультур типа саранчи. Во-вторых, в истории разных регионов и планеты, и России бывают периоды аномальной жары и аномальных морозов. Что касается последних, то мы никогда не слышали, чтобы в это время имел место явный рост смертности населения из-за обморожений или переохлаждений. А аномальная жара всегда приводит к увеличению смертности. И не только в Европе.

⁸ Рассчитано по данным, приведенным Росстатом со ссылкой на Росгидромет: «Регионы России. Основные характеристики субъектов Федерации». 2018. Стат. сб. / Росстат. М., 2018 и предыдущие издания.

Так, лето 2010 г. в Центральной России было аномально жарким – среднесуточная температура июля в Центральном округе составила плюс 25 градусов – на пять градусов выше средних многолетних значений. И аномальной была для этого года и статистика смертности – в июле-августе число умерших в России было на 55,7 тыс. больше, чем в 2009 г. и на 55,6 тыс. больше, чем в 2011 г. И этот результат был достигнут за счет Центрального округа (здесь прирост числа умерших в июле-августе по сравнению с 2009 г. составил 29%) и ряда соседних областей Южного и Приволжского, где лето 2010 г. тоже было аномально жарким. Только в Москве дополнительное количество смертей в июле-августе 2010 г. составило около 11 тыс. чел. (по сравнению с аналогичными показателями как 2009, так и 2011 гг.) – вряд ли таким же будет вклад коронавируса образца 2020 г. В Азиатской России в 2010 г. аномальной жары не было, и сохранилась обычная сезонная статистика числа умерших.

Кстати, 2010 г. отличился для Центральной России и аномально холодной зимой – среднесуточная температура января в Центральном округе составила минус 15,3 – на 7,5 градусов ниже средних многолетних значений. Но никакого роста числа умерших по сравнению с предшествующими годами в округе не было.

Может быть, жара отчасти является и причиной высокой смертности и низкой продолжительности жизни в жарких странах. Для ответа статистики нет – там каждое лето «аномально жаркое». А жаркий климат – это плохо и для экономики, и для жизни в целом, такова, например, точка зрения Дэвида Ландеса [Landes, 1998] – кроме изобилия болезней, он приводит и к дефициту воды.

У А.П. Паршева нашлось достаточно много противников. В.И. Данилов-Данильян назвал его главные выводы чушь [Данилов-Данильян, 2002]. В еще более грубой форме автору ответил Д. Орешкин в своей книге «Климат и А.П. Паршев как жертвы аборта» [Орешкин]. Более аккуратную, частично соглашаясь с некоторыми выводами автора, оценку содержания книги сделал Г.И. Ханин [Ханин]. А.П. Паршев, конечно, был бы более убедительным в своих выводах, если бы писал не о России в целом, а, например, лишь о районах Крайнего Севера и приравненных к ним. В книге очень много эмоций и преувеличений, а ссылок на нормальную статистику нет (например, о межрегиональных различиях в себестоимости сельхозпродукции, в сметной стоимости

строительства жилья и т.п.). Но главное – ее содержание свидетельствует о патриотизме автора, искреннем желании изменить условия, в которых находится наша экономика, в лучшую сторону.

Альтернативный взгляд имеет место у ряда зарубежных исследователей. обстоятельный нейтральный обзор зарубежных точек зрения и по поводу климата, и по поводу больших малонаселенных пространств был выполнен Л. В. Мельниковой [Мельникова, 2004, 2005]. В отличие от А. П. Паршева, у зарубежных авторов чаще доминирует антисоветизм, т.е. осуждение деятельности советского руководства в части масштабов освоения Сибири и Дальнего Востока. И это естественно, поскольку западная экономическая наука политизирована не меньше, чем была советская, и Россия, хотя и капиталистическая, но как преемник СССР, вряд ли получит когда-нибудь от западных экономистов такие рекомендации, которые действительно будут содействовать укреплению ее экономики.

Самой известной в России книгой такого рода стала работа Ф. Хилла и К. Гэдди «Сибирское проклятье: как коммунистические плановики заморозили Россию» [Hill, Gaddy, 2003]. Основной вывод авторов – восток России перенаселен, из-за этого страна несет значительные дополнительные энергозатраты. Но почему авторы ограничились только Россией? Аналогичные выводы должны быть еще более справедливы и в отношении Китая. Синцзян-Уйгурский автономный район, Внутренняя Монголия, три северо-восточные провинции Китая – население больше, чем во всей России, а климат – как в южных районах Сибири и Дальнего Востока. И если «перенаселенность» Азиатской России можно объяснять ошибками советского прошлого, то для Китая это современность. Но для Китая, по-видимому, такую книгу писать бесполезно – там ее не будут ни переводить, ни обсуждать.

Закончим тему климата. Климатические различия остались такими же, как и в дореформенные времена. А с точки зрения формальной логики негативное влияние климатического фактора в настоящее время должно быть слабее, чем в прошлом. Для защиты от холода теперь необязательны валенки, тяжелые тулупы, шали и шапки-ушанки – появилось много другой, более комфортной и относительно недорогой одежды, способной выполнять эту функцию. К тому же сейчас доля работающих на открытом воздухе намного меньше, чем 30 и более лет назад. Одновременно процент проживающих в бараках и индивидуальных домах, где

необходимо самостоятельно заботиться о тепле в помещениях, стал намного меньше. Поэтому климат не может быть виновным в оттоке населения из восточных и северных районов страны. Можно лишь предположить, что изменилась реакция на климат, т.е. народ стал более изнеженным и болезненнее реагирует на зимние морозы. Но вряд ли эту версию можно проверить.

Транспорт?

А точнее, удаленность от центра и основных мест отдыха, отсутствие для части населения возможности регулярной связи с другими регионами страны, дороговизна транспортных услуг? Подавляющее большинство населения Сибири и Дальнего Востока проживает в крупных городах и вблизи железных дорог, и лишь для относительно небольшой части условия транспортного обслуживания ухудшились. Можно предположить, что это является не причиной оттока населения, а скорее следствием. Например, частые авиарейсы в ставшие малочисленными города и поселки экономически нерентабельны.

Для основной части населения Сибири и Дальнего Востока условия транспортного обслуживания скорее улучшились – более комфортными стали пассажирские поезда, меньше стало авиарейсов, требующих промежуточных посадок ввиду ограниченной дальности полета воздушных судов. А относительно дорогими транспортные услуги были для жителей отдаленных районов и в советские времена. Здесь главная проблема не в ценах, а в доходах. Почему-то они относительно средних по стране сильно упали, и почему-то теперь и высокую зарплату, и рабочее место легче найти в Москве или Санкт-Петербурге, а не в Сибири или на Дальнем Востоке.

В целом транспортная отрасль для Азиатской России намного более значима, чем для большинства других регионов страны. Если в среднем по России доля транспорта в суммарном ВРП составляет 8%, то во многих субъектах азиатской части его роль намного выше. Так, в Приморском и Хабаровском краях на него приходится более 20% валовой добавленной стоимости, в Забайкальском крае – 19,8%, в Амурской области – 16,8%, в Новосибирской – 15,7% (2017 г.). Но эти показатели характеризуют лишь структуру валовых доходов. Современный транспорт уже

не имеет той огромной «поселениеобразующей» роли, как это было в далеком прошлом.

Паровозная тяга и одноколейные железнодорожные пути с изобилием разъездов и стрелок, водонапорных башен, складов с углем, поворотных кругов требовали на порядок больше обслуживающего персонала, чем современные магистрали. В итоге мы имеем на фоне быстрого роста грузооборота в восточном направлении по Транссибу и БАМу монотонное снижение численности населения почти всех поселков и городов, расположенных на этих магистралях.

Аналогичное снижение влияния на демографию и масштабы диверсификации экономики имеет место и в отношении водного транспорта – масштабы перевалки грузов через дальневосточные порты растут, но это не останавливает снижения численности населения расположенных рядом городов и поселков, даже таких известных, как Ванино и Находка. Практически незначим для остальной экономики трубопроводный транспорт – по окончании строительства потребность в обслуживающем персонале минимальна.

На изменившуюся не в пользу увеличения численности рабочих мест роль транспорта нельзя, конечно, списать сколь-нибудь существенной части демографических потерь Сибири и Дальнего Востока и сокращения численности занятых в экономике – по сравнению с 1990 г. она уменьшилась примерно на 2,7 млн чел. У столь масштабных процессов должны быть иные причины.

Первый и мощный удар – гиперинфляция

По районам Крайнего Севера Восточной Сибири и Дальнего Востока, где многие территории жили в режиме северного завоза и где отсутствовала круглогодичная связь с «материком», рыночные реформы нанесли наиболее сильный удар. Гиперинфляция 1992–1993 гг. полностью парализовала нормальную хозяйственную деятельность таких территорий. Длина совокупного производственного цикла здесь около года, и если по окончании очередного цикла цены у поставщиков вырастают на порядок, то выручки никак не хватит для закупки того объема средств производства и потребительских товаров, что завозился годом ранее.

Разрушительная сила гиперинфляции очень сильно проявлялась на территории всей страны, ломая сложившуюся систему

снабжения, рассчитанную на закупки крупных партий товаров оптом в расчете на реализацию в течение длительного срока. Но если в местах с круглогодичным транспортным сообщением ее могли заменить более затратные, но адаптированные к инфляции методы снабжения – от мелкого опта до челночной торговли, то для многих северных территорий такая замена была недоступна.

Сохранить экономику и население таких территорий могли только бюджетные деньги, но их выделяли по минимуму. В итоге только за 1992–1995 гг. население Чукотки сократилось на 43%, Магаданской области – на 34%. При такой динамике полностью умирает гражданское строительство – первичный рынок жилья отсутствует, ввода иных объектов социальной инфраструктуры тоже практически нет. А уже имевшийся жилой фонд становится отчасти невостребованным и постепенно разрушается.

Но подавляющая часть экономики Азиатской России находилась в зоне круглогодичной транспортной доступности, поэтому гиперинфляция и просто инфляция вряд ли оказали на неё более значительное негативное воздействие, чем на экономику европейской части. Следовательно, должны быть и другие причины относительного ухудшения экономического положения этой макрзоны. В качестве одной из них можно назвать сам затяжной экономический спад.

В советском прошлом значительная часть экономики Сибири и Дальнего Востока была ориентирована на нужды расширенного воспроизводства, на перспективные растущие потребности в большей степени, чем экономика европейской части России. А они росли очень быстро – в период так называемого «застоя» среднегодовые темпы прироста национального дохода превышали 5%. По многим видам топлива, сырья, металлов, химической продукции Азиатская Россия была основным источником удовлетворения этих растущих потребностей. К тому же после мирового энергетического кризиса 1970-х гг. эффективность добычи топлива и производства энергоёмкой продукции для поставок на внешний рынок значительно увеличилась. Так, рост экспортного потенциала страны также должен был осуществляться в значительной степени за счет Сибири и Дальнего Востока.

О растущих в перспективе потребностях после 1991 г. уже не думали, инвестиции в экономику Азиатской России надолго стали ненужными. Внутренний спрос стремительно сокращался,

заметно ухудшалась и внешнеэкономическая конъюнктура. Эффективность экспорта падала в связи с быстрым ростом реального обменного курса рубля (темпы роста цен на внутреннем рынке сильно опережали рост курса доллара), что приводило к снижению покупательной способности рублевого эквивалента валютной выручки на внутреннем рынке.

Переход на позитивную траекторию экономического роста с 1999 г. не был аналогом того расширенного воспроизводства, который имел место в СССР. Если для советского периода расширение производства было напрямую связано с новым строительством и вводом новых производственных мощностей, то с 1999 г. рост производства осуществлялся поначалу в основном за счет повышения загрузки уже имевшихся.

Вторая особенность этого периода – рост потребления опережал рост производства вследствие появившейся возможности быстро наращивать объемы импорта. При этом внутренний спрос на электроэнергию, уголь, нефтепродукты, черные и цветные металлы рос крайне медленно. Лишь к 2017 г. потребление электроэнергии в стране вернулось к уровню 1990 г., а потребление дизельного топлива до сих пор ниже дореформенных объемов. Актуальность строительства новых электростанций, крупных нефтеперерабатывающих и металлургических заводов с точки зрения обеспечения растущих внутренних потребностей далека от той, которая была в советский период.

Второе десятилетие нынешнего века отличается крайне низкими темпами экономического роста, что, согласно той логике, которая использовалась выше, не должно было способствовать изменению пространственной структуры экономики в пользу азиатской части страны. В этих условиях более благоприятную, чем в Европейской России, динамику ВРП могут обеспечить только экспортоориентированные отрасли. Их развитие в настоящее время является главной причиной относительной стабилизации пространственной структуры экономики страны в разрезе Европа-Азия. Минимальный уровень азиатской части в суммарных производственных итогах был достигнут в 2008 г. (23,9%), потом он, хотя и не монотонно, стал повышаться.

Однако ориентация на внешний рынок не имеет столь значимых позитивных последствий для экономики в целом, как ее развитие вследствие роста спроса на внутреннем рынке. Крупные

импортеры предпочитают покупать топливо и сырье, реже – продукты первичной переработки, особенно энергоемкие. Это обходится дешевле, а глубокую переработку они могут сделать сами. Кроме того, природное топливо и полуфабрикаты часто более транспортабельны, чем продукты глубокой переработки. Влияние внутреннего спроса на экономику совсем иное, потребителям нужна не нефть, а нефтепродукты, не просто металл, а изделия из него, не круглый лес, а пиломатериалы, фанера, бумага и т.д.

Проблема не в плохой широте и долготе и не в отдаленности – на европейской «периферии» ничуть не лучше

Анализ экономических показателей в разрезе крупных макрорайонов имеет существенный недостаток, не позволяющий обнаружить отдельные важные особенности формирования пространственной структуры экономики. И если «копнуть чуть глубже», можно обнаружить важнейшую причину изменения этой структуры, которая сопоставима или даже превосходит по своей значимости все остальные причины отставания азиатской части России по динамике номинального ВРП и по динамике населения.

Как показывают приведенные в таблице 3 данные, изменение пространственной структуры обусловлено в большей степени тем, что на территории европейской части сконцентрировано руководство нашей экономики в лице головных контор государственных и частных корпораций, производственных и финансовых. Эффект влияния «столичного фактора» на пространственную структуру был бы еще большим, если бы Росстат включил в суммарный ВРП все итоги финансовой деятельности, поскольку в Москве регистрируется почти вся прибыль российских финансовых институтов.

**Таблица 3. Пространственная структура суммарного ВРП РФ
в 1995 г., 2017 г., %**

Регион	1995	2017	Изменение (п.п.)	Изменение
Европейская Россия	71,50	75,00	+3,50	+4,9
В том числе без Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга	55,19	43,60	-11,59	-21,0
Москва, Московская область и Санкт-Петербург	16,31	31,40	+15,09	+92,5
Азиатская Россия	28,50	25,00	-3,50	-12,3

«Освобожденная» от столичного региона и Санкт-Петербурга европейская часть России показывает заметно худшую динамику номинального ВРП по сравнению с азиатской частью. Ее доля сократилась на 21%, или в 1,27 раза против 12,3%, или в 1,14 раза у азиатской части. Так что то противоречие, о котором упоминалось в начале статьи, это феномен не только азиатской части, а всей «периферии». И «европейская периферия», т.е. европейская часть страны без столичного региона и Санкт-Петербурга, от произошедших после 1995 г. перемен в регистрации доходов от экономической деятельности пострадала даже больше, чем Сибирь и Дальний Восток. Причем нужно иметь в виду, что численность населения «европейской периферии» выросла, а азиатской части страны уменьшилась. Так что по итогам экономического соревнования между этими зонами азиатская часть является бесспорным победителем.

Более детальные исследования показывают, что «европейская периферия», как и азиатская часть – это совокупность разнообразных территорий с совершенно разными трендами социально-экономического развития. И если в целом по «европейской периферии» за годы рыночных реформ население увеличилось, то демографические итоги многих субъектов Федерации здесь намного более печальны, чем на востоке страны. И эти итоги уходят своими корнями еще в далекое советское прошлое. Так, на начало 2019 г. численность населения 13 субъектов Федерации Центрального федерального округа была меньше, чем по итогам первой послевоенной переписи. В целом по округу, за вычетом Москвы и Московской области, население сократилось на 3,4 млн чел. По сравнению с 1959 г.!

Возврат к советским трендам маловероятен

Перспективы развития Азиатской России осложняются в настоящее время разными причинами, и среди важнейших отметим следующие.

1. Советская система освоения новых территорий была ориентирована прежде всего на постоянное население и сопро-вождалась строительством новых городов и поселков, которые появлялись вблизи крупных месторождений, крупных ГЭС и имели более или менее диверсифицированную экономику. То есть прирост добавленной стоимости далеко не ограничивался только

тем, который обеспечивала добыча и транспортировка нефти и газа, выработка электроэнергии и т.п.

Сейчас по вполне понятным экономическим соображениям ставка делается на вахтовиков. Так, в XX в. началась добыча нефти в южной части Тюменской области, сейчас она уже превышает 12 млн т. Но ни одного нового города или даже поселка в местах добычи не появилось. Не появилось их и в Красноярском крае, и в Иркутской области, где масштабы добычи еще больше. Ни во время строительства, ни после него не появились новые города и поселки вблизи Бурейской и Богучанской ГЭС, а в ближайших от них поселениях население продолжает сокращаться. А при отсутствии постоянного населения нет развития отраслей, ориентированных на его обслуживание, следовательно, нет и того дополнительного прироста производства, который имел бы место в советские времена.

2. Те методы стимулирования притока населения в восточные районы страны, которые использовались в советские времена, часто никак не были обусловлены повышенной эффективностью производства или производительностью труда. Официально они вводились «с целью компенсации дополнительных издержек», имеющих место вследствие климатических условий. Формально региональные коэффициенты к заработной плате и северные надбавки сохранились, но уменьшилась база для их начисления, и они во многих случаях уже не работают или не являются столь сильным стимулом для переезда в Сибирь или на Дальний Восток, как это было в прошлом. После привязки заработной платы работников главных отраслей бюджетной сферы к средней по субъекту Федерации принцип равной оплаты за равный труд был официально похоронен даже для этих категорий занятых в экономике.

3. В отношении отдельных отраслей экономики, прежде всего, сельского хозяйства применялись дополнительные и очень результативные методы поддержания и развития. В СССР дифференциальная рента, обусловленная различиями в плодородии почв, изымалась путем зонально дифференцированных закупочных цен, и в восточных и северных регионах они были выше. По продукции животноводства могли различаться в разы. Только по этой причине на Чукотке поголовье крупного рогатого скота достигало 3,6 тыс. голов (сейчас его там почти не осталось – 0,0 тыс., т.е. менее 50 голов), в Магаданской области осталось 3,6 тыс. голов против

43,1 тыс. в 1990 г. Сейчас зонально дифференцированных в соответствии с издержками производства закупочных цен нет, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для сельского хозяйства северных и восточных районов. Доля Азиатской России в суммарных итогах сельскохозяйственного производства монотонно снижается от пятилетки к пятилетке, и в отношении этой отрасли ничего нельзя списать на «столичный фактор».

4. Значительное влияние на пространственную структуру экономики через изменение потребности в численности занятых играет трудосберегающий технический прогресс. И опять не в пользу регионов с суровыми природно-климатическими условиями. Производство техники, обеспечивающей существенный рост производительности труда, может быть на очень большом отдалении от тех мест, где она применяется. Сейчас, например, даже у «черных лесорубов», использующих на лесозаготовках далеко не самую лучшую технику, производительность труда выше, чем в далеком прошлом, когда главными инструментами были ручные бензопилы и топоры.

5. «За морем телушка – полушка, да рубль перевоз». Эта старая поговорка в значительной мере утратила свою силу. Когда-то многие скоропортящиеся товары необходимо было производить на местах, альтернативы не было или она была очень дорогой. Молоко быстро расслаивалось и скисало даже в холодильниках, хлеб даже при не очень длительном хранении плесневел. Современные молочные продукты и хлебобулочные изделия могут сохранять свои потребительские качества неделю-две и даже больше. Поэтому острой необходимости иметь соответствующие производства повсеместно нет. В настоящее время производство многих промышленных товаров требует реализации эффекта масштаба, т.е. больших рынков сбыта. В советские времена телевизоры производили и в Новосибирске, и в Омске, и в Красноярске. Это был хотя и конвейерный, но ручной труд, от рассредоточения производства его издержки, конечно, возрастали, но ненамного, а транспортные затраты были намного более значимы, чем в настоящее время для современных телевизоров, которые раз в пять более легкие и компактные.

Наиболее печальными итоги рыночных реформ стали для сельского населения и населения малых городов и поселков городского типа. Причем эти итоги еще далеко не окончательные.

В целом это общероссийская проблема, но ее последствия для азиатской части страны более значимы, чем для европейской. Помимо упомянутого выше значительного уменьшения «поселениеобразующей» роли транспорта и более сильного падения доходов по сравнению с населением больших городов, здесь огромное влияние имеют изменения, произошедшие в сельском хозяйстве – как в технологиях, так и в структуре производства. Постоянного, ежедневного присутствия работников в сельской «глубинке» более всего требует крупный рогатый скот, нуждающийся в пастбищах и сенокосах. Но он сейчас «не в моде» – поголовье с 1990 г. сократилось более чем в три раза и никаких серьезных признаков хотя бы частичного его восстановления в перспективе пока не наблюдается.

Птицеводство и свиноводство тяготеют к потребителю, т.е. концентрируются вблизи крупных городов. К тому же эти виды деятельности лишь по статистике сельское хозяйство, а по сути – промышленность, поскольку для них не нужны ни пастбища, ни даже солнечный свет, поэтому такие предприятия можно размещать и в городской черте. Вблизи крупных городов концентрируются и тепличные хозяйства, и овощеводство на открытом грунте. Богарное же растениеводство, т.е. не требующее полива, в постоянном присутствии работников не нуждается и потому может обслуживаться вахтовым методом.

По этой причине и вследствие значительного роста производительности труда спрос на рабочую силу в сельской глубинке сильно сократился и будет сокращаться впредь. Особенно в азиатской части страны, где самые трудоемкие виды сельскохозяйственной деятельности типа выращивания плодов и ягод практически исчезли.

Сокращение численности населения сёл и небольших поселков не может рассматриваться как движение к балансу спроса и предложения на рабочую силу – «ставшие лишними уедут, и все стабилизируется». На уровне отдельных поселений такие теории часто не работают, поскольку выбытие части населения ухудшает условия жизни и деятельности оставшихся из-за сокращения перечня и снижения качества тех услуг, в которых они нуждаются. Без почты и банковского офиса прожить еще можно, но закрытие школ, больниц и аптечных пунктов, магазинов и предприятий сферы обслуживания, отмена регулярного

транспортного сообщения из-за сокращения численности проживающих приводит к дальнейшему его сокращению, часто до полной ликвидации поселений.

Для значительной части жителей европейской части страны, проживающих в мелких поселениях, при таком сценарии остается промежуточный допустимый вариант – живу здесь, а работаю в городе, так как до места работы добираться лишь 1–2 часа или того меньше. В таком режиме живут и работают многие жители Подмоскovie и пригородных зон других городов. В городе же можно удовлетворять основные потребности в товарах и услугах. В азиатской части страны процент жителей, которые могут позволить себе подобный режим жизнедеятельности, намного меньше вследствие больших расстояний и менее развитой транспортной сети.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что специфических, присущих лишь азиатской части страны или ее территориям с самыми экстремальными климатическими условиями факторов, определяющих специфику развития экономики и изменения ее пространственной структуры, нет. Эти факторы действуют по всей России, но их проекция на азиатскую часть приводит к более сильным негативным последствиям, чем в европейской части. Противоречие между богатой ресурсной базой и пониженными темпами роста номинального ВРП и доходов населения объясняется двумя основными причинами. Это, во-первых, изменившееся соотношение между центром и периферией в борьбе за распределение доходов от экономической деятельности. Во-вторых – последствия коррекции прежних, советских методов освоения новых территорий и стимулирования переселения населения в малообжитые регионы в сторону современных рыночных критериев. Эта коррекция еще далеко не закончена, и сила ее достаточно велика, чтобы противостоять совокупности тех факторов, которые могут восстановить опережающий тренд экономического развития Сибири и Дальнего Востока.

Сможет ли Азиатская Россия полностью вернуть себе утраченные позиции или даже превзойти их в перспективе? Вероятно, в какой-то мере это произойдет, так как возможности дальнейшей концентрации регистрации итогов экономической деятельности в столичном регионе уже почти исчерпаны, и его будущее благополучие сейчас неразрывно связано с развитием экономики

«периферийной» части России. Но такой динамики развития Азиатской России, какая имела место в советский период, уже, скорее всего, не будет.

Литература

Аганбегян А. Г., Ибрагимов З. М. Сибирь на рубеже веков. М.: Советская Россия, 1984. 252 с.

Аганбегян А. Г., Ибрагимов З. М. Сибирь не понаслышке. М.: Молодая гвардия, 1981. 252 с.

Данилов-Данильян В. Книжка Паршева – бальзам для патриотов самого разного толка, но с содержательной точки зрения – чушь. Интервью от 19.02.2002. URL: <http://www.r-reforms.ru/indexpub190.htm> (дата обращения: 15.03.2020).

Ершов Ю. С. Межрегиональная дифференциация, регионы-доноры и регионы-реципиенты: многообразие оценок и выводов // Регион: экономика и социология. 2019. № 1. С. 3–22.

Ершов Ю. С. Особенности национальной экономики, или почему Россия не стала Америкой. И не будет, если... // ЭКО. 2016а. № 2. С. 69–92.

Ершов Ю. С. Особенности национальной экономики, или почему Россия не стала Америкой. И не будет, если... (окончание) // ЭКО. 2016б. № 3. С. 6–29.

Мельникова Л. В. А была ли дискуссия? // ЭКО. 2005. № 12. С. 67–85.

Мельникова Л. В. Освоение Сибири: ревнивый взгляд из-за рубежа // ЭКО. 2004. № 6. С. 99–119.

Орешкин Д. Климат и А. П. Паршев как жертвы аборта. URL: <https://web.archive.org/web/20190503143411/http://www.libros.am/book/read/id/156580/slug/klimat-i-a-p-parshhev-kak-zhertvy-aborta> (дата обращения: 15.03.2020).

Орлов Б. П. Сибирь сегодня: проблемы и решения. М.: Мысль, 1974. 208 с.

Очерки экономики Сибири / ИЭОПП СО АН СССР. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1980. 352 с.

Паршев А. П. Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост-9Д, 2001. 411 с.

Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе / Отв. ред. М. К. Бандман, В. А. Калмык, Б. П. Орлов, З. Р. Цимдина; ИЭОПП СО АН СССР. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1980. 336 с.

Сибирь в первом десятилетии XXI века / Отв. ред. В. В. Кулешов. Новосибирск, Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. 788 с.

Сибирь на пороге нового тысячелетия / Отв. ред. В. В. Кулешов, ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, 1999. 296 с.

Современная роль экономики Сибири в народнохозяйственном комплексе России / Под ред. В. В. Кулешова. ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, 2014. 326 с.

Ханин Г. И. Почему Россия не Америка. Размышления над книгой. URL: http://www.ieie.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/03_01/Hanin.htm

Akhtamov E., Bezrukov L., Bragin V., Brukhanova E., Danilova V., Efimov A., Efimov V., Ershov Y., Gergilev D., Kolomyts L., Kozyr V., Krukov V., Lapteva A., Makarov I., Malov V., Sarchenko V., Shishatsky N., Tarasova O., Voronov Yu. Siberia and the Far East in XXI Century: Problems and Perspectives of Development: Scientific Report: Translated from Russian / ed. by V. Efimov; Siberian Federal University, Strategic Research Fund "Siberian Club". Krasnoyarsk: SibFU, 2017. 182 p.

Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Brookings Institution Press, 2003. 240 p.

Landes D. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some are so Rich and Some so Poor. N.Y.: Norton, 1998. XXII, 650 p.

Yershov Yu.S. Features of Regional Economic Development in Russia in 1999–2013. DOI: 10.1134/S2079970516040079 // Regional Research of Russia. 2016. Vol. 6, Is. 4. P. 281–291.

Статья поступила 17.01.2020.

Статья принята к публикации 26.01.2020.

Для цитирования: *Ершов Ю. С., Тарасова О. В.* Азиатская Россия – основные противоречия современного развития // ЭКО. 2020. № 8. С. 8-30. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-8-30.

Summary

Ershov, Yu.S., Tarasova, O. V., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

Asian Russia – Main Contradictions of Current Development

Abstract. The paper explains why Siberia and the Far East, which are many times superior to the European part of the country in terms of territory and availability of natural resources, since the beginning of market reforms, have changed their development trend to a slower one (relative to the Russia's average). This trend has led to a drop in the share of the macro-region in the total GRP, population and employment in the economy. The main reasons for such changes in the spatial structure of the economy, which are directly opposite to those that took place in the Soviet period, are shown. These factors do not include climate differences or transportation distances – these factors have existed in the past. The first reason for the trend change is a long and deep economic crisis, which caused a sharp reduction in investment and new construction, which previously provided the accelerated growth of Asian Russia's economy. The second is a change in the distribution of income from economic activities between direct producers and other participants in this activity. It is noted that the main consequence of these changes is concentration of income in the capital region, and that the European “periphery” has suffered even more than Asian Russia.

Keywords: population; spatial structure of production; growth rate; climate; transport; income distribution; correction

References

Aganbegyan, A.G. Ibragimova, Z.M. (1981). Siberia not by Hearsay. Moscow. Molodaya Gvardiya Publ., 252 p. (In Russ.).

Aganbegyan, A.G., Ibragimova, Z.M. (1984). Siberia at the Turn of the Century. Moscow. Soviet Russia Publ., 252 p. (In Russ.).

Akhtamov, E., Bezrukov, L., Bragin, V., Brukhanova, E., Danilova, V., Efimov, A., Efimov, V., Ershov, Y., Gergilev, D., Kolomyts, L., Kozyr, V., Krukov, V., Lapteva, A., Makarov, I., Malov, V., Sarchenko, V., Shishatsky, N., Tarasova, O., Voronov, Yu. (2017). Siberia and the Far East in XXI Century: Problems and Perspectives

of Development: Scientific Report: Translated from Russian. ed. by V. Efimov; Siberian Federal University, Strategic Research Fund "Siberian Club". Krasnoyarsk: SibFU, 182 p.

Danilov-Danilyan, V. (2002). Parshev's book is a balm for patriots of all sorts, but from a meaningful point of view – nonsense. Interview from 19.02. Available at: <http://www.r-reforms.ru/indexpub190.htm> (accessed 15.03.2020).

Ershov, Yu.S. (2016). Features of the national economy, or why Russia did not become America. And it won't be if... (ending). *ECO*. No. 3. Pp. 6–29. (In Russ.).

Ershov, Yu.S. (2016). Features of the national economy, or why Russia did not become America. And it won't be if... *ECO*. No. 2. Pp. 69–92. (In Russ.).

Essays on the Economy of Siberia. (1980). IEIE SB AS USSR. Novosibirsk. Nauka Publ., SB, 352 p. (In Russ.).

Hill, F., Gaddy, C. (2003). *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Brookings Institution Press. 240 p.

Khanin, G.I. Why Russia is not America. Reflections on the book. Available at: http://www.ieie.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/03_01/Hanin.htm (accessed 15.03.2020).

Melnikova, L.V. (2004). Development of Siberia: a jealous view from abroad. *ECO*. No. 6. Pp. 99–119. (In Russ.).

Melnikova, L.V. (2005). Was there a discussion? *ECO*. No. 12. Pp. 67–85. (In Russ.).

Modern role of the economy of Siberia in the national economic complex of Russia. (2014). ed. by V. V. Kuleshov. IEIE SB RAS, Novosibirsk. 326 p. (In Russ.).

Oreshkin, D. Climate and A. P. Parshev as victims of abortion. Available at URL: <https://web.archive.org/web/20190503143411/http://www.libros.am/book/read/id/156580/slug/klimat-i-a-p-parshev-kak-zhertvy-aborta> (accessed 15.03.2020).

Orlov, B.P. (1974). *Siberia today: problems and solutions*. Moscow Misl Publ., 208 p. (In Russ.).

Parshev, A.P. (2001). *Why Russia is not America*. Moscow: Krymsky most-9D. 411 p. (In Russ.).

Siberia in a single national economic complex. (1980). ed. M.K. Bandman, V.A. Kalmyk, B. P. Orlov, Z. R. Tsimdina; ieopp SB as USSR. Novosibirsk. Nauka Publ. SB, 336 p. (In Russ.).

Siberia in the first decade of the XXI century. (2008). ed. Novosibirsk, Publishing house of IEIE SB RAS, 788 p. (In Russ.).

Siberia on the threshold of the new Millennium. (1999). ed. V.V. Kuleshov, IEIE SB RAS, Novosibirsk. 296 p. (In Russ.).

Yershov, Yu.S. (2019). Interregional differentiation, donor regions and recipient regions: diversity of assessments and conclusions. *Region: Economics and sociology*. No. 1. Pp. 3–22. (In Russ.).

Yershov, Yu.S. (2016). Features of Regional Economic Development in Russia in 1999–2013. DOI: 10.1134/S2079970516040079. *Regional Research of Russia*. Vol. 6. Is. 4. Pp. 281–291.

For citation: Ershov, Yu.S., Tarasova, O.V. (2020). Asian Russia – Main Contradictions of Current Development. *ECO*. No. 8. Pp. 8-30. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-8-30.

Из сибиряков в дальневосточники: широк простор и долг путь

З.Б.-Д. ДОНДКОВ, доктор экономических наук. E-mail: dzorikto@mail.ru
Бурятский научный центр СО РАН, Улан-Удэ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и перспективы развития Республики Бурятия и Забайкальского края в составе Дальневосточного федерального округа. Исследованы изменения административно-территориального статуса Бурятии и Забайкалья на протяжении последних 100 лет. Проведен анализ участия двух регионов в программах развития Дальнего Востока в плановой экономике и в постсоветском периоде. Определен значительный разрыв в федеральном финансировании программных мероприятий между сибирскими и дальневосточными субъектами России. Выявлена тенденция снижения финансовой поддержки забайкальских регионов в рамках федеральной целевой программы развития Дальнего Востока. Изучены проблемы и перспективы интеграции обоих регионов в экономическое пространство Дальнего Востока. Определены объективные и субъективные факторы отставания Республики Бурятия от Забайкальского края в использовании режима территории опережающего социально-экономического развития.

Ключевые слова: Республика Бурятия; Забайкальский край; Дальний Восток; экономическое районирование; федеральная целевая программа; Минвостокразвития; территория опережающего развития; инвестиционные проекты; инфраструктура

Включение Республики Бурятия и Забайкальского края в состав Дальневосточного федерального округа (ДФО) было неожиданным и вызвало неоднозначные мнения у экспертов и жителей двух субъектов Российской Федерации¹. Оба региона традиционно считались сибирскими. Однако их история и развитие тесно связаны и с Дальним Востоком. Символично, что первыми столицами Дальневосточной республики были Верхнеудинск (Улан-Удэ с 1934 г.) и Чита.

До середины XIX века Забайкалье находилось на периферии государственных интересов Российской империи. Ключевым фактором, сдерживавшим его экономическое развитие, являлось

¹ Бессмысленная мера или светлое будущее. Что думают эксперты о «присоединении» Бурятии и Забайкалья к Дальнему Востоку [Эл. ресурс]. URL: <https://www.infpol.ru/179535-bessmyslennaya-mera-ili-svetloe-budushchee-hto-dumayut-eksperty-o-prisoedinenii-buryatii-i-zabaykal/> (дата обращения: 16.04.2019); «Неплохо жилось» и в Сибири: жители Бурятии противятся переходу в ДФО [Эл. ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2515222.html> (дата обращения: 18.04.2019).

отсутствие надежных транспортных коммуникаций, обеспечивающих поставку производимой в регионе продукции на внутренний и внешний рынки. В силу этого вывоз продукции в центральную часть страны ограничивался в основном пушниной и золотом. Подавляющая доля малочисленного населения Забайкалья была занята в натуральном хозяйстве, включая кочевое животноводство. До 1860-х годов для российских товаров фактически был закрыт рынок Китая.

Экономическая и геополитическая значимость региона стала возрастать в связи с освоением Дальнего Востока и развитием российско-китайского экономического взаимодействия. В условиях бездорожья решающее значение приобрело развитие транспортных коммуникаций. Открытие судоходства по Амуру и его притокам обеспечило возможность масштабной отправки людских и материальных ресурсов на восток.

Забайкалье стало форпостом развития торгово-экономических отношений России и Китая. По территории региона проходили основные маршруты Великого чайного пути, по которым осуществлялась поставка китайского чая, российской пушнины, ткани и кожевенных изделий. Объем товарных потоков между странами резко увеличился со строительством Китайско-Восточной железной дороги, проходившей по территории Маньчжурии и соединявшей Читу с Владивостоком и Порт-Артуром.

Масштабное освоение огромных территорий востока России стало возможным после завершения строительства Транссибирской магистрали. В довоенные годы были построены крупнейшие промышленные предприятия Бурятской АССР и Читинской области, включая улан-удэнские авиационный и паровозоремонтный заводы, читинские кожевенный и шубный заводы, предприятия энергетики, горнодобывающей промышленности, пищевой индустрии.

При строительстве производственных объектов учитывалось приграничное положение регионов. Размещение в Улан-Удэ крупнейших в СССР мясокомбината и фабрики первичной обработки шерсти было обусловлено поставками мяса и шерсти из соседней Монголии. Строительство южного участка Транссиба до станции Наушки и Улан-Баторской железной дороги обеспечило надежное транспортное сообщение с Монголией и севером Китая. В настоящее время этот участок железной дороги, соединяющей

три страны, является центральным маршрутом экономического коридора Китай – Монголия – Россия.

Бурятия и Забайкальский край в административно-экономическом районировании России

Административно-территориальный статус Бурятии, и особенно Забайкалья, на протяжении последних 100 лет неоднократно менялся (табл. 1).

Таблица 1. Этапы административно-территориального устройства Бурятии и Забайкалья (1920–2018 гг.)

Административно-территориальная единица макроуровня	Административный центр	Период
Дальневосточная республика	Верхнеудинск	06.04.1920–10.1920
	Чита	10.1920–15.11.1922
Дальневосточная область	Хабаровск	15.11.1922–04.01.1926
Дальневосточный край	Хабаровск	04.01.1926–30.07.1930
Восточно-Сибирский край	Иркутск	30.07.1930–05.12.1936
Восточно-Сибирская область	Иркутск	05.12.1936–26.09.1937
Сибирский федеральный округ	Новосибирск	13.05.2000–03.11.2018
Дальневосточный федеральный округ	Владивосток	с 03.11.2018

Так, в первые годы советской власти территория Забайкалья в различном статусе поочередно входила в состав дальневосточных и восточносибирских территориальных образований, создаваемых по принципу матрешки. До 1937 г. в стране имела место четырехуровневая иерархия регионов: СССР – союзная республика – край/ область – область/округ.

В первые годы после Гражданской войны и утверждения советской власти в России на территории Забайкалья и Дальнего Востока была создана независимая Дальневосточная республика (6 апреля 1920–15 ноября 1922), которая выполняла роль буферного государства между Советской Россией и Японией. В 1922 г. она вошла в состав РСФСР в качестве Дальневосточной области, включавшей в себя пять губерний и Бурят-Монгольскую автономную область [История..., 2018. С. 107]. В 1926 г. ДВО была упразднена, образованные на территории Забайкалья Читинский и Сретенский округа первоначально входили в состав вновь созданного Дальневосточного края с административным центром

в г. Хабаровске, а в 1930 г. были переподчинены Восточно-Сибирскому краю со «столицей» в г. Иркутске.

Знаковым для Забайкалья стало принятое в марте 1934 г. решение о создании Читинской области в составе Восточно-Сибирского края. Вместе с тем эта административная единица просуществовала меньше года и была упразднена в связи с разукрупнением края². Районы Читинской области были переданы в непосредственное подчинение края. Статус самостоятельного субъекта в составе РСФСР Забайкалье получило в сентябре 1937 г., когда Восточно-Сибирская область была разделена на Иркутскую и Читинскую области³.

В отличие от Забайкалья Бурятия не входила в состав дальневосточных территориальных образований РСФСР. Бурят-Монгольская АССР, созданная в 1923 г., была в составе Восточно-Сибирского края в течение всего периода его существования с 1930 по 1936 гг.

Современные границы Бурятии и Забайкалья сформировались в 1937 г. С тех пор оба региона сохраняли статус отдельных субъектов РСФСР, а затем Российской Федерации.

В период возрождения совнархозов (1957–1965 гг.)⁴ была предпринята попытка децентрализации управления экономикой страны на основе административно-экономического районирования [Тимошенко, 2015. С. 704]. В 1963 г. на территории Иркутской и Читинской областей, Бурятской АССР был создан Восточно-Сибирский Совнархоз с административным центром в Иркутске [Мерцалов, 2013. С. 99]. Его деятельность, связанная с управлением местными предприятиями промышленности и строительства, продолжалась недолго и закончилась в 1965 г. в связи с начавшейся экономической реформой, упразднением совнархозов и возвратом к отраслевому принципу планирования.

Это привело к тому, что в дальнейшем экономическое развитие каждого из трех восточносибирских регионов характеризовалось общими чертами. Продукция предприятий местной

² Постановление ВЦИК от 07.12.1934 «О разукрупнении Западносибирского и Восточносибирского краев и образовании новых областей в Сибири».

³ Постановление ЦИК СССР от 26 сентября 1937 года «О разделении Восточно-Сибирской области на Иркутскую и Читинскую области».

⁴ Первые Советы народного хозяйства существовали в СССР в 1917–1922 гг.

промышленности предназначалась в основном для внутреннего потребления. Деятельность крупных предприятий, напрямую подчинявшихся отраслевым министерствам, как правило, не сопровождалась тесной кооперацией даже на территории одного региона. Реальные экономические связи были в инфраструктурных отраслях, включая энергетику. Например, принятие решений о строительстве таких крупных объектов, как Гусиноозерская ГРЭС и Тугнуйский угольный разрез, согласовывалось с руководством соседних регионов. С реформированием энергетики России и выделением независимой энергокомпании ОАО «Иркутскэнерго» взаимодействие между регионами в этой отрасли резко сократилось.

В целом за период с 1922–2018 гг. административные образования, существовавшие на территории современного Забайкальского края, находились в составе дальневосточного макрорегиона менее восьми лет, а Бурятии вообще там не было. Таким образом, для обоих субъектов Федерации с 2018 г. начался новый этап развития.

Забайкальские регионы в программах развития Дальнего Востока

Вместе с тем включение Республики Бурятия и Забайкальского края в состав Дальневосточного федерального округа не было случайным. На протяжении последних десятилетий сложилась уникальная ситуация: два российских региона, традиционно относившихся к Сибири⁵, были объектами стратегического планирования развития Дальнего Востока.

В 1987 г. была принята «Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года», в которую были включены мероприятия по развитию различных отраслей народного хозяйства и социальной сферы в целом и по конкретным регионам. Выделение отдельного раздела по развитию производительных сил в зоне БАМ являлось отражением важности железнодорожной магистрали, как ключевого элемента, объединяющего

⁵ Республика Бурятия и Читинская область входили в состав Восточно-Сибирского экономического района (см. Общероссийский классификатор экономических регионов. М.: Издательство стандартов, 2000).

территории, входящие в состав макрорегиона. На наш взгляд, именно строительство Байкало-Амурской магистрали стало одним из ключевых аргументов для включения этих регионов в программу по Дальнему Востоку.

Данная программа стала первым документом, в котором совместно рассматривались вопросы развития Дальнего Востока и двух восточносибирских регионов. С распадом СССР и разрушением плановой системы хозяйствования ее действие прекратилось [Минакир, 2007. С. 23].

К середине 1990-х годов экономическая ситуация на Дальнем Востоке резко ухудшилась [Минакир, Прокапало, 2017. С. 15]. Причем в силу ряда обстоятельств на Дальнем Востоке негативные тенденции переходного периода проявились сильнее, чем на остальной территории страны. Индекс промышленного производства в 1995 г. составил здесь лишь 46% к уровню 1990 г. Резко усилился отток населения в центральные регионы России и в бывшие союзные республики. С учетом быстрого экономического развития стран Восточной Азии, в первую очередь КНР, это вызывало большую обеспокоенность федеральной власти.

В этих условиях по инициативе межрегиональной Ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Дальний Восток и Забайкалье» в 1995 г. была разработана, а в 1996 г. принята «Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы» (далее – ФЦП). Программа неоднократно менялась: по ней вышло 24 постановления Правительства РФ⁶, сама она продлевалась последовательно до 2010 г.,⁷ 2013 г.,⁸ а затем и до 2018 г.⁹ Каждая из ее редакций фактически являлась отдельной программой, отличавшейся не только периодом действия, но и целями и задачами, составом объектов планирования, объемами финансирования.

⁶ Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года» [Эл. ресурс]. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2012/136/?yover=2006> (дата обращения: 16.06.2019).

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2003 г. № 758.

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 21 ноября 2007 г. № 801.

⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2013 г. № 1128.

В ФЦП-2010 объектами планирования были Дальний Восток и Забайкалье¹⁰. Государственным заказчиком-координатором выступило Министерство экономического развития и торговли РФ. Были поставлены весьма размытые и общие цели, включая создание экономических условий для устойчивого развития макрорегиона; формирование необходимой инфраструктуры и благоприятного инвестиционного климата; развитие социальной сферы. Государственная бюджетная поддержка была довольно скромной. В качестве основного источника финансирования рассматривались внебюджетные средства. По Республике Бурятия, Читинской области и Агинскому Бурятскому автономному округу федеральное финансирование предусматривалось для реализации ряда проектов по созданию инфраструктурных и социальных объектов. Доля указанных субъектов РФ в общем объеме средств из федерального бюджета составила лишь 9,1% (табл. 2).

Таблица 2. Основные характеристики трех редакций ФЦП

Наименование редакции ФЦП	Количество запланированных мероприятий			Объем финансирования из федерального бюджета, млн руб.		
	Дальний Восток	Респ. Бурятия	Забайк. край	Дальний Восток	Респ. Бурятия	Забайк. край
«Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года»*	378	32	56**	26360,2	1416	1228,1**
«Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года»	220	17	26**	300899,7	16201,8	9169,7**
«Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года»***	69	2	1	123039,71	6266,3	1632,8

* Без учета мероприятия «Содержание дирекции Программы».

** Суммарные данные по Читинской области и Агинскому Бурятскому автономному округу.

*** Без учета межрегиональных проектов.

Следует отметить невысокий уровень выполнения мероприятий программы. По мнению автора, во многом по причине отказа от федерального финансирования. Так, в Республике Бурятия

¹⁰ Понятие «Забайкалье» в контексте ФЦП включает в себя Республику Бурятия и Забайкальский край.

до сих пор не начато освоение Озерного колчедано-полиметаллического месторождения в Еравнинском районе. В Забайкальском крае не удалось вывести на проектную мощность Жирекенский горно-обогатительный комбинат в Чернышевском районе, провести реконструкцию Петровск-Забайкальского металлургического завода. Отсутствие своевременной поддержки привело к тому, что в настоящее время оба предприятия не работают.

Впрочем, ряд проектов, для которых в ФЦП-2010 предусматривалось госфинансирование, тоже не был реализован. В Бурятии не были построены четыре малых ГЭС в Курумканском и Баргузинском районах. До сих пор не решен вопрос о сооружении второго энергоблока Улан-Удэнской ТЭЦ-2, а реконструкция взлетно-посадочной полосы аэропорта г. Улан-Удэ была завершена лишь в декабре 2018 г.¹¹

В последующей ФЦП-2013 государственным заказчиком – координатором программы стало Министерство регионального развития. Основной упор был сделан на формирование инфраструктуры.

К приоритетным направлениям программы было отнесено развитие топливно-энергетического и транспортного комплексов, инженерной инфраструктуры и социальной сферы. Резко (более чем в 10 раз) возросли объемы финансирования за счет средств федерального бюджета.

В Республике Бурятия в рамках данной программы были построены и реконструированы инфраструктурные объекты, обеспечивающие экологическую устойчивость Байкальской природной территории; проведена реконструкция республиканской клинической больницы, детской многопрофильной клинической больницы, центра восточной медицины; завершено строительство физкультурно-спортивного комплекса, республиканского стадиона, здания драматического театра. Вместе с тем заявленные в ФЦП проекты по строительству Мокской ГЭС и железнодорожной линии Могзон – Озерное с перспективой выхода железной дороги на станцию Уоян Байкало-Амурской магистрали остались не реализованными.

Ряд крупных проектов по развитию транспортной и коммунальной инфраструктуры, энергосетевого хозяйства, строительству

¹¹ Новая ВПП в аэропорту Байкал откроется 12 декабря [Эл. ресурс]. URL: <https://tass.ru/v-strane/5854308> (дата обращения: 16.06.2019).

и реконструкции объектов здравоохранения в рамках ФЦП реализован в Забайкальском крае.

Вместе с тем подавляющая часть господдержки по-прежнему направлялась в регионы Дальнего Востока. Совместная доля Республики Бурятия, Читинской области и Агинского Бурятского АО в общем объеме федеральных субсидий по ФЦП-2013 составила лишь 8,4%.

В 2013 г. срок действия ФЦП был продлен до 2018 г. Очередным государственным заказчиком – координатором программы стало Министерство РФ по развитию Дальнего Востока. В отличие от предыдущих редакций, в ФЦП-2018 была поставлена конкретная цель: развитие транспортной и энергетической инфраструктуры. В состав объектов планирования вошла дополнительно Иркутская область, из-за чего изменилось и название программы – ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года». Участие Республики Бурятия и Забайкальского края в ФЦП стало еще менее значительным. Из 69 проектов, запланированных в программе, лишь два были реализованы в Бурятии: реконструкция взлетно-посадочной полосы аэропорта Улан-Удэ и реконструкция участков автомобильных дорог. В Забайкальском крае в мероприятия ФЦП вошли лишь строительство и реконструкция участков автодорог регионального и местного значения. Доля двух субъектов РФ в общем объеме средств из федерального бюджета уменьшилась по сравнению с предыдущими редакциями ФЦП, составив 5,79% (табл. 3).

Таблица 3. Показатели финансирования ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года»*

Макрорегион/ регион	Всего, млн руб.	Средства федерального бюджета, млн руб.	Удельный вес в сумме средств из федерального бюджета, %	Средства федерального бюджета на душу населения, тыс. руб.
Дальний Восток и Байкальский регион	173519,6	136509,51	100,0	12,72
Дальний Восток	156057,3	123039,71	90,13	19,72
Байкальский регион	17462,3	13469,8	9,87	3,00
Республика Бурятия	6363,6	6266,3	4,59	6,44
Забайкальский край	1814,2	1632,8	1,20	1,49

* Без учета межрегиональных проектов.

Реализация рассмотренных редакций программы позволила забайкальским регионам решить ряд вопросов развития инфраструктуры и социальной сферы. Вместе с тем в программе изначально была и в дальнейшем усилилась дифференциация по уровню государственной поддержки между дальневосточными субъектами РФ и Республикой Бурятия и Забайкальским краем (ранее – Читинская область и Агинский Бурятский автономный округ).

По объему средств федерального бюджета на душу населения Республика Бурятия в три раза отставала от регионов Дальнего Востока, а Забайкальский край – в 13 раз! В рамках ФЦП два сибирских региона так и не стали полностью «своими» на Дальнем Востоке. Не способствовала этому и смена государственных заказчиков – координаторов программы. В 2007 г. эти функции были переданы от Министерства экономического развития и торговли РФ Министерству регионального развития России, а в 2013 г. – Министерству Российской Федерации по развитию Дальнего Востока.

Следует отметить важность и особое место дальневосточной ФЦП среди других федеральных целевых программ. Во-первых, она является одной из немногих программ федерального значения, предназначенных для развития отдельных территорий, включая Северный Кавказ, Крым и г. Севастополь. Во-вторых, в отличие от Стратегий развития отдельных макрорегионов и субъектов РФ, указанная ФЦП при всех ее недостатках предусматривает реальное финансирование из средств федерального бюджета. Вместе с тем данная программа во всех ее редакциях, по сути, представляет собой набор достаточно разрозненных проектов, в основном направленных на решение конкретных задач по вывозу сырьевых ресурсов, развитию объектов социальной сферы.

Между Сибирью и Дальним Востоком

Республика Бурятия и Забайкальский край одновременно являются членами двух межрегиональных объединений: Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение» и Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Дальний Восток

и Забайкалье». Это расширяет возможности лоббирования интересов двух регионов с позиций как сибирских, так и дальневосточных территорий.

Двойственность положения двух сибирских регионов усилилась с созданием в 2012 г. отдельного ведомства, осуществляющего на территории Дальневосточного федерального округа функции по координации деятельности по реализации государственных программ и федеральных целевых программ – Министерства РФ по развитию Дальнего Востока (Минвостокразвития) [Лексин, 2014. С. 36]. Хотя вышеназванные федеральные целевые программы включали в объекты планирования Бурятию и Забайкалье, новое министерство объективно было заинтересовано в развитии в первую очередь «своих подопечных» дальневосточных регионов. Проблемы сибирских территорий для него не являлись приоритетными и отошли на второй план.

Разрыв по уровню государственной поддержки усилился еще больше, когда полномочный представитель Президента России в ДФО был назначен заместителем Председателя Правительства РФ (2013 г.). В составе Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока, возглавляемой Председателем Правительства России (далее – Правительственная комиссия)¹² он лоббировал в первую очередь интересы регионов ДФО.

Такое положение дел не устраивало руководство восточно-сибирских регионов. Они неоднократно ставили вопрос о включении в состав правительственной комиссии своих представителей¹³. В 2014 г. такое решение было принято Правительством РФ¹⁴, однако полномочия Минвостокразвития официально не распространялись на территорию Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края. Данный вопрос поднимался на заседаниях Совета по вопросам развития Дальнего Востока

¹² Постановление Правительства РФ от 17 сентября 2013 г. № 810 «О Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока».

¹³ Дмитрий Медведев провёл встречу с главами регионов России в рамках форума «Сочи-2014» [Эл. ресурс]. URL: <http://m.government.ru/all/14867/#ilk> (дата обращения: 11.05.2019).

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2014 г. № 1453 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»

и Байкальского региона при Совете Федерации¹⁵, а также в Государственной думе¹⁶.

Включение в 2019 г. Республики Бурятия и Забайкальского края в состав Дальневосточного ФО позволило кардинально решить проблему их двойственного положения и «легитимности» в программах развития Дальнего Востока. На «новичков» распространены законодательные нормы и механизмы государственной поддержки, действующие в ДФО. У них появились дополнительные возможности развития, включая патронаж Минвостокразвития, финансирование мероприятий в рамках государственных и национальных программ (проектов), использование специальных механизмов развития в виде территории опережающего социально-экономического развития (ТОР) и режима «свободный порт Владивосток».

Новые возможности и старые проблемы в составе ДФО

В ноябре 2018 г. был создан Проектный офис по интеграции Республики Бурятия и Забайкальского края в экономическое пространство Дальнего Востока (ДВ)¹⁷. В него вошло руководство двух регионов, сотрудники Минвостокразвития и работники институтов развития Дальнего Востока: АО «Корпорация развития Дальнего Востока», «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта», «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке», «Фонд развития Дальнего Востока».

В Забайкальском крае активно взялись за создание ТОР. В рамках единой территории опережающего развития «Забайкалье» создаются шесть площадок: «Северное Забайкалье»,

¹⁵ Заседание Совета по вопросам развития Дальнего Востока и Байкальского региона при Совете Федерации на тему «О вопросах законодательного обеспечения развития Дальнего Востока и Байкальского региона» 23 марта 2018 г. [Эл. ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/yCWSbMvaU7L8sqJYH9e7n5hKlgSBWMen.pdf> (дата обращения: 16.05.2019).

¹⁶ Вопросы к «правительственному часу» на заседании Государственной думы 11 января 2017 года, предложенные фракцией «ЕДИНАЯ РОССИЯ» в Государственной думе [Эл. ресурс]. URL: http://www.komitet2-1.km.duma.gov.ru/upload/site24/Minvostokrazvitiya_otvety_na_voprosy.pdf (дата обращения: 16.05.2019).

¹⁷ Интеграция Бурятии и Забайкалья в экономическое пространство ДФО идет по плану [Эл. ресурс]. URL: https://minvr.ru/press-center/news/21264/?sphrase_id=977936 (дата обращения: 15.06.2019).

«Западное Забайкалье», на востоке, юге и в центре края, а также в Читинской агломерации¹⁸. На них планируется реализация 18 инвестиционных проектов, находящихся в глубокой степени проработки и отражающих экономические приоритеты региона: горнодобывающие, лесоперерабатывающие и агропромышленные производства, транспортно-логистическую деятельность. Предполагаемый объем инвестиций составит 315 млрд руб., включая 27 млрд руб. государственной поддержки на строительство инфраструктуры. Планируется создать 18900 рабочих мест¹⁹.

В Республике Бурятия на территориях Кабанского и Кяхтинского районов создана ТОР «Бурятия»²⁰. Планируется реализация инвестиционных проектов по строительству птицеводческого комплекса и таможенно-логистического терминала. Ожидается, что объем частных инвестиций превысит 5,5 млрд руб. и будет создано около 900 рабочих мест²¹.

Строительство инженерной и транспортной инфраструктуры ТОР «Бурятия» будет финансироваться из внебюджетных источников.

Столь значительное различие между двумя регионами в масштабах использования нового инструмента развития территорий, на наш взгляд, вызвано действием нескольких факторов.

К объективным причинам следует отнести наличие особого режима хозяйственной деятельности на Байкальской природной территории, к которой относится подавляющая часть Бурятии. Это ограничивает возможности развития минерально-сырьевого, лесопромышленного и агропромышленного секторов экономики республики [Потапов, Добровенский, 2016. С. 154]. Кроме того, Республика Бурятия значительно уступает Забайкальскому краю по перспективам развития транспортно-логистической деятельности, так как не имеет прямого выхода на транспортные магистрали Китая.

¹⁸ Александр Осипов: «Шесть площадок создадут в крае в рамках ТОР «Забайкалье» [Эл. ресурс]. URL: <http://www.xn-80aaaac8algcgbck3f10q.xn-plai/news/aleksandr-osipov-shest-ploshchadok-sozdadut-v-krae-v-ramkah-tor-zabaykale/> (дата обращения: 15.06.2019).

¹⁹ Материалы пресс-конференции «Дальний Восток: точки роста – 2019» [Эл. ресурс]. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/21022/> (дата обращения: 19.06.2019).

²⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 14 июня 2019 года № 760 «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Бурятия».

²¹ Создана территория опережающего социально-экономического развития «Бурятия» [Эл. ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/37040/> (дата обращения: 19.06.2019).

В числе субъективных причин следует назвать тот факт, что еще в 2017 г. правительством Забайкальского края совместно с Минэкономразвития РФ был разработан проект комплексного плана социально-экономического развития региона до 2030 года, включавший 159 мероприятий²². Очевидно, что результаты, полученные при его разработке, были использованы для формирования единой ТОР «Забайкалье». Кроме того, временно исполняющим обязанности губернатора Забайкальского края стал Александр Осипов, до этого работавший первым заместителем министра Минвостокразвития, естественно предположить, что он хорошо разбирается во всех тонкостях и механизмах формирования ТОР.

Одним из последствий включения Республики Бурятия и Забайкальского края в состав ДФО является выделение средств на социальную инфраструктуру. В 2019–2021 гг. Республике Бурятия планируется выделить 6 млрд руб. на реализацию 73 проектов, а Забайкальскому краю – 9,425 млрд руб. на 72 мероприятия²³.

Увеличение расходов на социальную сферу, безусловно, положительно скажется на качестве жизни населения обоих регионов. В этом смысле его нельзя не приветствовать. Тем не менее в связи с этими планами возникают и некоторые опасения как у экспертов, так и у ряда руководителей регионального и муниципального уровня. Как известно, консолидированные бюджеты Республики Бурятия и Забайкальского края находятся в сильной зависимости от безвозмездных поступлений из федерального бюджета. Их доля в доходах бюджета Республики Бурятия на 2020 г. составляет 61,2%, а в Забайкальском крае – 44,3%²⁴.

²² Проект комплексного плана развития Забайкалья передан в аппарат Правительства РФ [Эл. ресурс]. URL: <https://tass.ru/sibir-news/4257558> (дата обращения: 20.06.2019).

²³ Юрий Трутнев провёл заседание подкомиссии по вопросам реализации инвестиционных проектов на Дальнем Востоке Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона [Эл. ресурс]. URL: <http://government.ru/news/36044/> (дата обращения: 20.06.2019).

²⁴ Закон Республики Бурятия от 13.03.2020 г. № 907-VI «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия “О республиканском бюджете на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 гг.”».

Закон Забайкальского края от 27.03.2020 г. № 1799-33К «О внесении изменений в Закон Забайкальского края “О бюджете Забайкальского края на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 гг.”».

Ввод в строй новых социальных объектов (больниц, школ, детских садов, домов культуры, спортивных сооружений) неизбежно приведет к дополнительным расходам регионального и муниципальных бюджетов, что при стагнации собственных налоговых и неналоговых поступлений обернется еще большим напряжением в региональных бюджетах, в которых и так не хватает средств для стимулирования экономического развития.

Путь двух традиционно сибирских регионов на Дальний Восток был долгим и непростым. Важнейшим фактором их стремления стать «дальневосточными» явились программы приоритетного развития Дальнего Востока, подкрепленные федеральным финансированием. К сожалению, Бурятия и Читинская область (в дальнейшем Забайкальский край) долгое время оставались в этих программах на правах «примкнувших», что не самым лучшим образом сказывалось на объемах получаемых средств. С включением Республики Бурятия и Забайкальского края в состав Дальневосточного федерального округа у «новичков» появились новые возможности.

По всей видимости, стартовые условия лучше у Забайкальского края, который исторически и географически ближе к Дальнему Востоку. На наш взгляд, по объективным и субъективным факторам он в большей степени готов к использованию новых механизмов развития, включая территории опережающего социально-экономического развития.

Вместе с тем, как отмечает П. А. Минакир: «...необходимо время для наблюдения и регистрации вероятных эффектов как для самих “новых” субъектов, так и для округа в целом» [Минакир, 2019. С. 16]. Открытым остается вопрос: удастся ли Республике Бурятия и Забайкальскому краю воспользоваться новыми возможностями или они останутся на периферии развития Дальнего Востока?

В целом включение двух регионов в состав Дальневосточного федерального округа позволило реализовать отдельные проекты по развитию социальной сферы, охране окружающей среды, строительству и модернизации объектов транспортной и энергетической инфраструктуры. Определенные положительные импульсы может обеспечить использование новых механизмов

и институтов регионального развития, включая территории опережающего социально-экономического развития. Вместе с тем возможные положительные эффекты смены «прописки» Республики Бурятия и Забайкальского края весьма ограничены. Увеличение экономической независимости регионов, создание новых рабочих мест, повышение собственной налоговой базы требуют принятия дополнительных мер развития.

Литература

История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2. Владивосток: Дальнаука, 2018. 656 с.

Лексин В. Н. Региональная политика России и ее «восточный вектор» // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 4. С. 33–48.

Мерцалов В. И. Эволюция совнархозовской реформы 1957–1965 гг. и вопросы районирования в Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2013. № 1. С. 86–100.

Минакир П. А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 1. С. 7–17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007–017. ORCID: 0000-0002-5451-5662.

Минакир П. А. Региональные программы и стратегии: Дальний Восток // Регион: экономика и социология. 2007. № 4. С. 19–31.

Минакир П. А., Прокапало О. М. Российский Дальний Восток: экономические фобии и геополитические амбиции // ЭКО. 2017. № 4 (514). С. 5–26.

Потапов Л. В., Добровенский Ю. П. Проблемы охраны озера Байкал и социально-экономического развития БПТ (эколого-экономический анализ) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2016. № 3. С. 151–157.

Тимошенко А. И. Совнархозовская реформа как попытка децентрализации управления экономикой СССР: сибирский региональный аспект // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 6. № 4. С. 702–724.

Статья поступила 25.06.2019.

Статья принята к публикации 07.07.2019.

Для цитирования: Дондков З.Б.-Д. Из сибиряков в дальневосточники: широк простор и долг путь // ЭКО. 2020. № 8. С. 31–47. DOI: 10.30680/ЕССО0131-7652-2020-8-31-47.

Summary

Dondokov, Z. B.-D., Doct.Sci. (Econ.), Buryat Scientific Center, SB RAS, Ulan-Ude

From Siberians to Far Easterners: Wide Open is the Space and Long is the Way

Abstract. The paper reviews problems and prospects of Republic of Buryatia and development of the Trans-Baikal Territory as part of the Far Eastern Federal District. The author considers changes in the administrative and territorial status of Buryatia and Transbaikalia over the last 100 years and analyzes participation of the two regions in development programs of the Far East in the planned economy and in the post-Soviet period. A significant gap is identified between the Siberian and Far Eastern regions of Russia in the federal funding of program activities. The paper also reveals a tendency to reduce financial support for projects implemented in the Trans-Baikal regions under the federal target program for the development of the Far East. The study concerns problems and prospects of integration of both regions into the economic space of the Far East. The author identifies objective and subjective factors of the backlog of the Republic of Buryatia from the Trans-Baikal Territory in using the regime of the territory of advanced socio-economic development.

Keywords: *Republic of Buryatia; Trans-Baikal Territory; the Far East; economic zoning; the federal target program; Ministry of Eastern Development; territory of advanced development; investment projects; infrastructure*

References

History of the Far East of Russia. (2018). Vol. 3. B. 2. Vladivostok: Dal'nauka. 656 p. (In Russ.).

Leksin, V.N. (2014). Regional Policy of Russia and its "Oriental Vector". *Problemyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. Vol. 7. No. 4. Pp. 33–48. (In Russ.).

Mercalov, V.I. (2013). Evolution of the economic reform of 1957–1965. and zoning issues in Eastern Siberia. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija*. No. 1. Pp. 29–36. (In Russ.).

Minakir, P.A., Prokapalo, O.M. (2017). Russian Far East: economic phobias and geopolitical ambitions. *ECO*. No. 4 (514). Pp. 5–26. (In Russ.).

Minakir, P.A. (2007). Regional programs and strategies: the Far East. *Region: Ekonomika i Sociologiya*. No. 4. Pp. 19–31. (In Russ.).

Minakir, P.A. (2019). Far Eastern institutional innovations: imitation of a new stage. *Prostranstvennaya ekonomika*. Vol. 15. No. 1. Pp. 7–17. (In Russ.). DOI: 10.14530/se.2019.1.007–017. ORCID: 0000-0002-5451-5662.

Potapov, L.V., Dobrovenskij, Yu.P. (2016). Problems of protection of Lake Baikal and socio-economic development of the BNT (environmental-economic analysis). *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*. No. 3. Pp. 151–157. (In Russ.).

Timoshenko, A.I. (2015). Sovnarkhoz reform as an attempt to decentralize management of the USSR economy: Siberian regional aspect. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Vol. 6. No. 4. Pp. 702–724. (In Russ.).

For citation: Dondokov, Z. B.-D. (2020). From Siberians to Far Easterners: Wide Open is the Space and Long is the Way. *ECO*. No. 8. Pp. 31-47. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-31-47.

Демографические проблемы Сибири в контексте пространственного развития¹

С.В. СОБОЛЕВА, доктор экономических наук. E-mail: soboleva@ieie.nsc.ru

Н.Е. СМЕРНОВА. E-mail: soboleva@ieie.nsc.ru

О.В. ЧУДАЕВА. E-mail: soboleva@ieie.nsc.ru

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск

Аннотация. В статье рассматриваются современные демографические проблемы Сибири, оцениваются их последствия для будущего страны. По данным Росстата, на фоне общего сокращения численности населения Сибирского федерального округа, особенно сельского, ускоренными темпами по сравнению с Россией в целом сокращаются численность и доля населения младшего и трудоспособного возраста, растут количество и доля пожилых граждан. Иными словами, происходит старение населения, возрастная структура становится регрессивной, и этот процесс в отсутствие кардинальных мер будет лишь усиливаться. Обсуждая пропагандируемую в последнее время в России идею необходимости поддержки роста агломераций, авторы акцентируют внимание на том, что, в отличие от крупных городов, которые в течение многих лет растут лишь за счет миграционных притоков, села и малые города остаются естественным источником демографического роста для страны. Помимо демографической значимости, опорная сеть поселений имеет важнейшее геополитическое значение, обеспечивая связанность пространства и контроль над ним. Особенно это касается обширных территорий Сибири и Дальнего Востока и в первую очередь приграничных. По мнению авторов, в стратегических планах развития России максимальное внимание следует уделить именно селам и малым городам, так как меры, направленные на улучшения в социально-экономической сфере и повышение рождаемости, будут иметь здесь самую эффективную и быструю отдачу, а также способствовать пространственному освоению и закреплению населения на стратегически важных территориях.

Ключевые слова: депопуляция; демографический потенциал; возрастная структура; старение населения; рождаемость; воспроизводство населения; пространственное развитие

Введение

После непродолжительного периода естественного прироста населения с 2016 г. в России возобновилась депопуляция²

¹ Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН по проекту XI.179.1.1 «Социальные аспекты демографической и продовольственной безопасности России и сибирских регионов» № АААА-А17–117022250120–9.

² Депопуляция – устойчивое превышение числа смертей над рождениями вследствие суженного воспроизводства населения, когда последующие поколения численно меньше предыдущих.

(в СФО – с 2017 г.), как это и прогнозировалось ранее. Число родившихся в 2017 г. сократилось по сравнению с предыдущим годом почти на 200 тыс. чел., что по масштабам сопоставимо с началом 1990-х гг. По оперативным данным Росстата за январь-апрель 2020 г.,³ несмотря на продолжающееся сокращение числа умерших с 626,7 тыс. до 609,5 тыс. чел., снижение числа родившихся происходит еще быстрее: с 478,5 тыс. до 449,2 тыс. В результате естественный прирост в России демонстрирует дальнейшее падение: –160,3 тыс. по сравнению с –148,2 тыс. чел. за аналогичный период 2019 г.

Фактор благоприятной возрастной структуры, связанный с относительно высокой рождаемостью 1980-х гг., близок к исчерпанию. С одной стороны, в период воспроизводства вступают малочисленные поколения рожденных в постсоветской России с худшим состоянием здоровья, в том числе репродуктивного. С другой – сравнительно большие группы рожденных в конце 1950-х – начале 1960-х гг. выходят из трудоспособного возраста. Таким образом, на протяжении длительного времени число новорожденных будет снижаться за счет значительного уменьшения количества женщин в репродуктивном возрасте, а число умерших – расти за счет увеличения количества людей старше 60 лет, на которых приходится большинство смертей.

Дополнительными негативно воздействующими в самые последние годы на воспроизводство населения факторами являются снижение реальных доходов населения, рост бедности и неуверенности в будущем на фоне экономической неопределённости. Этим можно объяснить тот факт, что суммарный коэффициент рождаемости, выйдя на локальный максимум в 2015 г. – 1,78, но, так и не достигнув уровня простого воспроизводства, начал снижаться и составил в 2018 г. только 1,58.

Общее удорожание жизни, увеличение старых и введение все новых обязательных платежей на фоне низких зарплат, закрединности населения и угрозы безработицы, повышение пенсионного возраста, проводимое форсированными темпами, с изъятием крупных сумм денег из семейных бюджетов россиян, – все это действует в направлении дальнейшего снижения благосостояния

³ Общие итоги естественного движения населения Российской Федерации за январь-апрель 2020 года. URL: https://gks.ru/free_doc/2020/demo/edn04-2020.htm (дата обращения: 26.06.2020).

населения в самом широком смысле этого слова, включая рост тревожности в обществе. Очевидно, что такая ситуация не будет способствовать увеличению рождаемости и даже удержанию ее на уже достигнутом уровне.

Демографическая ситуация в Сибири

За 1989–2017 гг. численность населения СФО сократилась на 8,3% (на селе – на 12,0%), в то время как в РФ – на 1,7%⁴. Причиной стала как естественная убыль (рис. 1), так и миграционный отток населения, прежде всего молодых трудоспособных возрастов, не видящего здесь для себя перспектив, ввиду сокращения рабочих мест и падения уровня жизни.

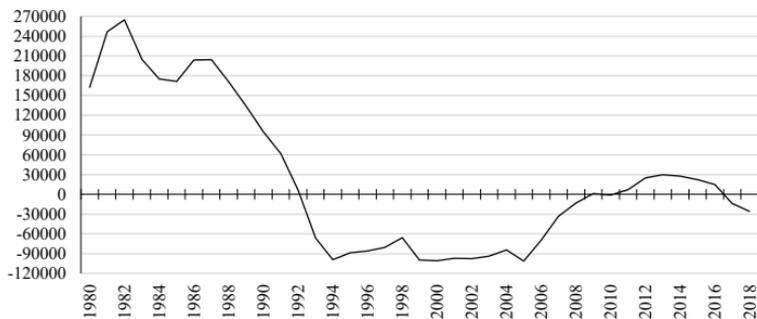

Рис. 1. Динамика естественного прироста населения СФО за период 1980–2018 гг., чел.

Источник рис. 1–7, табл. 1,2 и в тексте: использованы данные Росстата из «Демографического ежегодника России» и «Регионы России. Социально-экономические показатели».

Особенно интенсивно происходит обезлюдение сельской местности, сокращение числа сельских населенных пунктов, в том числе на обширных приграничных территориях. Быстрее всего численность населения уменьшалась в Забайкальском крае, Иркутской и Кемеровской областях и Алтайском крае.

Помимо существенного сокращения численности населения изменились его качественные характеристики. Прежде всего, за счет старения возрастной структуры, то есть увеличения доли пожилых людей в общей численности населения [Соболева и др., 2019; Сафарова, 2004; Сафарова и др., 2005; Смирнов, Попков, 2009].

⁴ Без учета Крыма и Севастополя.

При этом следует отметить, что в Сибири, как и в России в целом, старение населения почти целиком определяется не увеличением ожидаемой продолжительности жизни (старением сверху), а долговременной тенденцией снижения рождаемости (старением снизу). Так, рост ожидаемой продолжительности жизни в России за период с 1965 по 2018 гг. составил всего три года (причем в 1990-е гг. этот показатель весьма существенно снижался), а среднее число лет предстоящей жизни для достигших верхней границы трудоспособного возраста за полвека увеличилось лишь на несколько месяцев.

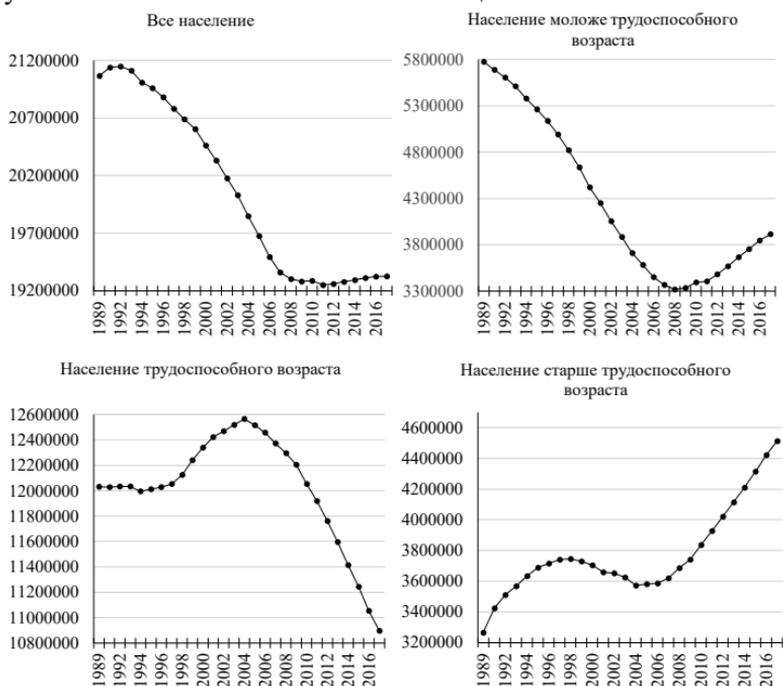

Рис. 2. Динамика численности всего населения и его основных возрастных групп в СФО за период 1989–2017 гг., чел.

Численность и доля населения моложе трудоспособного возраста сократились на фоне высоких темпов увеличения численности и доли населения старше трудоспособного возраста (рис. 2). Если в 1989 г. в России и СФО возрастные структуры по трем укрупненным возрастным группам были прогрессивными (в СФО, например, доля населения моложе трудоспособного

возраста почти вдвое превышала долю населения старше трудоспособного возраста), то начиная с 2006 г. доля пожилых в общей численности населения превышает долю населения моложе трудоспособного возраста (табл. 1), то есть возрастные структуры стали регрессивными.

Таблица 1. Структура населения РФ и СФО по трем основным возрастным группам* в 1989 г., 2017 г.,%

Регион	1989			2017			
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село	
РФ	I	24,5	23,8	26,4	18,3	17,7	20,2
	II	57,0	59,0	51,5	56,7	57,5	54,3
	III	18,5	17,2	22,1	25,0	24,8	25,5
СФО	I	27,4	25,9	30,9	20,3	19,3	22,9
	II	57,1	59,3	52,1	56,4	57,8	52,5
	III	15,5	14,8	17,0	23,3	22,9	24,6

* Возрастные группы: I – моложе трудоспособного возраста (0–15 лет), II – трудоспособного возраста (женщины 16–54 лет, мужчины 16–59 лет), III – старше трудоспособного возраста (мужчины 60 и более лет, женщины 55 и более лет).

Другим следствием низкой рождаемости стало вступление СФО с 2005 г. (РФ с 2007 г.) в длительный период сокращения численности населения трудоспособного возраста, темпы которого ускорились после 2010 г. Это произошло в результате того, что пополнение трудоспособных контингентов происходило за счет малочисленных родившихся в постсоветской России, при одновременном выходе из трудоспособного возраста многочисленных родившихся в послевоенный период, роста рождаемости. Ситуация осложнялась также миграционным оттоком населения данной возрастной группы из СФО. В итоге в 2017 г. численность населения трудоспособного возраста в Сибири была на 1,133 млн чел., или на 9,4% меньше, чем в 1989 г. В целом в РФ (без учета Крыма и Севастополя) – на 1,9 млн чел., или на 2,3% меньше. Таким образом, округ терял население данной возрастной группы гораздо интенсивнее, чем Россия в целом.

Другим фактором, негативно воздействующим на качество населения, является плохое здоровье сибиряков [Соболева и др., 2018; Тагаева, Казанцева, 2018]. Учитывая разнообразие факторов, влияющих на формирование общественного здоровья и его значимость как одного из важнейших ресурсов, можно сказать, что здоровье – это один из основных интегральных показателей благополучия территории.

По среднему варианту прогноза Росстата, рассчитанному от базы на начало 2019 г.⁵, численность населения СФО и далее будет непрерывно сокращаться. Подобные долговременные изменения создают угрозу как для демографического и трудового потенциала, так и для социально-экономического развития и будущего страны, ее национальной безопасности, в том числе суверенитета и территориальной целостности. Негативные последствия описанных демографических процессов, если не предпринимать кардинальных мер в социально-экономической политике, будут препятствовать не только амбициозным планам освоения новых территорий, но и удержанию уже освоенных ценой больших усилий и затрат предыдущих поколений.

Села и малые города – естественный источник демографического роста для страны

Федеральные власти признают, что «ситуация с точки зрения демографии одна из самых тяжелых в мире – мы будем терять ежегодно примерно 800 тысяч населения в трудоспособном возрасте из-за демографической структуры»⁶. Бывший министр экономического развития М. Орешкин считал, что демографическая ситуация стала важнейшим фактором, ограничивающим рост экономики РФ, и что на экономике негативно отражаются тенденции, сформировавшиеся в 1990-е годы⁷.

Ключевой проблемой является низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий даже простого воспроизводства. Режим воспроизводства населения в России остается суженным на протяжении многих десятилетий с первой половины 1960-х гг. и ведет к снижению численности населения, а в перспективе – к вымиранию, и старению возрастной структуры.

Таким образом, в настоящее время главными факторами, от которых зависит будущее нашей страны, являются рождаемость и семья.

⁵ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 г. URL: <https://gks.ru/compendium/document/13285> (дата обращения: 24.06.2020).

⁶ Глава МЭР отнес ситуацию с демографией в России к числу тяжелейших в мире. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/09/2017/59c8b82b9a7947ef169ee4bc> (дата обращения: 04.06.2019).

⁷ Орешкин назвал демографию ключевым фактором, ограничивающим рост экономики РФ. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5947019> (дата обращения: 04.06.2019).

Нам часто говорят, что повышение рождаемости хотя бы до уровня простого воспроизводства, а тем более расширенного, невозможно. Однако, как показывает недавний отечественный опыт, изменение негативных демографических трендов – вполне реально. В 1987–1988 гг. в результате пронаталистской политики СССР и антиалкогольной кампании суммарный коэффициент рождаемости в стране впервые после 1964 г. достиг уровня простого воспроизводства.

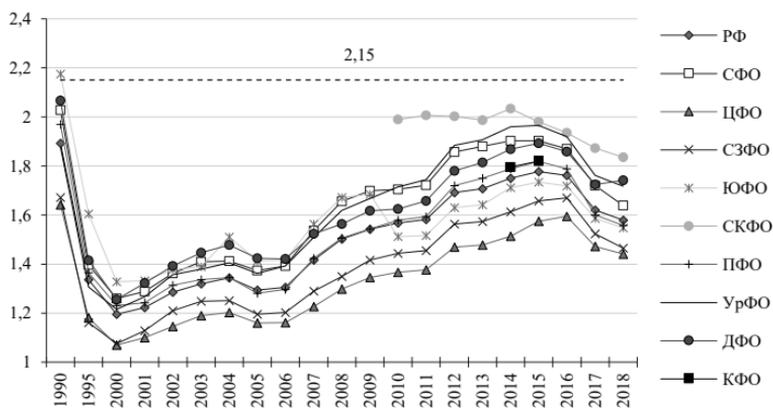

Рис. 4. Динамика суммарного коэффициента рождаемости по федеральным округам РФ за период 1990–2018 гг.

Есть и более свежие примеры, когда в 2006 г. в послании Федеральному собранию Президент В. Путин объявил курс на исправление катастрофической демографической ситуации, удалось добиться существенного роста данного показателя по всей стране (рис. 4, 5, 7). Большую роль в этом сыграла программа поддержки рождаемости за счет материнского капитала [Яковлев, 2020], который практически весь (97%) расходовался на улучшение жилищных условий семей с детьми⁸.

О возможности повысить интенсивность рождаемости свидетельствует и опыт Сахалинской области, где суммарный коэффициент рождаемости вырос за 2011–2016 гг. с 1,57 до 2,16. Имея рождаемость ниже среднероссийской в 2011 г., этот регион за пять лет вышел на уровень чуть выше простого воспроизводства

⁸ Семьям будет дано больше прав на использование маткапитала. URL: <http://izvestia.ru/news/558962> (дата обращения: 04.06.2019).

населения. В комплекс мер поддержки семей с детьми при мощном финансировании из регионального бюджета входили также выплаты на строительство и приобретение жилья: от 500 тыс. до 2 млн руб.^{9,10}

В зарубежной практике тоже есть примеры, когда этот показатель после периодов спада снова повышался и весьма существенно. Например, в США – с 2,2 во времена Великой депрессии до 3,8 в конце 1950-х гг., когда семья с 3–4 детьми была совершенно обычной.

Во второй половине 2000-х гг. улучшение социально-экономических условий в России по сравнению с катастрофическими 1990-ми, а также специальные меры демографической политики, помимо снижения смертности и роста ожидаемой продолжительности жизни (см. рис. 3), привели к увеличению суммарного коэффициента рождаемости, что было особенно заметно в сельской местности (рис. 5).

С 2012 г. в сельской России этот показатель впервые после начала реформ превысил пороговый уровень простого воспроизводства (2,15). Всего же за период 2005–2014 гг. суммарный коэффициент рождаемости на селе вырос на 47%, до 2,32, тогда как в городах рост составил 32%, а само значение суммарного коэффициента рождаемости (1,59) к 2014 г. так и не достигло уровня простого воспроизводства. Отметим, что и в 1980-х гг. село гораздо активнее города реагировало на меры демографической политики.

Рис. 5. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России за 1981–2018 гг.

⁹ Сахалинская область вернулась к советским темпам демографического роста [Эл. ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/society/2379162.html> (дата обращения: 29.06.2020).

¹⁰ Новая социальная мера для решения жилищных проблем сахалинских семей. URL: <http://www.dumasakhalin.ru/news/20190620> (дата обращения: 03.07.2020).

Таким образом, село, в отличие от города, оказалось чрезвычайно отзывчивым даже на незначительные по большому счету меры воздействия. Соответственно, именно на село и нужно направлять основные усилия по преодолению депопуляции, которые дают самый быстрый и заметный эффект.

Села и малые города – это естественный источник демографического роста для страны, в отличие от крупных городов, которые с давних времён себя не воспроизводят и растут только за счет притока населения извне. Это давно и твердо установленный демографической наукой факт. «Как правило, рождаемость у городских жителей ниже, чем у сельских, и у населения больших городов ниже, чем у жителей средних и малых»¹¹. «По мере развития процесса урбанизации уровень рождаемости городского населения по сравнению с сельским падает, в дальнейшем происходит падение рождаемости и в сельской местности»¹². Например, в 2016 г. самые низкие суммарные коэффициенты рождаемости в стране демонстрировали г. Москва (1,46) и Ленинградская область (1,32) при среднем показателе по России – 1,76.

В последние годы в нашей стране на высоком уровне активно пропагандируется необходимость поддержки роста агломераций, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке. Эти идеи настойчиво продвигал А. Кудрин еще в бытность его главой Центра стратегических разработок, который готовил Социально-экономическую программу развития России, и поддерживал мэр Москвы и член Совета безопасности РФ С. Собянин¹³.

Мы считаем, что реализация подобных идей на практике еще больше подхлестнет депопуляционные процессы в стране, будет способствовать увеличению территориальных диспропорций, сжатию экономического и геополитического пространства. Так как агломерации, сами не способные к нормальному воспроизводству, втягивают в себя население окружающих территорий, прежде всего молодежь в активных репродуктивных возрастах, в результате углубляя депрессивное состояние этих территорий.

¹¹ Введение в демографию / Под ред. В. А. Ионцева, А. А. Саградова. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2003. 636 с. [С. 400].

¹² Народонаселение: Энциклопедический словарь / Г. Г. Меликьян. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. 640 с. [С. 537].

¹³ Собянин рассказал о 15 млн «лишних» россиянах. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/11/2017/5a19830a9a7947c5662c64fc> (дата обращения: 15.04.2019).

За примерами далеко ходить не надо. На протяжении многих лет мы можем наблюдать эти процессы в историческом центре России – в Центральном и Северо-Западном федеральных округах. Два крупнейших города страны – Москва и Санкт-Петербург – в течение многих десятилетий вытягивали молодое активное население, прежде всего из соседних регионов, усиливая депопуляцию и кризисные явления на этих территориях. В результате в 2018 г., по данным Росстата, самые высокие (и все ускоряющиеся) темпы естественной убыли в стране (7 и более промилле) отмечались на исконно русских территориях областей, ставших зоной хронического демографического бедствия: Ивановской (-7,1), Смоленской (-7,2), Тамбовской (-7,5), Тверской (-7,7), Тульской (-7,9), Новгородской (-7,0) и Псковской (-7,9).

Самые высокоурбанизированные в стране территории Центрального и Северо-Западного федеральных округов, с крупнейшими агломерациями, еще с советских времен демонстрируют наихудшие коэффициенты естественного прироста населения (рис. 6). Особенно это касается ЦФО с его Московской агломерацией – единственной из всех территорий России, имевшей естественную убыль населения в 1990 г. И если по ожидаемой продолжительности жизни эти два округа имеют уровень выше среднероссийского (см. рис. 3), то по суммарному коэффициенту рождаемости всегда демонстрировали самые низкие показатели в стране (см. рис. 4).

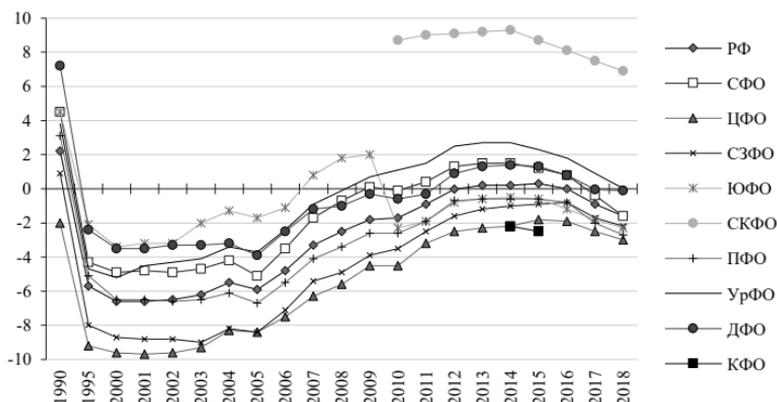

Рис. 6. Динамика коэффициентов естественного прироста населения по федеральным округам РФ за период 1990–2018 гг., чел. на 1000 чел. населения

Таким образом, несмотря на декларируемую задачу Центра стратегических разработок – предложить оптимальную программу действий для обеспечения устойчивого долгосрочного развития страны¹⁴, инициатива по сселению граждан самой большой в мире страны в десяток-другой агломераций обеспечить это самое устойчивое, а тем более долгосрочное развитие, не способна.

Она очевидным образом в корне противоречит демографическим целям, которые, на наш взгляд, должны стоять во главе угла при разработках социально-экономической и пространственной стратегий развития государства, так как без ориентации на восстановление естественного прироста населения невозможно создать условия для развития и геополитической стабильности страны в перспективе.

Обеспечение устойчивого естественного роста численности населения РФ обозначено самым первым пунктом майского указа Президента В. Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹⁵. Более того, в одном из своих выступлений в конце 2017 г. В. Путин заявил: «Скажу больше: вся политика, вся наша работа – в экономике, социальной сфере, других областях – должна быть нацелена на сбережение нации, на решение задач демографического развития»¹⁶.

Помимо демографической значимости, важнейшее геополитическое значение для связанности российского пространства и контроля над ним имеет поддержание опорной сети поселений на всей территории страны, и в первую очередь – вдоль протяженных границ. Особенно это актуально для обширных территорий Сибири и Дальнего Востока.

Потенциал восточных регионов страны в сфере воспроизводства населения

У восточных регионов страны, в том числе сибирских, в сфере воспроизводства населения имеются некоторые важные преимущества по сравнению с другими территориями России: более молодая возрастная структура (см. табл. 1), более высокая

¹⁴ URL: <https://www.csr.ru/struktura/> (дата обращения: 15.04.2019).

¹⁵ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 15.04.2019).

¹⁶ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56478> (дата обращения: 15.04.2019).

интенсивность рождаемости (см. рис. 4) и потенциал для снижения смертности (см. рис. 3), особенно в сельской местности.

По показателю суммарного коэффициента рождаемости на селе в 2018 г. (уже после его снижения в России с 2016 г.) федеральные округа РФ группировались следующим образом (табл. 2).

1. Суженное воспроизводство – Центральный, Северо-Западный, Южный, Северо-Кавказский и Приволжский.
2. Простое воспроизводство – Уральский.
3. Расширенное воспроизводство – Сибирский и Дальневосточный.

Таблица 2. Суммарный коэффициент рождаемости по федеральным округам РФ, 2018 г.

Федеральный округ	Всего	Город	Село
РФ	1,58	1,49	1,87
Центральный	1,44	1,43	1,47
Северо-Западный	1,47	1,45	1,57
Южный	1,55	1,52	1,59
Северо-Кавказский	1,84	1,62	2,06
Приволжский	1,56	1,45	1,96
Уральский	1,72	1,65	2,11
Сибирский	1,64	1,48	2,32
Дальневосточный	1,74	1,56	2,41

Фактически, чем дальше от Москвы и Санкт-Петербурга, тем выше рождаемость на селе. Самую высокую рождаемость на селе в последние годы имели только три восточных федеральных округа: Уральский, Сибирский и Дальневосточный. Даже Северный Кавказ перешел к суженному режиму, в том числе и на селе. Только Чеченская Республика (и в городе, и в селе), а также Республика Дагестан (в селе) в 2018 г. имели рождаемость выше уровня простого воспроизводства.

Из всех федеральных округов самый высокий суммарный коэффициент рождаемости на селе до недавнего времени отмечался в СФО, однако с 2018 г. по этому показателю лидирует Дальний Восток. Сибирское село на два года раньше российского, с 2010 г., вошло в режим расширенного воспроизводства населения, и по данным за 2018 г., сельское население почти всех регионов СФО продолжало находиться в нем (рис. 7). Причем не только на территориях проживания коренных народов Сибири,

например, в Республике Тыва и Республике Алтай, в которых суммарный коэффициент рождаемости на селе за короткий период 2006–2014 гг. вырос в 2,3–2,4 раза (и это еще один пример возможности существенного роста рождаемости, о которой упоминалось выше), но и в регионах, населенных преимущественно русскими. Исключение составили только Кемеровская и Новосибирская области, где рождаемость на селе упала чуть ниже уровня простого воспроизводства. Но даже и там, на протяжении нескольких предшествующих лет, имелось расширенное воспроизводство населения.

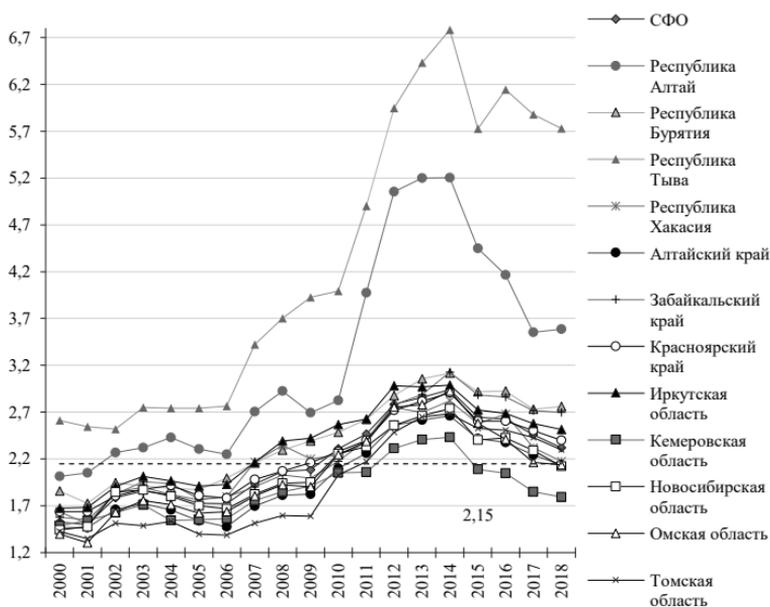

Рис. 7. Динамика суммарного коэффициента рождаемости на селе в регионах СФО за период 2000–2018 гг.

Заключение

Мы видим, что предпринимаемые меры по противодействию депопуляции имели следствием позитивные изменения, как по смертности (рис. 3), так и по рождаемости (рис. 4, 5, 7). В качестве результата на протяжении 2013–2015 гг. Россия имела положительный естественный прирост (рис. 6). Однако, очевидно, что эти меры совершенно недостаточны для устойчивого выхода

из депопуляции, особенно в современных условиях резкого ухудшения демографической ситуации и плохих перспектив на будущее в этой сфере. Более того, чем дольше тормозится решение главной проблемы страны – демографической, тем труднее и с большими издержками придется решать ее в будущем, если Россия хочет остаться жизнеспособной.

Ввиду того, что важнейшим системным фактором снижения рождаемости давно признана урбанизация, на наш взгляд, повышенное внимание со стороны властей всех уровней следует уделить именно селу. Как показывает практика, меры, направленные на улучшения в социально-экономической сфере и повышение рождаемости, на селе оказываются наиболее результативными и приносят самую быструю отдачу. Помимо решения острейших демографических проблем и укрепления продовольственной безопасности России, поддержка сел и малых городов будет способствовать пространственному освоению и закреплению населения на стратегически важных территориях [Пациорковский, 2010а, 2010б, 2012].

С учетом последних событий в мире¹⁷ рассредоточение населения по территории страны диктуется также необходимостью противодействия распространению эпидемий и организации работы экономики и жизни людей в условиях длительной изоляции. Тем более что развитие современных информационных технологий и средств коммуникации, автоматизация и новейшие технологии производства позволяют многим людям перейти на удаленные формы работы.

В качестве механизма следует максимально использовать все возможные формы поддержки и поощрения усадебного домостроения для всех желающих граждан России, обязательно с возможностью бесплатного предоставления обширных участков земли, пригодных в качестве пространства для жизни большой семьи и оформленных в бессрочное наследуемое пользование, не облагаемое никакими налогами.

Таким образом, помимо создания благоприятных материальных условий для семей с детьми, пропаганды семейных ценностей и т.д., демографическую политику следует сочетать с политикой пространственного освоения страны с акцентом

¹⁷ Узун В. Новый чудный мир // Аргументы и факты. 2020. № 19.

на усадебное домостроение и большие семьи с детьми. И здесь Россия, и прежде всего ее восточные регионы, имеет фундаментальное и стратегическое превосходство за счет своих просторов, превращающихся из «обузы» в важнейшее преимущество граждан России.

Литература

Пациорковский В. В. Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН. 2010а. 390 с.

Пациорковский В. В. Факторы демографического развития: пространственное размещение населения // *Народонаселение*. 2010б. № 4. С. 35–50.

Пациорковский В. В. Изменение условий жизни и размещения населения – ключевые факторы демографического развития // *Народонаселение*. 2012. № 2. С. 35–40.

Сафарова Г. Старение городского и сельского населения России // *Современные проблемы старения населения в мире: тенденции, перспективы, взаимоотношения между поколениями*. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 121–130.

Сафарова Г., Косолапенко Н., Арутюнов В. Региональная дифференциация показателей старения населения России // *Успехи геронтологии*. 2005. Вып. 16. С. 7–13.

Смирнов В. М., Попков С. Ю. Социально-экономические аспекты демографической ситуации в России: долгосрочные последствия сокращения численности работоспособного населения // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2009. № 16. С. 54–58.

Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В. Заболеваемость населения Сибири в контексте российских тенденций // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2018. № 1. С. 71–80.

Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В. Изменения численности и половозрастной структуры населения Сибирского федерального округа и его регионов в 1989–2017 гг.: оценка последствий и риски // *Регион: экономика и социология*. 2019. № 2. С. 151–184.

Тагаева Т. О., Казанцева Л. К. Состояние здоровья российского населения и влияющие на него факторы // *Формирование и использование человеческого капитала в современной экономике: монография / колл. авторов; под ред. Г. П. Литвинцевой; М-во науки и высш. обр. РФ, Новосиб. гос. тех. ун-т, ИЭОПИ СО РАН*. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. Гл. 3.3. С. 141–170.

Яковлев Е. Как материнский капитал повлиял на рождаемость. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/02/27/823925-materinskii-kapital> (дата обращения: 24.06.2020).

Статья поступила 13.05.2019.

Статья принята к публикации 05.06.2019.

Для цитирования: *Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В.* Демографические проблемы Сибири в контексте пространственного развития // *ЭКО*. 2020. № 8. С. 48–65. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-48-65.

Summary

Soboleva, S.V., Doct. Sci. (Econ.), Smirnova, N.E., Chudaeva, O.V., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RA S, Novosibirsk

Demographic Problems of Siberia in the Context of Spatial Development

Abstract. The paper describes current demographic problems of Siberia in the context of spatial development and assesses their consequences for the future of the country. Using Rosstat data, the authors demonstrate that against the background of general reduction of population of the Siberian Federal district, especially rural, there was a reduction in the number and share of people younger than working age, a reduction of working age population, and at an accelerated rate compared to Russia as a whole, the increase in the number and share of old age pensioners. Thus, as a result of a long period of low birth rate, the population is aging. A progressive age structure at the beginning of the period under study has become regressive, and this process will increase in the future, if decisive measures are not taken. Discussing the idea of the need for Russia to support the growth of agglomerations, promoted in recent years, it is emphasized that unlike large cities, which for a long time have not reproduced themselves and have been growing only due to an influx of population from outside, a natural source of demographic growth for the country – villages and small towns. In addition to its demographic importance, the basic network of settlements in the extensive territory of the country and along the long borders is of paramount geopolitical importance, ensuring the connectivity of space and control over it. This is especially true of the vast territories of Siberia and the Far East. According to the authors, Russia's strategic development plans should pay maximum attention to villages and small towns, since measures aimed at improving the socio-economic sphere and increasing the birth rate will have their most effective and rapid impact here, as well as contributing to spatial development and consolidation of population in strategically important territories.

Keywords: *depopulation; demographic potential; age structure; population ageing; fertility; population reproduction; spatial development*

References

- Patsiorkovskii, V.V. (2010a). *Rural-urban Russia*. Moscow, ISEPN RAN Publ. 390 p. (In Russ.).
- Patsiorkovskii, V.V. (2010b). Factors of demographic development: spatial distribution of the population. *Narodonaselenie*. No. 4. Pp. 35–50. (In Russ.).
- Patsiorkovskii, V.V. (2012). The changes of the living conditions and housing are the key factors of demographic development. *Narodonaselenie*. No. 2. Pp. 35–40. (In Russ.).
- Safarova, G. (2004). Aging of the urban and rural population of Russia. In *Modern problems of population aging in the world: trends, prospects, relationships between generations*. Moscow, MAKS Press. Pp. 121–130. (In Russ.).
- Safarova, G., Kosolapenko, N., Arutyunov, V. (2005). Regional differentiation of indicators of population aging in Russia. *Uspekhi gerontologii*. No. 16. Pp. 7–13. (In Russ.).
- Smirnov, V.M., Popkov, S. Yu. (2009). Socio-economic aspects of the demographic situation in Russia: long-term consequences of reducing the number

of working population. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. No. 16. Pp. 54–58. (In Russ.).

Soboleva, S.V., Smirnova, N.E., Chudaeva, O.V. (2018). Morbidity of the Siberian population in the context of Russian trends. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 1. Pp. 71–80. (In Russ.) DOI: 10.15372/HSS20180112

Soboleva, S.V., Smirnova, N.E., Chudaeva, O.V. (2019). Changes in the size and sex-age structure of the population in the Siberian Federal district and its regions from 1989 to 2017: impact assessment and risks. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. No. 2. Pp. 151–184. (In Russ.) DOI: 10.15372/REG20190207

Tagaeva, T.O., Kazantseva, L.K. (2018). Health status of the Russian population and factors affecting it. In *Formation and use of human capital in the modern economy*. Novosibirsk, NGTU Publ. Pp. 141–170. (In Russ.).

Yakovlev, E. Kak materinskii kapital povliyal na rozhdaemost'. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/02/27/823925-materinskii-kapital> (accessed 24.06.2020). (In Russ.).

For citation: Soboleva, S.V., Smirnova, N.E., Chudaeva, O.V. (2020). Demographic Problems of Siberia in the Context of Spatial Development. *ECO*. No. 8. Pp. 48–65. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-48-65.

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-66-86

Опережающий рост сибирской экономики: реалии и возможности в мегапроекте «Русский ковчег»

А.Н. КЛЕПАЧ, кандидат экономических наук. E-mail: klepach@veb.ru
ВЭБ РФ

Н.Н. МИХЕЕВА, доктор экономических наук. E-mail: mikheeva_nn@mail.ru
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва
ORCID0000-0002-3852-1499

Аннотация. Рассмотрены направления социально-экономического развития Сибирского макрорегиона в долгосрочной перспективе. Оценены возможности его опережающего развития в рамках мегапроекта «Русский ковчег». Представлены три альтернативных сценария, различающиеся выбором приоритетов в развитии макрорегиона и стратегией достижения поставленных целей. Приведены количественные оценки параметров развития макрорегиона, на базе которых возможна реализация представленных сценариев. Даны их сравнения с прогнозными показателями динамики России и стран-соседей и партнеров Сибирского макрорегиона. Показано, что реализация мегапроекта «Русский ковчег» в полном объеме возможна в рамках прорывного сценария создания в Сибири нового центра экономического роста. Дано описание комплекса мероприятий, составляющих содержание мегапроекта. Обосновано проведение экономического эксперимента, включающего формирование особого звена управления на уровне макрорегиона. Предложено наряду с традиционной системой управления внедрить особую экономическую модель, основанную на принципах взаимного финансирования, саморазвития, производственной и трудовой кооперации.

Ключевые слова: Сибирский макрорегион; мегапроект «Русский ковчег»; сценарии долгосрочного развития; приоритеты; центр экономического роста; модель управления регионом

В 1990-е и 2000-е гг. богатство России прирастало столичными регионами и Западной Сибирью, тогда как относительный вес Центральной и Восточной Сибири сократился как в населении страны (с 13,4 в 1995 г. до почти 12% в 2017 г.), так и в ее совокупном ВРП (с 14 до 10%). Прогрессирует экономическое отставание сибирских регионов от западной и центральной частей России (ВРП на душу населения опустился примерно до 80% общероссийского уровня), в большинстве из них продолжается отток населения. По итогам 2018 г. почти половина инвестиций оказались сосредоточены в Московской и Санкт-Петербургской

столичных агломерациях и Тюменской области (вместе с автономными округами).

Такой пространственный дисбаланс угрожает экономической, социальной и территориальной целостности России. Только за счет столичных агломераций невозможно обеспечить опережающий по сравнению с мировой рост экономики страны. Поворот России на Восток и формирование новой модели взаимодействия с динамично развивающимися экономиками Китая, Индии и Юго-Восточной Азии невозможны без ее внутреннего поворота к своим сибирским регионам. Подъем Дальнего Востока и Арктики получит прочную основу не только от экспортоориентированных проектов в этих регионах, но и при опоре на развитие глубинных сибирских регионов, которые обеспечат связанность российских пространств.

Тезис о народнохозяйственной эффективности опережающих среднероссийские значения темпов роста восточных регионов страны, в первую очередь, Сибири, можно считать одним из «краеугольных камней» исследований сибирской экономической школы. Этот тезис был неоднократно подтвержден масштабными расчетами, проводившимися в ИЭОПП СО РАН в 1980-е гг. для плановой экономики. Расчеты для современных условий также подтверждают этот тезис: для повышения темпов роста российской экономики необходимо опережающее развитие сибирских регионов [Гранберг и др., 2007; Кулешов и др., 2013; Современная..., 2014; Восток..., 2017].

Задача опережающего развития Сибири неоднократно ставилась в ряде стратегических документов, однако она так и не была реализована, а сами эти стратегии не превратились в реальные управленческие планы и действия. На сегодня формально действует Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г., принятая 10 лет назад¹. Документ охватывает регионы Сибирского федерального округа в старых границах (включая Забайкалье и Бурятию) и был призван реализовать амбициозные цели «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», в которой

¹ Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июля 2010 года № 1120-р (с изменениями на 26 декабря 2014 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902229380> (дата обращения: 04.03.2020).

ставилась задача поворота национальной экономики на Восток и создания сети кластеров опережающего инновационного развития, в том числе и в Сибири. В реальности же Стратегия-2020 закрепляла лишь перечень первоочередных проектов с горизонтом реализации 2–3 года, что было обусловлено, прежде всего, возможностями Инвестиционного фонда РФ и бюджетными ограничениями федеральных отраслевых программ. И хотя Стратегия дала важный опыт сотрудничества сибирских регионов и совместного стратегического планирования, ей не удалось стать инструментом управления, который бы помог переломить негативные тенденции отставания Сибири от общероссийской динамики.

Схожая судьба постигла стратегии всех других федеральных округов, разработанные в 2009–2011 гг. Они не смогли стать инструментом целенаправленного изменения пропорций пространственного развития, преодоления инерционных трендов.

Новая серия «сибирских проектов» появилась уже после принятия Федерального закона «О стратегическом планировании в РФ»² и «Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года»³. В последнем документе предполагается разработка стратегий для макрорегионов, ответственность за которую возложена на Министерство экономического развития. Пока такие документы не представлены, однако существуют инициативные проекты для отдельных сибирских регионов [Ивантер и др., 2018; Крюков и др., 2018; Селиверстов, 2016; Баранов и др., 2018]. Первым примером крупного межрегионального проекта, охватывающего один из сибирских макрорегионов, является проект Енисейской Сибири, инициированный «снизу» и одобренный на правительственном уровне⁴. Проект направлен на раскрытие социально-экономического потенциала Красноярского края, Республики Хакасия и Республики Тыва, однако

² Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ.

³ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р.

⁴ О реализации комплексного инвестиционного проекта «Енисейская Сибирь» на территории Красноярского края. Распоряжение губернатора Красноярского края от 29 декабря 2018 года № 730-рп. URL: docs.cntd.ru/document/550325514 (дата обращения: 04.03.2020); Перечень инвестиционных проектов, реализуемых в составе комплексного инвестиционного проекта «Енисейская Сибирь» утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 571-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/lqccOnaWNa6FyGM2LDmldjCx0Ybirbgp.pdf> (дата обращения: 04.03.2020).

он выступает во многом как пакет инвестиционных проектов, не обеспечивающих комплексное развитие макрорегиона и оторванных от развития соседних территорий (в том числе – Южной и Восточной Сибири).

Различные стадии обсуждения проходит масштабный мегапроект развития Сибири на период до 2035 года «Русский ковчег», который был инициирован Русским географическим обществом⁵. Впоследствии к его разработке подключились научные и коммерческие организации, органы государственного управления сибирских регионов. Проект был представлен на заседании Президиума РАН в сентябре 2019 г. в рамках обсуждения предложений о развитии научного и промышленного потенциала Сибири, подготовленных по поручению В. В. Путина⁶.

В разработке проекта принимали участие ученые академических институтов, представители бизнеса, региональных органов власти, общественных организаций. В их числе АНО «Институт Внешэкономбанка», ИНП РАН, ИЭОПП СО РАН, научным руководителем рабочей группы является А. Н. Клепач, Н. Н. Михеева – член рабочей группы.

Суть проекта состоит в том, чтобы создать условия для комплексного развития Центральной и Восточной Сибири, превращения ее в центр притяжения населения и опережающего экономического развития, базирующегося на новых подходах к добыче, переработке и сбережению природных богатств, капитализации транспортных транзитных возможностей Сибири, а также ее научных и предпринимательских ресурсов. Образ Ковчеха показывает, что Сибирь может стать не только убежищем для людей и природы, но и кораблем, прокладывающим путь к новому, пространством свободы, эксперимента и дерзновенных масштабных дел.

⁵ Речь Президента РГО С. К. Шойгу на заседании попечительского совета РГО 24 апреля 2017 г. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/rech-prezidenta-rgo-skshoygu-nazasedanii-porechitelskogo-soveta-rgo-24042017> (дата обращения: 31.03.2020). Русское географическое общество. 28 июля 2018 г. Состоялось совещание, посвященное проекту «Русский ковчег». URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/sostoyalos-soveshchanie-posvyashchyonnoe-proektu-russkiy-kovcheg> (дата обращения: 31.03.2020).

⁶ Субботин А. «Ковчег надежды. В Сибири опробуют модель развития страны». Научно-информационный портал «Поиск» от 21.09.2019 г. URL: <https://www.poisksnews.ru/skript/kovcheg-nadezhdy-v-sibiri-oprobuyut-model-razvitiya-strany/> (дата обращения: 31.03.2020).

В статье приведены разработанные в рамках проекта аргументы и количественные оценки целесообразности опережающего роста Срединной Сибири (в принятой в проекте конфигурации макрорегиона), а также условия и механизмы, способные обеспечить реализацию такой стратегии.

Сценарии развития Сибирского макрорегиона

Рассматриваемый в рамках проекта «Русский ковчег» макрорегион включает субъекты Федерации Сибирского федерального округа в его современных границах⁷, экономически тесно связанные с ним Республику Бурятию и Забайкальский край, до 2018 г. входившие в состав Сибирского округа, а также Республику Саха (Якутию), традиционно тяготеющую к сибирским регионам. Фактически это макрорегион, охватывающий как центральную, так и значительную часть Восточной Сибири, не совпадающий с границами федеральных округов, и *отражающий не административные, а экономические взаимосвязи*. Его выделение позволяет более полно оценить параметры плана «подъёма обширных территорий Центральной и Восточной Сибири», о котором говорил Президент РФ В.В. Путин 7 июня 2019 г. в выступлении на Петербургском международном экономическом форуме⁸.

Разворот на Восток имеет своей целью не просто реализацию отдельных, пусть и масштабных проектов, а качественно иное развитие зауральских регионов как опорного плацдарма России. Прогнозируемое в долгосрочной перспективе смещение центра мировой экономической активности в страны Азии, близость к Китаю и быстро растущим азиатским рынкам становятся важным фактором экономического роста сибирских регионов. При этом в структуре потребления нового среднего класса в развивающихся странах повышается доля сферы услуг (в том числе образования и медицины, туризма), экологически чистых продуктов и условий жизни, что создает новые возможности для роста сибирских регионов. Однако прогнозируемые долгосрочные

⁷ В границах СФО, существующих после принятия Указа Президента Российской Федерации от 03.11.2018 № 632), в соответствии с которым Республика Бурятия и Забайкальский край включены в состав Дальневосточного федерального округа.

⁸ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 7 июня 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60707> (дата обращения: 04.03.2020).

тренды развития мировой экономики несут ряд потенциальных проблем и угроз для развития России и Сибирского макрорегиона. Предполагаемые здесь проекты освоения природных ресурсов ориентированы в значительной части на экспорт, их реализация сильно зависит от тенденций спроса и цен на мировых рынках, характеризующихся высокой степенью неопределенности. Сырьевые и инфраструктурные инвестиционные проекты в Сибири отличаются высокой капиталоемкостью; их реализация требует значительных вложений в инфраструктурное освоение территории и сильно зависит от инвестиционной ситуации в национальной и мировой экономике, а также возможностей и ограничений в доступе к мировым инвестиционным и технологическим ресурсам.

В развитии Сибирского макрорегиона можно выделить следующие основные развилки и вызовы:

- перелом демографических трендов, создание условий для перехода к росту населения (в том числе за счет миграции из центральных регионов России и из-за рубежа) и развития эффективной системы расселения сибирских регионов, сочетающей агломерации и малые населенные пункты;
- сохранение или преодоление отставания доходов населения Сибири от среднероссийского уровня;
- сбалансированное развитие традиционной и низкоуглеродной, зеленой энергетики и комплекса связанных с ними производств;
- воспроизводство сложившейся ресурсо- и экспортоориентированной структуры экономики или ее диверсификация за счет развития новых добывающих производств, формирования кластеров нового технологического уклада (обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей, сервисного сектора, инноваций и цифровой экономики);
- расшивка узких мест или создание элементов новой высокоскоростной транспортной сети;
- сохранение или преодоление отставания сибирских регионов по уровню социальной среды, здравоохранения, качеству аграрной и городской среды;
- активное развитие российской Арктической зоны, создание инфраструктуры Северного морского пути либо перенос реализации большинства проектов за 2024 г.;

- комплексность и масштабность решений экологических проблем сибирских регионов;
- формирование внутренних источников финансирования развития макрорегиона;
- создание новых механизмов регулирования экономической деятельности на уровне макрорегиона.

В зависимости от сочетания внутренних и внешних условий в рамках проекта рассмотрены три основных сценария долгосрочного развития Сибирского макрорегиона: консервативный, умеренно-оптимистичный и «прорывной», или сценарий создания нового центра экономического роста», реализующий мегапроект «Русский ковчег».

Консервативный сценарий характеризуется закреплением сложившейся экспортно-сырьевой модели развития макрорегиона, сохранением отставания от европейских регионов по уровню доходов населения и качества жизни, усилением дифференциации внутрисибирского экономического пространства.

В сценарии предполагаются весьма умеренные темпы роста российской экономики (на уровне 1,5–2% среднегодового прироста), сохранение низких темпов доходов населения. Приоритетная реализация инвестиционных проектов ожидается преимущественно в добывающих и инфраструктурных отраслях. В таких условиях индустриальный потенциал Сибирского макрорегиона будет реализован за счет модернизации и развития отраслей традиционной специализации: добычи и первичной переработки полезных ископаемых, лесной промышленности, отраслей оборонного комплекса и АПК, которые будут дополняться диверсификацией в промышленности за счет развития производств, обслуживающих ресурсно-сырьевой комплекс макрорегиона.

В рамках этого сценария добывающий комплекс Сибири в силу истощения запасов полезных ископаемых, необходимости перехода к более сложным условиям добычи сможет обеспечить весьма умеренный рост. Ограниченность федеральных финансовых ресурсов и повышенные риски для частных инвесторов предопределят выборочный характер реализации на территории макрорегиона крупных инвестиционных проектов и сократят возможности для комплексного инфраструктурного освоения территории.

Развитие Сибирского макрорегиона будет происходить в условиях стабилизации или сокращения численности населения

и ухудшения его демографической структуры, роста доли населения нетрудоспособных возрастов, а также жесткой конкуренции за трудовые ресурсы, в первую очередь квалифицированные, с соседними регионами и Центральной Россией.

Основные факторы экономического роста останутся прежними: развитие добывающих отраслей и транспорта (при этом их динамика будет определяться преимущественно внешне-экономической конъюнктурой), обрабатывающих производств в их традиционной структуре, торговли и сельского хозяйства (динамика которых будет зависеть от роста доходов населения), а также отраслей социальных услуг (опирающихся в своем развитии преимущественно на бюджетные расходы). Инвестиционный спрос также будет невысоким.

В целом реализация данного сценария не позволит изменить сложившуюся модель развития экономики Сибири и переломить негативные тренды. Половинчатый характер структурной перестройки хозяйственного комплекса из-за исчерпания резервов экстенсивного роста обусловит нарастание к 2035 г. негативных тенденций и межотраслевых диспропорций в экономике, ослабление ее конкурентных позиций в системе межрегиональных и внешнеэкономических связей, дальнейшее усиление межрегиональной социально-экономической дифференциации.

Умеренно-оптимистичный сценарий предполагает реализацию в макрорегионе пакета мощных инфраструктурных и инновационных проектов, а также значительное увеличение инвестиций в развитие науки и человеческого капитала (здравоохранение и образование), в результате чего будет преодолено отставание от среднероссийского уровня. Это позволит как повысить экономическую связанность сибирских регионов и их взаимную торговлю, так и усилит «восточный вектор» во внутренней и внешней экономической политике России.

Сценарий характеризуется существенным улучшением условий для инвестирования в сибирских регионах, повышением их привлекательности для частных инвестиций, включая иностранные. Преобладающая доля капиталовложений из бюджетных источников будет направляться на модернизацию и развитие транспортной и социальной инфраструктуры, что обеспечит ускоренный рост ввода в эксплуатацию коммунальных сетей, объектов здравоохранения и образования.

Реализация экономического потенциала Сибири требует масштабного развития транспортной инфраструктуры: железнодорожного транспорта, обеспечивающего транзит как между Азиатско-Тихоокеанским регионом и Европой, так и внутри страны, Северного морского пути для завоза грузов, необходимых для жизнеобеспечения населения арктического побережья, обустройства пограничных переходов на границе с Монголией. Приоритетными являются стратегически важные инфраструктурные проекты транспортировки нефтегазовых ресурсов месторождений Красноярского края и Иркутской области на Восток для расширения рынков сбыта российского сырья, инфраструктурные проекты в рамках развития Нижнего Приангарья, инфраструктурная поддержка развития крупных городских агломераций.

Совершенствование железнодорожной инфраструктуры Восточного полигона, включая комплексную модернизацию Транссиба и расширение пропускной способности Байкало-Амурской магистрали, устранил инфраструктурные ограничения, препятствующие свободному перемещению грузов, что будет способствовать росту экономики Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Высокие темпы роста предполагаются во всех сибирских регионах, однако приоритет получают Новосибирская, Томская и Омская области, имеющие наибольший потенциал для развития современных обрабатывающих производств и высокотехнологичного сервиса, а также Красноярский край, Иркутская область, Республика Саха (Якутия), опирающиеся на секторы добычи природных ресурсов и современных обрабатывающих производств. Предполагается создание нового центра роста в Минусинской долине и значительное сближение сибирских регионов по уровню развития.

В умеренно-оптимистичном сценарии повышение инвестиционной активности в макрорегионе будет обеспечиваться за счет реализации крупных инфраструктурных и горнодобывающих проектов, в том числе с государственным участием (госинвестиции и поддержка институтов развития), а также значительной активизации крупного и, особенно, среднего и малого бизнеса. Это должно явиться результатом перехода к активной политике роста в стране в целом и проведения экономического эксперимента в ряде пилотных регионов Срединной Сибири, создания

новой системы государственного управления макрорегионом, эффективных стимулов для населения и предпринимательства.

Темп роста ВРП макрорегиона повышается до 3,5–4,5% в год, что превысит темп роста и российской, и мировой экономики.

Сценарий экономического прорыва и создания нового мощного центра экономического роста предполагает активизацию в макрорегионе внутренних источников саморазвития и самоуправления в рамках концепции «одна территория – две экономические модели». Помимо прочего, это означает массовое привлечение в макрорегион экономически активного и достаточно обеспеченного населения из европейской части России, а также из-за рубежа на постоянное место жительства с предоставлением возможности осуществления инновационной предпринимательской деятельности, что должно привести к значительному приросту иностранных инвестиций, в особенности из стран Азии и Ближнего Востока. Темп роста ВРП макрорегиона составит в среднем 6–7% в год.

Ключевой целью Стратегии является создание в Сибирском макрорегионе условий для увеличения его населения на 3–5 млн человек к 2035 г. Одно из необходимых условий для этого – обеспечение темпов роста доходов выше средних по стране. К 2035 г. планируется не только преодолеть отставание Сибири по доходам населения, но и существенно (на 15–17%) превысить среднероссийский уровень.

Основными драйверами экономики Сибири станут полюса роста, включающие:

- агломерации (точнее, конурбации – сети крупных городов, связанных скоростным транспортом) с высоким индустриально-сервисным потенциалом, инновационной экономикой: Новосибирская (включая Томск и в перспективе Барнаул), Новокузнецко-Кемеровская, Красноярская (в перспективе с Абаканом);
- крупные города с развитыми пригородными районами, опирающиеся на диверсифицированное индустриальное развитие: Омск, Иркутск, Якутск;
- опорные индустриальные центры – средние города со значимыми промышленными комплексами в обрабатывающих отраслях: Абакан, Норильск, Тайшет, Усть-Илимск, Братск;

- районы комплексного освоения – новые территории, в рамках которых будут развиваться кластеры по добыче и переработке полезных ископаемых: Ангаро-Енисейский, Южно-Якутский;
- новые сырьевые районы – масштабные полюса роста добычи полезных ископаемых: нефти в Красноярском крае, золота в Иркутской области; Усть-Кутский и Удоканский минерально-сырьевые кластеры, Улуг-Хемский и Хакасский угольные районы;
- аграрные полюса роста – территории ускоренного развития отраслей агропромышленного комплекса: Минусинская долина и Южно-Сибирский (Алтайский) кластер;
- туристско-рекреационные районы – зоны развития туризма общероссийского и мирового значения: Байкальская, Саяно-Хакасская и Алтайская.

Развитие транспортной инфраструктуры Сибири будет направлено на реализацию ее потенциала как транзитного моста между Европой и Азией, что предполагает создание соответствующей инфраструктуры железнодорожного, автомобильного и авиационного транспорта. Прорывный сценарий предполагает реализацию большого числа транспортных проектов, нацеленных на повышение связности экономического пространства, обеспечивающих получение агломерационных эффектов за счет модернизации существующей авто- и железнодорожной сети и организации скоростного движения между крупнейшими городами Южно-Сибирской конурбации и другими сибирскими агломерациями. В долгосрочной перспективе может быть реализован пакет новых дорогостоящих инфраструктурных проектов, включая развитие высокоскоростного грузопассажирского коридора «Евразия» через Сибирь, строительство железнодорожных мостовых переходов на Сахалин и на Хоккайдо; строительство железнодорожных магистралей «Севсиб» и Трансевразийской (из Тывы через Западную Монголию в Китай (Индию)).

Приоритетами инновационного развития Сибири в рамках прорывного сценария Стратегии должны стать фундаментальная и прикладная наука, образование, система подготовки высококвалифицированных и рабочих кадров, интеграция науки, образования и высокотехнологичной промышленности. Особое место в инновационной экономике должны занять технологические направления, для применения которых в Сибири

есть значительный потенциальный спрос и собственные заделы в местных центрах исследований и разработок.

Количественные оценки прогнозных сценариев

Альтернативные сценарии развития России в долгосрочной перспективе в контексте развития мировой экономики представлены в ряде прогнозных разработок [Перспективы..., 2013; Структурно-инвестиционная..., 2017; Михеева и др., 2018], включая прогноз Минэкономразвития России⁹. Диапазон предполагаемых в их рамках траекторий развития страны довольно широк, но количественные оценки среднегодовых темпов роста в перспективе до 2035 г. находятся в интервале 1,5–2% в консервативных вариантах и в интервале 3–4% при реализации оптимистических гипотез прогноза.

Оценка прогнозных параметров, характеризующих представленные сценарии, проводилась на базе комплекса моделей, разработанных в ИНП РАН и долгосрочного макроэкономического прогноза АНО «Институт Внешэкономбанка». Параметры пространственных сценариев оцениваются на основе макроэкономического прогноза, учитывающего весь спектр внутренних и внешних условий развития национальной экономики в долгосрочном периоде. При этом в рамках макроэкономического сценария задаются общие для экономики ограничения по темпам роста инвестиций в основной капитал, распределяемым по регионам в соответствии с заданными в пространственном сценарии приоритетами, населению и используемым трудовым ресурсам.

Управляющими параметрами при расчете прогнозных траекторий являются территориальные пропорции распределения инвестиций. Исходя из сложившихся трендов и ситуации 2015–2018 гг. доля Сибирского макрорегиона в суммарных инвестициях РФ в *консервативном сценарии* на перспективу предполагается на уровне 11–12%.

Инвестиционными приоритетами в долгосрочной перспективе в *умеренно-оптимистичном сценарии* будут: регионы с потенциалом эндогенного роста (реализующие агломерационные

⁹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года. Министерство экономического развития РФ. 28 ноября 2018. URL: <https://www.economy.gov.ru/> URL: [material/file/a5f3add5deab665b344b47a8786dc902/prognoz2036.pdf](https://www.economy.gov.ru/material/file/a5f3add5deab665b344b47a8786dc902/prognoz2036.pdf) (дата обращения: 04.03.2020).

эффекты, обладающие инновационным потенциалом, высокой инвестиционной привлекательностью), стратегически важные регионы, а также те, в которых предполагаются наиболее капиталоемкие инфраструктурные и сырьевые проекты. Доля Сибирского макрорегиона в общероссийских инвестициях будет лишь немногим выше, чем в консервативном сценарии, но с учетом более высоких целевых параметров развития России абсолютная сумма накопленных за 2019–2035 гг. инвестиций в ценах 2015 г. превысит показатель консервативного сценария в 1,5 раза.

Создание нового центра роста (прорывной сценарий) предполагает значительное увеличение доли Сибирского макрорегиона в суммарных инвестициях РФ. Заданные на базе макропрогноза объемы инвестиций в его основной капитал можно считать «оценкой сверху», учитывающей предполагаемые пропорции распределения инвестиций по территории страны. «Оценка снизу» может быть получена в результате анализа предполагаемых в сибирских регионах инвестиционных проектов, заявленных в документах стратегического планирования РФ, государственных и частных компаний. Их анализ показывает, что значительные объемы инвестиций в сибирскую экономику вполне обоснованы. Сумма инвестиционных ресурсов, необходимых для реализации только основных проектов развития транспортной инфраструктуры, составляет около 11 трлн руб. (в ценах 2015 г.). Суммарные капитальные вложения в развитие гидроэнергетики могут составить за период 2019–2035 гг. 1,2–1,4 трлн руб. Инвестиции в известные на сегодня различные проекты, кроме инфраструктурных, могут составить 2,5–3 трлн руб. Общая сумма инвестиций в экономику макрорегиона, предполагаемых в известных инвестпроектах, составляет за период в целом около 14,7–15,4 трлн руб., из них для Республики Саха (Якутии) сумма основных инвестиционных проектов составляет около 6,2 трлн руб.

Большинство предполагаемых в долгосрочной перспективе инвестиционных проектов, по которым в настоящее время есть количественные оценки, относятся к промышленности и транспорту. Анализ структурных характеристик инвестиционной деятельности в период роста экономики в 2005–2015 гг. показывает, что на долю инвестиций в промышленность пришлось около 40% совокупных инвестиций в среднем по РФ и почти половина – в СФО и Якутии. При учете вложений в другие

секторы регионального хозяйства, сопутствующих инвестициям в промышленность, общий объем инвестиций, генерируемых известными индустриальными инвестпроектами, оценивается примерно в 20 трлн руб., их общая сумма (по всему кругу обсуждаемых проектов) становится сопоставима с объемом инвестиций, предполагаемых за весь период в консервативном сценарии макропрогноза (35,8 трлн руб.). Значительный рост инвестиций в прорывном сценарии будет обеспечен за счет следующих факторов. В настоящее время доля вложений в коммерческие услуги (включая оптовую и розничную торговлю, гостиничный и ресторанный бизнес, операции с недвижимостью, банковский сектор) в Сибири почти в два раза ниже средней по стране. Для развития сервисных секторов необходимо увеличение не только абсолютных объемов инвестиций, но и их доли в суммарных капвложениях. В перспективе предполагается существенный рост инвестиций в инновационный сектор сибирской экономики. Рост численности населения потребует масштабных вложений в жилищное строительство (проект Сибирские кварталы), строительство объектов социальной инфраструктуры. В долгосрочной перспективе в рамках сценария создания нового центра экономического роста может быть реализован упоминавшийся выше пакет новых дорогостоящих инфраструктурных проектов. В результате суммарный объем инвестиций, предполагаемый в прорывном сценарии за весь период, может составить около 78 трлн руб.

В качестве базы для расчетов параметров умеренно-оптимистичного и сценария нового центра роста использованы количественные показатели целевого варианта долгосрочного прогноза развития России, разработанного АНО «Институт Внешэкономбанка» (таблица).

Прогнозные расчеты показали, что при реализации консервативного сценария темпы роста сибирской экономики в долгосрочной перспективе оказываются ниже среднероссийских. Существенным фактором отставания является стагнация в добывающем секторе, поскольку его усилия будут сосредоточены преимущественно на поддержании достигнутых уровней добычи. Темпы роста инвестиций и доходов населения также ниже среднероссийских, что в перспективе будет усиливать отставание Сибири от средних по России показателей. В 2017 г.

среднедушевой объем производства ВРП Сибирского макрорегиона составлял 84% от среднего по РФ, к 2035 г. при реализации консервативного сценария он может составить 80% от среднего по РФ.

Прогноз основных показателей Сибирского макрорегиона по сценариям (в ценах 2015 г.),%

Показатель	Консервативный		Умеренно-оптимистичный		Создание нового центра экономического роста в Сибири	
	2035 г. к 2017 г.	Среднегодовой темп прироста 2018–2035 гг.	2035 г. к 2017 г.	Среднегодовой темп прироста 2018–2035 гг.	2035 г. к 2017 г.	Среднегодовой темп прироста 2018–2035 гг.
ВРП	135,4	1,7	209,7	4,2	343,7	7,1
Инвестиции	146,5	2,1	264,5	5,6	487,8	9,2
Промышленное производство	139,8	1,9	216,5	4,4	391,1	7,9
Добыча полезных ископаемых	122,3	1,1	155,3	2,5	232,4	4,8
Обрабатывающие производства	153,3	2,4	261,6	5,5	522,0	9,6
Сельское хозяйство	158,4	2,6	159,6	2,6	182,8	3,4
Реальные доходы населения	155,6	2,5	234,9	4,9	262,6	5,5

Источник: расчеты авторов.

В умеренно-оптимистичном сценарии доля Сибирского макрорегиона в российских инвестициях вырастет незначительно, но их объемы увеличатся в абсолютном размере. Инвестиции будут направляться в дальнейшее развитие добычи полезных ископаемых, однако, преимущество в инвестировании получают обрабатывающие производства, валовая добавленная стоимость которых к 2035 г. увеличится по сравнению с 2017 г. в 2,6 раза. ВРП макрорегиона к концу периода вырастет в 2,1 раза. Реализация гипотез относительно миграции и перераспределения инвестиций в пользу Сибири позволит увеличить темп роста российской экономики в целом к 2035 г. на 1 п.п.

При предположениях умеренно-оптимистичного сценария отставание Сибирского макрорегиона по среднедушевому ВРП сократится, достигнув примерно 90% от среднероссийского

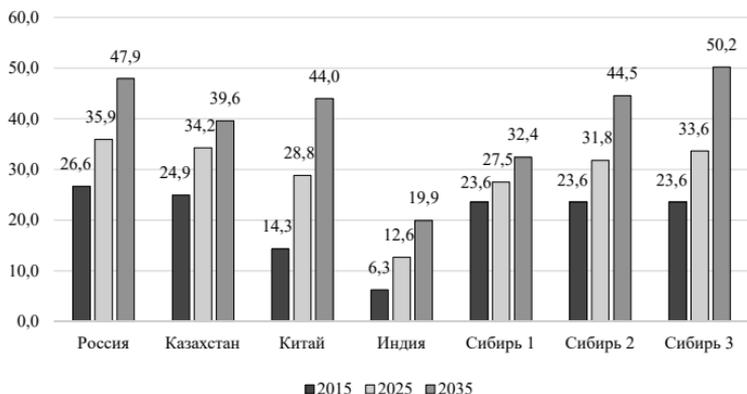
уровня. При реализации сценария создания нового центра экономического роста даже с учетом значительного увеличения численности населения душевое производство ВРП превысит среднероссийский показатель на 11%.

Производительность труда (выработка валовой добавленной стоимости на одного занятого в экономике) в 2017 г. составляла в Сибирском макрорегионе 89,5% от среднероссийского уровня. К 2035 г. в консервативном сценарии этот разрыв увеличится и составит 12%. В умеренно-оптимистичном сценарии производительность труда в Сибири растет быстрее, чем в РФ, что позволит достичь среднероссийского показателя, а при осуществлении прорывного сценария этот показатель превысит среднероссийский уровень на 14%.

При реализации Стратегии, нацеленной на создание в Сибири нового центра роста российской экономики, макрорегион может перейти на качественно новый тип экономического развития. Улучшение его научной, социальной и коммунальной инфраструктуры будет финансироваться во многом за счет увеличения собственной доходной базы, в том числе – путем передачи в регион части налогов на добычу природных ископаемых. В результате реализации подобного налогового маневра дополнительные поступления в региональные бюджеты предварительно оцениваются в среднем в 140–200 млрд руб. ежегодно, что почти на 10% увеличивает их налоговую базу. Предполагается высокий мультипликативный эффект налоговых стимулов.

Сравнение долгосрочных прогнозов стран-соседей и перспективных партнеров Сибири (Китая, Казахстана, Индии) показывает, что, по оценке 2015 г., Сибирский макрорегион имел примерно одинаковый уровень среднедушевого производства ВРП (ВВП по ППС) с Казахстаном (90,6% от уровня Казахстана), в 1,4 раза превышал показатели Китая и в 3,3 раза – Индии (рисунок).

К 2035 г. по среднедушевому ВВП Китай может опередить Казахстан и Индию. При реализации консервативного сценария отставание сибирской экономики от соседних стран усиливается (среднедушевое производство ВРП составит около 72% от уровня Китая, 80% от уровня Казахстана), приоритет сохраняется только в отношении Индии, однако, отрыв сокращается в два раза.

Примечание: 1 - консервативный сценарий; 2 - умеренно-оптимистичный; 3 - прорывной

Динамика и прогноз среднедушевых показателей ВВП (ВРП) по ППС для стран-соседей и партнеров Сибирского макрорегиона в 2015–2035 гг., тыс. долл.

При реализации двух других сценариев прогноза ситуация может сложиться более благоприятно. В умеренно-оптимистичном сценарии среднедушевое производство ВРП в Сибири на 3% превысит соответствующий показатель для Китая, на 14% – уровень Казахстана, в 2,3 раза превзойдет соответствующие показатели для Индии. Кардинальное изменение ситуации дает создание в Сибири нового центра экономического роста. В этом случае среднедушевое производство ВРП в макрорегионе превысит соответствующий показатель для Китая на 32%, Казахстана – на 47%, Индии – в 2,9 раза.

Условия для реализации прорывного сценария

Необходимым условием сибирского экономического прорыва является создание новой системы хозяйствования, проведение экономического эксперимента, включающего в себя формирование особого звена управления на уровне макрорегиона в целом. Фактически предлагается реализовать концепцию «одна территория – две экономические модели». Ее суть заключается в возможности наряду с традиционной системой управления внедрить особую экономическую модель, основанную на принципах взаимного финансирования, саморазвития, производственной и трудовой кооперации.

Приоритетный характер для макроэкономических сдвигов будут иметь инициирование и запуск комплексных инвестиционных проектов (по аналогии с проектом «Енисейская Сибирь»), увязанных с формированием «сибирских» мероприятий в национальных проектах и государственных программах РФ с «защищенным» бюджетным софинансированием (по примеру дальневосточной составляющей госпрограмм). Точками приложения этих проектов могут стать следующие опорные зоны развития: 1) Байкальский регион – Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край; 2) Южно-Сибирская конурбация и прилегающие территории – Новосибирская, Томская и Омская области, Алтайский край и Республика Алтай; 3) Кемеровская область; 4) Республика Саха (Якутия).

Опорные территории ставят вопрос о комплексности развития, но точками роста могут стать не менее 10–15 специализированных кластеров. Обязательные условия при этом – «распечатка» кладовых полезных ископаемых при резком повышении глубины их переработки, запуск инновационных высокотехнологичных производств, соответствующих требованиям Индустрии 4.0, значительный подъем фундаментальных и прикладных научных центров Сибири (как академических, так и корпоративных), повышение статуса ученого и инженера.

Изменение структуры производства позволит создать в Сибири значительное количество высокооплачиваемых рабочих мест на современных производствах, что само по себе является важнейшим фактором миграционной привлекательности макро-региона.

Для привлечения в макрорегион населения необходимо формирование комплексных планов развития жилья и социальной инфраструктуры, создание нового качества городской и аграрной среды, реализация дифференцированной по регионам системы подъемных льготных кредитов и займов для переселенцев, предоставления льготного жилья (льготной ипотеки) и земельных участков, увеличенной программы материнского капитала (используя опыт Дальневосточного федерального округа).

Финансовым рычагом для поддержки этих проектов на региональном уровне может стать передача в макрорегион до 10–20% от формируемого в нем налога на добычу полезных ископаемых. В целях управления проектами и комплексным

развитием макрорегиона целесообразно создание публичной государственной корпорации, связанной с сетью региональных корпораций, образование Фонда поддержки развития Сибири, в котором бы аккумулировалась часть налоговых поступлений на природные ресурсы, развитие цифровых платформ для взаимодействия муниципалитетов, бизнеса и граждан, а также возрождение кооперативного движения и общественной самоорганизации.

Сибирь может выступить как территория эффективного социального и экономического эксперимента, позволяющего соединить сбережение народа, природы и высокопроизводительную работу.

Литература

Баранов А. О., Дондоков З. Б.-Д., Павлов В. Н., Сулов В. И. Перспективы развития экономики Республики Бурятия // ЭКО. 2018. № 10. С. 77–95. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-10-77-95

Восток России: проблемы освоения – преодоления пространства / Под ред. В. А. Крюкова и В. В. Кулешова. Новосибирск: Издательство ИЭОПП СО РАН, 2017. 484 с.

Гранберг А. Г., Сулов В. И., Суспицын С. А. Многорегиональные системы: экономико-математическое исследование. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. 370 с.

Ивантер В. В., Клепач А. Н., Кувалин Д. Б., Янков К. В. Программа первоочередных действий по социально-экономическому возрождению Кузбасса // ЭКО. 2018. № 11. С. 31–47. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-11-31-46

Крюков В. А., Фридман Ю. А., Речко Г. Н., Логинова Е. Ю. Стратегия «Кузбасс-2035»: в гармонии с углем // ЭКО. 2018. № 11. С. 8–30. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-11-8-30

Кулешов В. В., Селиверстов В. Е., Сулов В. И., Суспицын С. А. Социально-экономическое развитие Сибири в системе российских и мирохозяйственных связей // Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез / Отв. ред. В. М. Котляков. Москва: Медиа-Пресс, 2013. С. 415–451.

Михеева Н. Н., Суворов А. В., Шилов А. А., Шокин И. Н., Янков К. В., Потапенко В. В., Сапова Н. Н., Кулешов В. В., Крюков В. А., Сулов В. И., Селиверстов В. Е., Богомолова Т. Ю., Еришов Ю. С. Региональные аспекты долгосрочной экономической политики: научный доклад / Москва, ИД «Международные отношения», 2018. 69 с.

Перспективы развития экономики России: прогноз до 2030 года. М.: Анкил, 2013. 408 с.

Селиверстов В. Е. Программа реиндустриализации экономики Новосибирской области: основные итоги разработки // Регион: экономика и социология. 2016. № 1. С. 108–134.

Современная роль экономики Сибири в народнохозяйственном комплексе России/Отв. ред. В.В. Кулешов. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. 325 с.

Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России: монография /Под науч. ред. акад. В.В. Ивантера. М.: Научный консультант, 2017. 196 с.

Статья поступила 17.03.2020.

Статья принята к публикации 27.03.2020.

Для цитирования: *Клепач А.Н., Михеева Н.Н.* Реалии и возможности в мегапроекте «Русский ковчег»// ЭКО. 2020. № 8. С. 66-86. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-66-86.

Summary

Klepach, A.N., Cand. Sci. (Econ.), VEB RF,

Mikheeva, N.N., Doct. Sci. (Econ.), Institute for Economic Forecasting, RAS, Moscow

Faster Growth of Siberian Economy: Realities and Opportunities in the Megaproject “Russian Ark”

Abstract. The authors consider long-term socio-economic development of Siberian macro-region in the attempt to estimate possible acceleration of its development within the framework of megaproject “Russian Ark”. Three alternative scenarios differ in priorities of development and strategy for achieving their goals. Quantitative estimates of macroregion development parameters are presented along with comparisons to forecast indicators of Russia and the neighboring countries and partners of the Siberian macroregion. It is shown that full implementation of the Russian Ark megaproject is possible in the framework of a breakthrough scenario for creating a new center of economic growth in Siberia. A description of priorities for long-term development of the macroregion is given, as well as a set of measures that comprise the content of the megaproject. It is proposed, along with traditional management system, to introduce a special economic model based on principles of mutual financing, self-development, production and labor cooperation.

Keywords: *Siberian macro-region; megaproject “Russian Ark”; long-term development scenarios; priorities; new center for economic growth; region management model*

References

Baranov, A.O., Dondokov, Z.B.-D., Pavlov, V.N., Suslov, V.I. (2018). Prospects for the development of the economy of the Republic of Buryatia. *ECO*. No. 10. Pp. 77–95. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-10-77-95

East of Russia: problems of development – overcoming space. Ed. Kryukov V.A., Kuleshov V.V. (2017). Novosibirsk. Publishing House IEIE SB RAS. 448 p. (In Russ.).

Granberg, A.G., Suslov, V.I., Suspitsyn, S.A. (2007). *Multiregional systems: economic and mathematical research.* Novosibirsk. Sib. scientific publishing house. 370 p. (In Russ.).

Ivanter, V.V., Klepach, A.N., Kuvalin, D. B., Yankov, K.V. (2018). The program of priority actions for the socio-economic revival of the Kuzbass. *ECO*. No. 11. Pp. 31–47. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-11-31-46

Kryukov, V.A., Friedman, Yu.A., Rechko, G.N., Loginova, E. Yu. (2018). Strategy “Kuzbass-2035”: in harmony with coal. *ECO*. No. 11. Pp. 8–30. (In Russ.). DOI: 10.30680 / ECO0131-7652-2018-11-8-30

Kuleshov, V.V., Seliverstov, V.E., Suslov, V.I., Suspitsyn, S.A. (2013). *Socio-economic development of Siberia in the system of Russian and world economic relations*. (On the book “Fundamental problems of spatial development of the Russian Federation: interdisciplinary synthesis”). Moscow. Media Press). Pp. 415–451. (In Russ.).

Mikheeva, N.N., Suvorov, A.V., Shirov, A.A., Shokin, I.N., Yankov, K.V., Potapenko, V.V., Sapova, N.N., Kuleshov, V.V., Kryukov, V.A., Suslov, V.I., Seliverstov, V.E., Bogomolova, T. Yu., Ershov, Yu.S. (2018). *Regional Aspects of Long-Term Economic Policy: Scientific Report*. Moscow. Publishing House “International Relations”. 69 p. (In Russ.).

Prospects for the development of the Russian economy: forecast up to 2030 (2013). Moscow. Ankil Publ. 408 p. (In Russ.).

Seliverstov, V.E. (2016). The program of re-industrialization of the economy of the Novosibirsk region: the main results of development. *Region: economics and sociology*. No. 1. Pp. 108–134. (In Russ.).

The modern role of the siberian economy in the national economic complex of Russia. Ed. Kuleshov V.V. (2014). Novosibirsk. IEIE SB RAS. 332 p. (In Russ.).

Structural – investment policy in order to ensure economic growth in Russia. Ed. Ivanter V.V. (2017). Moscow. Scientific Consultant. 196 p. (In Russ.).

For citation: Klepach, A.N., Mikheeva, N.N. (2020). Faster Growth of Siberian Economy: Realities and Opportunities in the Megaproject “Russian Ark”. *ECO*. No. 8. Pp. 66-86. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-66-86.

Особенности исследования экономики с использованием показателей металлопотребления¹

И.А. БУДАНОВ, доктор экономических наук. E-mail: budanov@ecfor.ru
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

В.С. УСТИНОВ, кандидат экономических наук. E-mail: ustinovs@gmail.com
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Институт МИРБИС,
Москва

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к оценке долгосрочных результатов экономического развития на основе показателей накопления материального капитала. Проанализированы тенденции на мировом рынке металла в их взаимосвязи с процессами индустриального развития. Рассмотрены различные варианты ресурсного обеспечения инвестиционного роста новых индустриальных стран (Китай, Индия, Южная Корея, Вьетнам и др.). Показаны современные особенности формирования взаимосвязи между динамикой потребления металла и валовым накоплением основного капитала. Выявлены дисбалансы в российской экономике, связанные с инвестиционным ростом, и предложены возможные пути их устранения. Представлены количественные прогнозные оценки, характеризующие ресурсное обеспечение экономического роста в России. Обоснована необходимость формирования и запуска механизма накопления капитала в стране.

Ключевые слова: инвестиции в основной капитал; потребление металла; индустриализация; накопление богатства; накопление металла; металлоинвестирование; металлофонд

О результатах экономического развития, достигнутых за продолжительный период времени, можно судить по широкому кругу показателей, имеющих свои и достоинства, и недостатки². Система оперативного управления в рыночных условиях чаще всего использует такие параметры, как прирост ВВП и прибыль. В идеальном (теоретическом) случае тенденции, оцениваемые на основе различных показателей, должны совпадать (заработали больше, значит, стали богаче). На практике, однако, все чаще встречаются ситуации, когда зарабатывают на том, что было создано и накоплено в предшествующий период (приватизация, слияния/поглощения и т.п.): на экономическую динамику все большее влияние оказывают

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18–010–00273.

² Экономические показатели. М.: Экономика, 1982.

процессы перераспределения доходов на основе разнообразных инструментов финансового рынка и при активном участии сферы услуг [Леонов, Моисеев, 2018]. В этих условиях экономический рост, оцениваемый по динамике ВВП, показывает не приумножение богатства, а скорость его распродажи.

Новые явления, связанные с глобализацией экономики, развитием вторичного рынка активов, возникновением стратегических инструментов кооперирования работ в рамках инвестиционного процесса, увеличением «интеллектуальной составляющей инвестиций» [Лавровский и др., 2019], существенно изменили характер инвестиционной деятельности. В современных условиях параметры продаж, прибыли не позволяют дать однозначный ответ на вопрос о том, идет ли процесс накопления богатства или проедания капитала, обеднения населения [Поляков, 2019]. Различные показатели, призванные дать косвенную оценку инвестиционной деятельности, все чаще вступают в противоречие с реально наблюдаемыми процессами³.

Проблемы 2010-х годов, значимые для оценки экономической ситуации

Отсутствие единства взглядов на результаты, достигнутые в процессе экономического развития, связано не со статистическими трудностями, а носит принципиальный понятийный характер [Хазин, 2020]. Во многих странах, включая США, в 2010-е годы на первый план вышла проблема распоряжения доходами, поскольку стало понятно, что не так важно, сколько заработали компании, как то, насколько богаче стало население страны.

Наличие средств еще не гарантирует их направления на нужды инвестиционного развития. Так, за 2011–2018 гг. валовые сбережения в России выросли с 17,66 трлн руб. до 31,35 трлн руб., а инвестиции в основной капитал – только с 11,0 до 17,6 трлн руб.⁴ Спад инвестиционной активности в РФ в 2013–2016 гг. проходил на фоне роста суммы прибыли (в 1,66 раза) и сальдированного финансового результата (в 1,87 раза) отечественных

³ Существуют два принципиально разных взгляда на проблему. Если человек купил квартиру – он стал богаче на стоимость квартиры. Если же государство покупает квартиру, то, по логике Минфина, оно становится беднее на величину средств, потраченных на ее приобретение.

⁴ Российский статистический ежегодник. 2019: Стат.сб./Росстат. М., 2019. 708 с.

организаций⁵. И дело не в инвестиционном климате. В 2010-х гг. Россия поднялась в рейтинге Doing Business со 120-го на 35-е место⁶, в то время как физический объем инвестиций в основной капитал по итогам 2018 г. составил лишь 98,4% к уровню 2012 г.⁷

Были устранены традиционные ограничения для разработки и реализации инвестиционных решений, но появились новые барьеры. Например, в России очевидно наличие прямой связи между инвестициями в основной капитал и импортом машин и оборудования, что отражает ограниченность возможностей управления инвестиционными процессами через государственные структуры и отечественный бизнес. Между тем принято считать, что «без отечественной инвестиционной техники, составляющей основу воспроизводства технико-технологической базы отраслей реального сектора, невозможно обеспечить комплексную конкурентоспособность страны» [Борисов, Почукаева, 2019].

Одним словом, с каждым годом возрастает актуальность вопросов натурального наполнения инвестиций, сформулированная академиком Ю. В. Яременко [Яременко, 2015]. С нашей точки зрения, при рассмотрении результатов экономического развития той или иной страны в центре анализа должны быть приумножение богатства, создание материального и человеческого капитала [Суворов и др., 2015; Буданов, 2020].

Методические особенности и информационная база исследования

Мы предлагаем оценивать процесс материализации богатства страны на основе показателя накопления металла, который является основным конструкционным материалом. Этот показатель достаточно просто соотносится с другими макроэкономическими показателями (инвестиции, основные фонды) и интегрирован в систему расчетов текущих экономических процессов, так что

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Финансы [Эл. ресурс]. URL: <https://gks.ru/folder/11192> (дата обращения: 15.02.2020).

⁶ Doing Business. Оценка Бизнес Регулирования. Годовые доклады [Эл. ресурс]. URL: <https://russian.doingbusiness.org/ru/reports/global-reports/doing-business-2020> (дата обращения: 15.02.2020)

⁷ Федеральная служба государственной статистики. Инвестиции в нефинансовые активы [Эл. ресурс]. URL: https://gks.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 15.02.2020).

его динамика отражает результаты инвестиционной деятельности и показывает процесс приумножения национального богатства.

Подход известен и в России, и за рубежом с 1920-х годов. В СССР он активно пропагандировался Л.Л. Зусманом и его учениками. С конца 1980-х данный подход применяется в исследованиях Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. В 2010-е годы наблюдается рост интереса к нему во всем мире, когда появилось осознание, что традиционный инструментарий не приносит результата. Не случайно в международных статистических базах закрепились показатели оборота металла и металлофонда, которые используются для анализа вторичных связей инвестиций.

При этом мифы 1970-х гг. о постепенном вытеснении металлов пластмассами сегодня можно забыть. «Век химии» так и не состоялся, а «век алюминия» остался в прошлом. Но если в «постиндустриальных» странах наступил век «воздушных замков» и финансовых пирамид, которые для своего создания требуют много инвестиций (денег), но не требуют конструкционных материалов, то в мире в целом потребление стальной металлопродукции за 2000–2019 гг. существенно выросло как в натуральном (в 2,3 раза), так и в стоимостном выражении (примерно в 6–7 раз). В том числе за счет использования композитов на основе металлов. Например, в автомобилестроении ФРГ доля пластика снижается уже более 20 лет подряд, а средний вес легкового автомобиля увеличивается последние 30 лет. При этом структура конструкционных материалов достаточно стабильна (нюансы зависят от того, как мерить: по массе, по объему, по стоимости).

Важно, что процесс накопления металла (металлоинвестирование) поддается регулированию, а следовательно, может быть объектом структурной политики, нацеленной на развитие материального капитала в стране. Различные варианты удовлетворения потребностей экономики в накоплении капитала и привлечения для этого необходимых ресурсов описаны в одной из работ автора [Буданов, 2020].

Анализируя глобальные тенденции, связанные с металлоинвестированием, можно выявить результаты стратегических изменений в мировой экономике, определяющие приращение богатства. На основе данных о динамике потребления металла по странам мира в 2000–2010-х гг. мы определили места накопления капитала. Тот факт, что во многих странах капитал

накапливают транснациональные компании из США или ЕС, не отменяет того, что это капитал не только данных компаний, но и соответствующих стран. Компании накапливают богатство, а металл (активы) привязан к определенной территории. Если перерегистрировать компании относительно просто, то вывод активов из страны требует времени и решения достаточно сложных вопросов. Кроме того, надо учитывать не только внешнеторговые потоки металла, но и потоки продукции, изготовленной из него. Ввиду развитых внешнеторговых связей есть различия в производстве и в потреблении продукции инвестиционного назначения по странам мира. Сравнивая потоки инвестиций и накопления металла, необходимо учитывать конечное территориальное назначение машин и оборудования.

Взаимосвязи показателей и процессы, их определяющие, подробно описаны в ряде работ [Зусман, 1982; Буданов, 2002].

Информационную базу исследования составили публикации World Steel Association (Worldsteel), содержащие сведения о производстве, потреблении и внешней торговле продукцией черной металлургии и металлосодержащей продукцией (статистические сборники Steel Statistical Yearbook)⁸. В качестве дополнительного источника была использована база данных ООН по внешней торговле товарами (UN Comtrade Database)⁹. Информация о динамике макроэкономических показателей по странам мира (ВВП, валовое накопление основного капитала) представлена на сайте Всемирного банка (World Bank Open Data)¹⁰. Анализ производственных показателей отечественной металлургии и инвестиционного процесса в экономике РФ базировался на данных Росстата.

В качестве основных показателей, характеризующих потребление металла, мы использовали *видимое потребление стали* (apparent steel use) и *реальное потребление стали* (true steel use). Первый из них учитывает результаты внешней торговли (производство плюс чистый импорт стальной металлопродукции). Второй представляет собой видимое потребление стали,

⁸ World Steel Association. Steel Statistical Yearbook [Эл. ресурс]. URL: <https://www.worldsteel.org/steel-by-topic/statistics/steel-statistical-yearbook.html> (дата обращения: 15.02.2020).

⁹ UN Comtrade Database [Эл. ресурс]. URL: <https://comtrade.un.org/> (дата обращения: 21.02.2020).

¹⁰ World Bank Open Data [Эл. ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 12.02.2020).

увеличенное на сумму чистого импорта металлосодержащей продукции (машин, оборудования, транспортных средств) в стальном эквиваленте [Indirect Trade..., 2015], что позволяет широко использовать данный показатель для анализа инвестиционного процесса по странам мира.

Тенденции на мировом рынке металла и их связь с процессами индустриального развития

В XX веке человечество успешно завершило решение задач первоначальной индустриализации Китая и других стран Юго-Восточной Азии. Согласно имеющимся данным, мировое реальное потребление стали за 2000–2017 гг. составило 20,7 млрд т, из них 38% пришлось на Китай. Приведение в соответствие уровней развития индустрии в различных странах мира существенно повлияло на глобальный рынок металла. Активизация инвестиционных процессов способствует росту спроса на сталь; появляются новые сферы деятельности, технологии, материализованные «в металле». В результате принципиально иной стала динамика производства стали. Если за последние 30 лет XX века темп роста мирового производства стали составил 1,43 раза, то за 2000–2018 гг. – 2,13 раза.

Уровень вовлеченности стран в процесс индустриализации мировой экономики существенно различается. Прирост производства стали в мире за 2000–2018 гг. (967 млн т) был обеспечен так называемыми новыми индустриальными странами (Китай – 800 млн т, Индия – 82 млн т, Южная Корея – 29 млн т, Турция – 23 млн т, Иран – 18 млн т, Вьетнам – 15 млн т)¹¹. Создавая новый производственный аппарат и накапливая металлофонд, они эффективнее используют ресурсы и выигрывают конкурентную борьбу у промышленно развитых стран на товарных рынках (табл. 1). Здесь главный признак конкурентоспособности – способность привлекать ресурсы (импорт), текущий показатель – способность наращивать производство (выплавка стали). Следствием конкурентоспособности производства становится рост ВВП.

¹¹ World Steel Association. Steel Statistical Yearbook [Эл. ресурс]. URL: <https://www.worldsteel.org/steel-by-topic/statistics/steel-statistical-yearbook.html> (дата обращения: 15.02.2020)

Таблица 1. Прирост в системах ресурсного обеспечения новых
индустриальных стран за 2000–2017 гг., млн т

Страна	Вы- плав- ка стали	Импорт желез- ной руды*	Импорт стальной металло- продукции	Стальной эквивалента импорта МСП**	Всего, импорт по указанным товарным группам	Темп роста ре- ального ВВП, 2017 г., % к 2000 г.
Китай	742,4	623,4	-7,0	7,1	623,5	411
Индия	74,6	3,0	7,0	3,6	13,6	281
Казахстан	-0,2	0,2	-0,2	1,0	1,0	273
Вьетнам	11,2	2,1	13,7	2,7	18,5	270
Индонезия	2,4	2,0	7,8	4,6	14,4	227
Филиппины	1,0	0,5	4,5	2,6	7,6	225
Турция	23,2	4,2	8,5	3,3	16,0	214
ОАЭ	3,2	2,3	4,8	1,8	8,9	192
Ю. Корея	27,9	20,7	7,9	5,4	34,0	178
Иран	14,6	-1,5	-0,8	0,8	-1,5	168

* В пересчете на 100% содержание железа

** Металлосодержащей продукции

Источник: (рассчитано по данным Worldsteel, UN Comtrade Database, World Bank).

У всех представленных стран – новых лидеров индустриализации – темпы роста ВВП в 2000–2017 гг. превышали среднемировое значение (в 1,54 раза), и у всех, кроме Ирана и Южной Кореи, темпы роста реального потребления стали были выше среднемировых (в 2,13 раза).

Модели ресурсного обеспечения индустриального развития отличаются разнообразием. Например, Китай развивает собственную металлургию (прирост производства стали составил 742 млн т за 2000–2017 гг., импорт стальной металлопродукции сократился на 7 млн т) в основном на импортной ресурсной базе (прирост импорта железной руды – 623 млн т в пересчете на 100% содержание железа). Индия и Турция сочетали развитие металлургии (соответственно, +74,6 млн т и 3,2 млн т выплавки стали) с приростом импорта стальной металлопродукции (на 7 млн т и 8,5 млн т). Южная Корея обеспечила рост в собственной металлургии (+27,9 млн т стали) за счет импорта сырья (+20,7 млн т руды), а также наращивала ввоз металлопродукции (+7,9 млн т) и металлосодержащей продукции (+5,4 млн т). Вьетнам и ОАЭ были ориентированы главным образом на импорт металлопродукции (прирост на 13,7 млн т, и 4,8 млн т соответственно), а Индонезия и Филиппины – на импорт металлопродукции (+7,8 млн т и 4,5 млн т) и металлосодержащей

продукции (+ 4,6 млн т и 2,6 млн т соответственно). Иран, находясь под действием экономических санкций, активно развивал собственную сырьевую базу и металлургию, обеспечив полное импортозамещение по железной руде и частичное – по стальной металлопродукции. В Казахстане наблюдались высокие темпы роста ВВП (в 2,7 раза) и реального потребления стали (в 3,2 раза) при сокращении выплавки стали и импорта металлопродукции – его индустриальное развитие было обеспечено за счет роста импорта металлосодержавшей продукции (на 1 млн т) и переориентации экспортных потоков металлопродукции на внутренний рынок (1,8 млн т)¹².

Иначе складывается ситуация в экономически развитых странах. На них сегодня приходится около 30% мирового потребления стали. В 1970-х гг. здесь начался активный процесс деиндустриализации, масштабы которого, однако, были сильно преувеличены. Бесспорно, был эффект насыщения материальным богатством и возникли проблемы с поддержанием эффективности расширения металлофонда (снижение ввода при увеличении выбытия металлофонда). Прекратился прирост производства металла из первичного сырья, наблюдалось сокращение парка металлообрабатывающего оборудования. Многие оценивали эти явления как свертывание и перенос производства в другие страны мира.

Однако, как показывают расчеты, даже в тот период прирост металлофонда в США, ФРГ и Италии сохранялся на достаточно высоком уровне (соответственно, на 19,3%, 15,9% и 33,3%¹³). В Великобритании и Франции металлофонд тоже прирастал, хотя и не так заметно (менее 10%), но уже в 2005–2015 гг. ситуация принципиально изменилась, и данные страны по темпам металлоинвестирования в 1,5–1,6 раза опережали США. Сегодня во многих странах декларирована реиндустриализация экономики.

Тем не менее по возрастной структуре металлофонда старопромышленные страны сильно проигрывают новым индустриальным странам. Самая молодая доменная печь в Европе старше самых старых (из действующих в настоящее время) в Китае, Южной Корее, а в США зачастую работают агрегаты

¹² World Steel Association. Steel Statistical Yearbook [Эл. ресурс]. URL: <https://www.worldsteel.org/steel-by-topic/statistics/steel-statistical-yearbook.html> (дата обращения: 15.02.2020).

¹³ Оценка металлофонда Экономической комиссией по лому.

еще XIX века. Рост металлоинвестирования в Европе с начала 2000-х годов показывает, что и правительства, и бизнес осознали угрозу утраты конкурентоспособности. В США бизнес в этом смысле оказался более косным. От уговоров периода Обамы там перешли к санкциям эпохи Трампа. В России все еще продолжают уговоры бизнеса инвестировать.

Процессы производства и потребления металла отличаются сверхвысокой мобильностью. Их объемные показатели могут снижаться на 40–60% за год (ЕС, США в 2009 г.), а затем за 1–2 года восстанавливаться до предкризисного уровня¹⁴. Это системная характеристика экономики. Раньше работали в запас, сейчас же в этом нет необходимости (принципиально отличается от того, что наблюдается в России). Цена мобильности складывается из структуры производства, структуры ресурсного обеспечения, структуры технологий, то есть имеют значение особенности инвестиционной деятельности, а не наличие ресурсов как таковых.

Европейские и американские компании все эти годы активно участвовали в развитии новых рынков. Согласно данным статистики внешней торговли, индустриально развитые страны стали «придатком» системы накопления капитала новых индустриальных экономик [Буданов, 2020]. Сырье для производства металла экспортируют Австралия (698 млн т железной руды в 2018 г.), Канада (47,8 млн т железной руды, 5,1 млн т лома черных металлов), Швеция (23,7 млн т железной руды), США (13 млн т железной руды, 17,2 млн т лома черных металлов), Япония экспортирует металлопродукцию (35,8 млн т стального проката)¹⁵, страны ЕС – металлосодержащие изделия (130 млн т в стальном эквиваленте)¹⁶.

Пока рано делать окончательные выводы о результатах общемирового процесса накопления капитала 2000-х годов, его эффективности для основных участников и для формирования

¹⁴ World Steel Association. Steel Statistical Yearbook [Эл. ресурс]. URL: <https://www.worldsteel.org/steel-by-topic/statistics/steel-statistical-yearbook.html> (дата обращения: 15.02.2020).

¹⁵ UN Comtrade Database [Эл. ресурс]. URL: <https://comtrade.un.org/> (дата обращения: 21.02.2020).

¹⁶ World Steel Association. Steel Statistical Yearbook [Эл. ресурс]. URL: <https://www.worldsteel.org/steel-by-topic/statistics/steel-statistical-yearbook.html> (дата обращения: 15.02.2020).

прогнозных сценариев. Очень много недовольных тем, как складывается положение дел, нередко конфликт интересов переходит в явную форму. Тем не менее из происходящего можно извлекать уроки (хотя в РФ предпочитают закрывать на это глаза).

В XXI веке значительная часть мирового инвестиционного потенциала была переориентирована на страны Африки, Среднего и Ближнего Востока. Скорость наблюдаемых в мировой экономике изменений, связанных с развитием новых промышленных государств, просто поражает. Однако пока эти процессы находятся в активной фазе, их участникам очень сложно сформулировать цели развития, не вступающие в противоречие с общесистемными задачами. Главными регуляторами стали компании из промышленно развитых стран, управляющие процессами вложения капитала. В свою очередь новые промышленные страны ориентированы на привлечение с глобального рынка ресурсов, необходимых им для накопления капитала.

В Африке сохраняется неопределенность процессов индустриализации (рост металлоинвестиций за 2000–2017 гг. составил 2,4 раза при среднемировом росте в 2,1 раза), в Южной Америке процесс не устойчив (рост всего в 1,6 раза), имеют место проблемы развития инвестиционной базы стран ближнего зарубежья [Буданов, 2020]. Отмечено обострение внутривнутриполитических и социальных проблем, сопровождавшее ускоренный рост накопления материального капитала в странах Среднего и Ближнего Востока, Северной Африки. В части разрешения возникающих конфликтов интересов мировой опыт предоставляет широкий спектр возможностей – от формирования моделей автаркического развития (КНДР), активного использования протекционизма (США) до примеров прямого вмешательства государства в дела транснациональных компаний (Великобритания в XVIII веке). Время покажет, какие модели выберут для себя конкретные страны.

Россия в процессе инвестиционного развития мировой экономики

Несмотря на эмоциональные высказывания экспертов о текущем состоянии отечественной экономики, по показателям производства, потребления металла и накопления металлофонда Россия занимает достаточно устойчивые позиции в мире [Буданов, 2020].

По абсолютному объему реального потребления стали за 2000–2017 гг. мы входим в число ведущих стран (698 млн т, или 3,4% от общемирового значения). Это значительно ниже, чем у Китая, ЕС и США, но сопоставимо с Индией, Японией, Южной Кореей, а также суммарными показателями стран Южной Америки, Ближнего Востока и Африки (табл. 2).

Таблица 2. Реальное потребление стали по ведущим странам и регионам в 2000, 2017 гг.

Страна, регион	Всего		По годам, млн т		Темп роста, 2017 г. к 2000 г., раз
	млн т	доля в мире, %	2000 г.	2017 г.	
Мир (74 страны)	20721	100,0	723	1536	2,13
Китай	7894	38,1	117	706	6,02
ЕС	2770	13,4	160	153	0,96
США	2110	10,2	134	122	0,91
Индия	1011	4,9	27	89	3,27
Япония	922	4,4	60	50	0,83
Россия	698	3,4	20	47	2,36
Южная Корея	654	3,2	28	42	1,47
Южная Америка	712	3,4	27	42	1,58
Ближний Восток	676	3,3	20	46	2,29
Африка	502	2,4	14	35	2,42

Источник: рассчитано по данным Worldsteel.

Россия относится к группе стран, увеличивавших объемы металлопотребления в 2000–2017 гг. Несмотря на резкий провал в 2009 г. и некоторое снижение в 2014–2016 гг., объем реального потребления стали в 2017 г. был в 2,4 раза больше, чем в 2000 г. За аналогичный период в ЕС спад составил 4%, в США – 9%, в Японии – 17%. Однако от большинства стран, осуществляющих индустриализацию, мы сильно отстаем. Лидерами по темпам роста за 2000–2017 гг., помимо Китая и Индии, были Вьетнам (реальное потребление стали выросло в семь раз – с 3,3 млн т до 23,1 млн т), ОАЭ (рост с 2,6 млн т до 10,5 млн т), Индонезия (рост с 5,8 млн т до 18,4 млн т). По показателю реального потребления стали на душу населения Россия опережает среднемировой уровень (323 кг/чел. в РФ против 251 кг/чел. по миру в целом в 2017 г.), но уступает как традиционным лидерам (358 кг/чел. в Германии, 376 кг/чел. в США, 394 кг/чел. в Японии), так и новым индустриальным странам.

На наш взгляд, отставание от промышленно развитых стран не представляется критичным. Экономика РФ характеризуется более низкими параметрами выбытия металлофонда, что означает относительно меньшие потребности в ресурсах для обновления основных фондов (и это, пожалуй, единственный плюс в нашей ситуации). Однако отставание от Турции (411 кг/чел.), Китая (497 кг/чел.), Южной Кореи (816 кг/чел.)¹⁷ может иметь долгосрочные негативные последствия для экономики РФ. Имея более молодой производственный аппарат, эти страны имеют все шансы на успех в конкурентной борьбе в сфере промышленного производства. Уже сегодня они выигрывают конкуренцию за российский металл у отечественных потребителей, являясь ведущими импортерами этого ресурса из России. У стран, осуществляющих в настоящее время индустриализацию (Чили, Тайланд, Вьетнам), есть все шансы достичь уровня России уже в ближайшее десятилетие [Буданов, 2020].

В отечественной экономике начиная с 2000-х гг. имеет место довольно устойчивая тенденция к устранению ранее возникших диспропорций между ресурсами металла, вовлекаемыми в первичное использование, и объемом металлоинвестирования в развитие материального капитала страны (табл. 3). При этом периодически возникают внешние эффекты, оказывающие влияние на общий процесс.

Таблица 3. Производство черных металлов и потребление стали в РФ в 2000–2018 гг., млн т

Показатель	2000	2005	2010	2015	2018	Коэффициент вариации
Производство чугуна	44,6	49,2	48,0	52,4	51,8	0,06
Производство стали	59,1	66,1	66,9	70,9	72,0	0,07
Видимое потребление стали	24,4	29,3	36,7	39,8	41,2	0,21
Реальное потребление стали	19,9	32,3	42,8	43,8	47,1	0,28
Разница между производством и реальным потреблением стали	39,2	33,9	24,2	27,1	24,9	

Источник. Рассчитано по данным: Российский статистический ежегодник. 2019: Стат.сб./Росстат. М., 2019. 708 с.; Промышленное производство в России. 2016: Стат.сб./Росстат. М., 2016. 347 с. и Worldsteel.

¹⁷ World Steel Association. Steel Statistical Yearbook [Эл. ресурс]. URL: <https://www.worldsteel.org/steel-by-topic/statistics/steel-statistical-yearbook.html> (дата обращения: 15.02.2020).

Рост ежегодных объемов привлечения импортных ресурсов металлосодержавщей продукции (на 55% за 1995–2005 гг. и в 2,3 раза за 2009–2013 гг.)¹⁸ после 2014 г. сменился тенденцией к сокращению импорта. Однако в трубной промышленности результаты импортозамещения были получены уже в 2005–2007 гг. (были созданы специализированные мощности по производству труб большого диаметра), локализация выпуска комплектующих для автомобилестроения дала эффект в 2010-е годы, когда получило развитие отечественное производство готовых изделий из металла. Девальвация рубля (2014 г.) не имела долгосрочных последствий, аналогичных процессам начала 2000-х годов. Основной прирост ресурсов для инвестирования в 2017–2019 гг. связан с увеличением импорта металлосодержавщей продукции (машин и оборудования, узлов, комплектующих) [Буданов, 2020].

Разница между производством стали и ее реальным потреблением в РФ достигала 39,2 млн т в 2000 г. и 24,9 млн т в 2018 г. При этом физические объемы производства чугуна и стали¹⁹ достаточно стабильны (коэффициенты вариации, рассчитанные по данным за 2000–2018 гг., составляют 0,06 и 0,07 соответственно) и слабо зависят от колебаний спроса на внутреннем рынке. В то же время наибольшая вариация отмечена по показателю реального потребления стали (коэффициент вариации 0,28, см. табл. 3), учитывающему колебания спроса не только на металл, но и на продукцию инвестиционного назначения (импортируемое и экспортируемое оборудование).

Следует отметить, что процесс металлоинвестирования РФ в XXI веке претерпел значительные изменения. Это связано с опережающим ростом поставок металлосодержавщих машин и оборудования по сравнению с поставками металлопродукции, предназначенной для переработки в готовые изделия [Буданов, 2020]. Импорт машиностроительной продукции в РФ вырос с 2,06 млн т в 2000 г. до 13,35 млн т в 2012 г. (в 6,5 раза)

¹⁸ UN Comtrade Database [Эл. ресурс]. URL: <https://comtrade.un.org/> (дата обращения: 21.02.2020).

¹⁹ Примечательно, что традиционные для металлургии показатели производства чугуна и стали утратили прежний смысл. В лучшем случае они отражают специализацию стран на глобальном рынке, а не спрос на металл внутри страны. При этом доход страны зависит не от места в технологиях преобразования ресурсов, а от места нахождения центра прибыли (на территории страны или в офшорах).

и в 2018 г. составил 9,2 млн т²⁰. Россия по величине чистого импорта машин и оборудования (6,2 млн т в стальном эквиваленте в 2017 г.) занимает второе место в мире, уступая только США (24,4 млн т)²¹.

В 2000–2010-х гг. инвестиции и поставки металла в российскую экономику значительно увеличились. Реальное металлопотребление возросло с менее чем 20 млн т в 2000 г. до 50,5–52,4 млн т в 2011–2014 гг., и по итогам 2018 г. составило около 47 млн т. За рассматриваемый период прирост накопления металла в активах составил почти 300 млн т. Около 120 млн т было направлено на компенсацию выбытия металлофонда из эксплуатации и около 30–40 млн т – на пополнение оборотных фондов. Основной прирост наблюдался на транспорте (трубопроводном), в жилищной сфере и добывающей промышленности. В 2000-е годы отмечалось восстановление металлофонда в строительстве, а в 2010-е – и в сельском хозяйстве²².

В настоящее время оборот металла в России осуществляется в условиях ресурсных ограничений, при наличии дисбаланса на рынках, однако он обеспечивает высокую доходность участникам, а его перспективы определяются процессом накопления капитала в стране. Фактически после роста физического объема инвестиций в основной капитал в 2000–2008 гг. в 2,7 раза инвестиционный рост столкнулся с ресурсными ограничениями: прирост физического объема инвестиций на 8,8% за 2008–2012 гг.²³ сопровождался увеличением чистого импорта металлосодержавшей продукции на 8 млн т²⁴.

²⁰ UN Comtrade Database [Эл. ресурс]. URL: <https://comtrade.un.org/> (дата обращения: 21.02.2020).

²¹ World Steel Association. Steel Statistical Yearbook [Эл. ресурс]. URL: <https://www.worldsteel.org/steel-by-topic/statistics/steel-statistical-yearbook.html> (дата обращения: 15.02.2020).

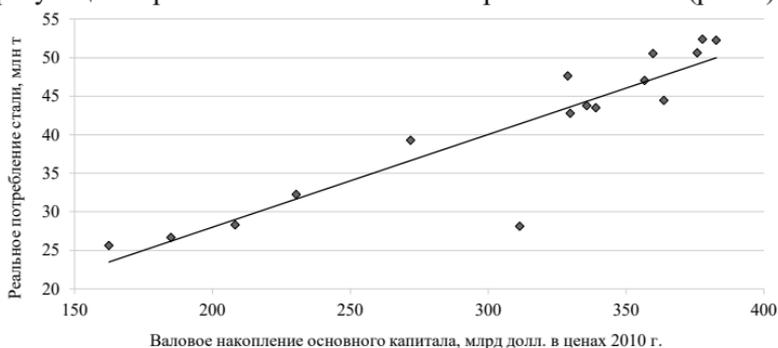
²² Есть проблемы с оценкой объема выбытия металлофонда отраслей. Данные по парку оборудования указывают, что до восстановления далеко, если же судить по данным об основных фондах – то близко. Есть факт увеличения потока металла (почти в 6 раз в сельхозтехнику – это и много, и мало). Принципиален вопрос – можем ли мы вкладывать больше?

²³ Федеральная служба государственной статистики. Инвестиции в нефинансовые активы [Эл. ресурс]. URL: https://gks.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 15.02.2020).

²⁴ World Steel Association. Steel Statistical Yearbook [Эл. ресурс]. URL: <https://www.worldsteel.org/steel-by-topic/statistics/steel-statistical-yearbook.html> (дата обращения: 15.02.2020).

Оценка потребностей экономики РФ в металле в среднесрочной перспективе

Ориентируясь на наличие достаточно тесной связи между валовым накоплением основного капитала и потребностями в металле (реальное потребление стали), выявленное по результатам проведенного авторами анализа по ведущим странам мира за 2000–2010-е гг. (коэффициенты детерминации составили 0,99 в Индии 0,97; в Турции 0,94; в Бразилии; 0,92 в Китае; 0,82 в РФ), можно проводить количественные прогнозные оценки, характеризующие перспективы экономического развития России (рис. 1).

Источник. Рассчитано по данным Worldsteel и World Bank.

Рис. 1. Взаимосвязь между валовым накоплением основного капитала и реальным потреблением стали в экономике РФ в 2002–2017 гг.

Соотношение между рассматриваемыми переменными по мировой экономике (на основе данных по 74 странам мира за 2002–2017 гг.) описывается следующим уравнением (коэффициент детерминации равен 0,95)²⁵:

²⁵ Для построения уравнения были использованы данные за 2002–2017 гг.: y – реальное потребление стали по данным Worldsteel, x – валовое накопление основного капитала в ценах 2010 г. по данным World Bank. Логическая связь между параметрами уравнения основана на гипотезе о наличии определенного уровня металлоемкости продукции инвестиционного назначения (соотношении цены (x) и массы изделия (y)). Бесспорно, не все инвестиции предполагают использование металла (отрицательная константа), а также не весь металл направляется на удовлетворение инвестиционных потребностей (положительная константа). Уравнение показывает наличие устойчивой связи между переменными: рост инвестиций предполагает использование дополнительных объемов металла. Уровень металлоемкости инвестиционной деятельности по странам мира существенно различается. Поэтому общемировая картина носит иллюстративный (качественный) характер. В свободном члене уравнения агрегировано действие прочих факторов.

$$y = 0,09x - 156.$$

Таким образом, освоение в рамках инвестиционного процесса дополнительно 1 млн т стали в виде металлопродукции или металлосодержащей продукции в среднем по мировой экономике будет стоить около 11 млрд долл. в ценах 2010 г., а в России – около 8,3 млрд долл. Взаимосвязь между анализируемыми переменными в РФ описывается уравнением²⁶:

$$y = 0,12x + 3,9.$$

В качестве базовых параметров для прогнозных расчетов потребности российской экономики в металле следует использовать нормативные оценки эффективности накопления металла в экономике, полученные при анализе процессов 2000-х годов и ресурсного потенциала, который сложился к 2020 г.²⁷ Таким образом, *базовый прогнозный вариант* предполагает сохранение существующей модели развития и сформированных в ее рамках тенденций.

Реально располагаемые собственные ресурсы металлопродукции в стране оцениваются в 60–65 млн т (с учетом резерва мощностей), что теоретически позволит обеспечить рост инвестиций в основной капитал на 24% (к уровню 2019 г.) без дополнительного привлечения металлоинвестиций из-за рубежа. Мощности по ресурсам сырья для металлургии оцениваются примерно в 100 млн т (по содержанию железа), и в перспективе 3–5 лет их невозможно будет существенно увеличить из-за отсутствия заделов по вводу в эксплуатацию новых месторождений. Теоретически этого достаточно для выпуска металлопродукции в 75–80 млн т [Буданов, 2020].

²⁶ Для построения уравнения были использованы данные за 2002–2017 г.: y – реальное потребление стали по данным Worldsteel, x – валовое накопление основного капитала в ценах 2010 г. по данным World Bank. Инвестиционный рост предполагает наличие ресурсов. На каждые 10 млрд долл. вложений необходимо будет привлечь около 1,2 млн т металла из отечественного и зарубежного производства. Определенные вопросы вызывает интерпретация свободного члена уравнения. Известно, что более половины выпускаемого в стране металла экспортируется, а в уравнении на не зависящий от инвестиций поток приходится менее 7% отечественного производства. Данный парадокс можно понять, если принять во внимание, что после переработки за рубежом основной объем экспортированного из РФ металла возвращается в страну в виде машин и оборудования, необходимых для обеспечения инвестиционной деятельности.

²⁷ Эффективность накопления определяется суммой прироста активов (богатства) с каждой накапливаемой тонны. Проблема СССР, Японии и ряда других стран – новые накопления вытесняли старые, и результатом стала отрицательная эффективность. Проблема ЕС и США – в том, что стали копить богатство в других странах.

Располагаемого ресурса после развития металлургических мощностей будет достаточно для удовлетворения инвестиционного спроса при его росте в 1,45–1,65 раза. В свою очередь базовый сценарий прогноза социально-экономического развития РФ предполагает темп прироста инвестиций в основной капитал на уровне 5,0–6,5% в 2020–2024 гг.²⁸

При экстраполяции тенденции снижения металлоемкости инвестиций в отечественной экономике (в среднем на 1% в год в 2005–2018 гг., главным образом – за счет повышения импортной составляющей) и при реализации прогнозных показателей базового сценария Минэкономразвития РФ видимое потребление готовой стальной продукции в 2024 г. составит 54,3 млн т (рост в 1,32 раза к 2018 г.) [Устинов, Буданов, 2019], что соответствует ресурсным возможностям отечественного металлургического комплекса с точки зрения массы производимой металлопродукции, но потребует изменения ее структуры (рост доли продукции высокой степени готовности).

Особого внимания заслуживает организация производства готовых изделий из металла, в больших объемах импортируемых в Россию. Для обеспечения инвестиционного развития Арктики необходимы сложнотруктурированные хладостойкие стали, инфраструктурные проекты предполагают широкое использование металлопродукции с защитными покрытиями (с лакирующим слоем), есть необходимость в организации производства специальных видов металлопродукции для нужд инвестиционного машиностроения, выпускающего оборудование для пищевой, фармацевтической промышленности, отраслей социальной сферы. Разнообразие спроса и относительно небольшие объемы закупок затрудняют удовлетворение потребностей крупными компаниями, и необходима соответствующая производственная база, утраченная в 1990-х годах и так и не восстановленная до настоящего времени.

Оценка реального потребления стали в РФ в 2024 г. в рамках базового сценария составляет около 62 млн т (прирост – около 15 млн т, или почти 25% к уровню 2018 г.). Данная величина

²⁸ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года. Минэкономразвития России [Эл. ресурс]. URL: <https://economy.gov.ru/material/file/450ce3f2da1ecf8a6ec8f4e9fd0cbdd3/Prognoz2024.pdf> (дата обращения: 25.02.2020).

прироста предполагает либо увеличение импорта машиностроительной продукции в 2,63 раза (до уровня в 296 млрд долл., что на четверть превышает весь импорт товаров РФ в 2018 г.²⁹), либо рост объемов производства и переработки металла в рамках отечественной экономики.

В стране крайне мало ресурсов для создания активов, которые представляли бы ценность в долгосрочной перспективе. Устранить зависимость инвестиционной деятельности от импорта достаточно сложно [Трансформация структуры..., 2018; Почукаева и др., 2019].

Рост объемов генерируемых инвестиционных ресурсов на 10% в год позволяет повышать инвестиции в основной капитал на 2–3%. Следует учитывать, что в настоящее время в РФ продукции инвестиционного назначения выпускается примерно 15–20% от уровня 1990 г. В ряде секторов производство было реанимировано буквально в течение 2–3 лет. За этот срок страна смогла запустить процесс развития электроэнергетики, транспорта, сельского хозяйства на базе отечественного инвестиционного комплекса. Сегодня, на наш взгляд, принципиальных производственно-технологических ограничений на инвестиционное развитие в российской экономике не существует, но есть проблема экономического выбора. В рамках действующего экономического механизма извлечение дохода за счет проедания капитала привлекательнее для бизнеса, чем приумножение богатства путем эффективного накопления капитала.

В позитивном варианте прогноза есть необходимость в создании новых элементов инвестиционно-фондового процесса, повышающих эффективность инвестиционной деятельности как процесса накопления ресурсов внутри страны. Главным результатом капитальных вложений становится ценность и ликвидность создаваемых активов, а не только потенциальная прибыль, которая может быть получена от вложенных средств в перспективе.

Как известно, начиная с середины 1980-х годов модель ускоренного инвестиционного роста рассматривалась в качестве возможного варианта развития страны (Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы (по пятилеткам) [Комплексная программа..., 1988; Яременко,

²⁹ Российский статистический ежегодник. 2019: Стат.сб./Росстат. М., 2019. 708 с.

2015]. В 2000-е годы она была адаптирована к современным условиям и изложена в правительственных сценариях экономического развития (например, сценарий форсированного роста в Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года). В рамках данного подхода генерируется практически безграничный инвестиционный спрос (например, построили объект, он выступает залогом по кредиту, получили новые средства на строительство новых заводов и т.д.). Ограничения возникают со стороны предложения ресурсов инвестиционного назначения – идей, проектной документации, строительных мощностей, наличия оборудования и ресурсов для их производства.

Металл – только один из элементов инвестиционного механизма, но от эффективности его использования также зависят перспективы инвестиционного развития страны. Связь между производителями и конечными потребителями этого ресурса, эффективность всей системы оборота металла в стране обеспечивает не просто рыночный механизм, а комплекс центров по специализированной обработке металла. В России развито специализированное производство труб, метизов, металлоконструкций. К традиционным литейным заводам добавились многофункциональные сервисные центры, осуществляющие металлообработку [Буданов, 2020]. Современная ресурсная основа машиностроения и строительства включает разнообразные системы комплектации, определяемые развитием в экономике межотраслевых производств разнообразной специализации (в ЕС через них проходит до 80% поставок металла от предприятий металлургии к машиностроительным заводам, в России номинально – около 40%, а фактически, без торговых домов комбинатов – около 15%). От ее мобильности зависит оперативность в проведении ресурсного маневра в экономике, перехода от решения одних инвестиционных задач к другим (имеется в виду ресурсная основа или система межотраслевых производств). Например, в России типовой срок от появления новой нестандартной потребности в изделии из металла до ее удовлетворения составляет около 6–9 месяцев (и это не считая процедуры проведения торгов), в Европе – до 3 месяцев.

Именно на стадии преобразования металла в продукцию инвестиционного назначения должно быть обеспечено эффективное

использование базовых конструкционных материалов на основе различных методов формообразования и обработки. Проблема в том, что организация эффективного использования металла в экономике требует в 7–12 раз больше средств, чем создание металлургического производства.

Заключение

Современный инвестиционный процесс тесно связан с потреблением металла. Исследование потоков металла в 2000–2010-е годы позволило выделить лидеров по росту потребления ресурсов металла в виде сырья, металлопродукции, готовых изделий из металла, металлосодержащей продукции. Потребление металла выступает индикатором накопления основного капитала в новых индустриальных странах, результатом эффективного использования которого является рост ВВП.

Взаимосвязи между динамикой потребления металла и валовым накоплением основного капитала носят устойчивый долгосрочный характер. Они имеют свою специфику по странам мира, отражая особенности ресурсного обеспечения инвестиционного процесса. В рамках современной модели инвестиционного развития объединяются разнообразные ресурсы глобального рынка, что ограничивает возможности непосредственного регулирования процессов.

Для России важным является понимание общемировых процессов инвестиционного развития и своего места в них. Дальнейший рост инвестиций в стране в значительной степени (на 82%) зависит от предложения продукции инвестиционного назначения, причем в интересах России желательно, чтобы это была продукция отечественного производства. В центре внимания должно быть не достижение определенных количественных значений темпов роста ВВП и инвестиций, а развитие материального и человеческого капитала, который достанется будущим поколениям.

Позитивное отношение авторов к перспективам развития отечественной экономики базируется на множестве соображений, главное из которых – мотивация к развитию. Нет оснований считать, что в России потребности населения в накоплении богатства близки к насыщению. Маловероятно, что в ближайшие годы мы сможем приблизиться к уровню накопленного общественного

богатства (социальной, транспортной, инженерной инфраструктуры) промышленно развитых стран. Главным представляется формирование и запуск эффективного механизма накопления капитала.

Литература

Борисов В. Н., Почукаева О. В. Инвестиционная активность и инвестиционная эффективность в машиностроении // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5. С. 99–111.

Буданов И. А. Взаимосвязи потребления металла и экономического развития страны // Сталь. 2020. № 1. С. 56–62.

Буданов И. А. Черная металлургия в экономике России. М.: МАКС Пресс, 2002. 428 с. [Эл. ресурс]. URL: <https://ecfor.ru/publication/chernaya-metallurgiya-v-rossijskoj-ekonomike/> (дата обращения: 27.02.2020).

Зусман Л. Л. Металлоемкость общественного производства. М.: Металлургия, 1982. 214 с.

Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы (по пятилеткам). М., 1988 [Эл. ресурс]. URL: <https://ecfor.ru/publication/kompleksnaya-programma-nauchno-tehnicheskogo-progressa-sssr/> (дата обращения: 02.03.2020).

Лавровский Б. Л., Горюшкина Е. А., Шильцин Е. А. Инвестиционный ресурс экономического роста: не только количество // ЭКО. 2019. № 12. С. 124–140. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-124-140

Леонов И. А., Моисеев А. К. Роль суверенных фондов в стабилизации мировой финансовой архитектуры // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1. С. 76–84.

Поляков И. В. Посткризисные процессы в потреблении – окончание или затянувшееся восстановление? (Население и динамика потребительского сектора в 2014–2018 гг.) // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 40–53.

Почукаева О. В., Балагурова Е. А., Орлова Т. Г., Почукаев К. Г. Активное и развивающее импортозамещение на рынке инвестиционного оборудования // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 210–227.

Суворов А. В., Суворов Н. В., Гребенников В. Г., Иванов В. Н., Болдов О. Н. Оценка динамики и структуры человеческого капитала для российской экономики за 1991–2012 гг. // Проблемы прогнозирования. 2015. № 2. С. 3–15.

Трансформация структуры экономики: механизмы и управление: монография / Под науч. ред. *А. А. Широга*. М.: МАКС Пресс, 2018. 264 с.

Устинов В. С., Буданов И. А. Роль металлургии в ресурсном обеспечении экономического роста в России // Актуальные вопросы экономики и социологии / Под ред. О. В. Тарасовой, Н. О. Фурсенко. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2019. С. 308–312.

Хазин М. Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики. – М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Пальмира», 2020. 464 с.

Яременко Ю. В. Об экономике / Отв. ред. *В. В. Ивантер*. М.: МАКС Пресс, 2015. 272 с.

Indirect Trade in Steel, March 2015 [Эл. ресурс]. URL: <https://www.worldsteel.org/publications/steel-reports.html> (дата обращения: 15.02.2020).

Статья поступила 16.03.2020.

Статья принята к публикации 11.04.2020.

Для цитирования: Буданов И.А., Устинов В.С. Особенности исследования экономики с использованием показателей металлопотребления// ЭКО. 2020. № 8. С. 87-109. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-87-109.

Summary

Budanov, I.A., Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economic Forecasting RAS, Ustinov, V.S., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economic Forecasting RAS, Moscow International Higher Business School MIRBIS, Moscow

Some Aspects of Economic Research Using Indicators of Metal Consumption

Abstract. The paper considers approaches to assessing long-term results of economic development based on indicators of material capital accumulation. The authors analyze trends in the global metal market in their relationship with industrial development processes and consider various models of resource support for investment growth in new industrial countries (China, India, South Korea, Vietnam, etc.). Modern features of the relationship between the dynamics of metal consumption and gross fixed capital formation are shown. Imbalances in the Russian economy related to investment growth are identified, and possible ways to eliminate them are suggested. The paper presents quantitative forecast estimates describing the resource support of economic growth in the Russian Federation. The authors justify the necessity of forming and launching a mechanism for capital accumulation in the country.

Keywords: investments in fixed assets; metal consumption; industrialization; wealth accumulation; metal accumulation; metal investment; metal reserves

References

Borisov, V.N., Pochukaeva, O.V. (2019). Investment Activity and Investment Efficiency in the Mechanical Engineering Industry. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 30. No. 5. Pp. 547–556. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.1134/S1075700719050058>

Budanov, I.A. (2002). *Ferrous metallurgy in the Russian economy*. Moscow, MAKS Press. 428 p. (In Russ.). Available at: <https://ecfor.ru/publication/chernaya-metallurgiya-v-rossijskoj-ekonomike/> (accessed: 27.02.2020).

Budanov, I.A. (2020). Relationship of metal consumption and economic development of the country. *Stal'. Steel in Translation*. No. 1. Pp. 56–62. (In Russ.).

Comprehensive program of scientific and technical progress of the USSR for 1991–2010 (five-year plan). (1988). Moscow. Available at: <https://ecfor.ru/publication/kompleksnaya-programma-nauchno-tehnicheskogo-progressa-sssr/> (accessed: 02.03.2020). (In Russ.).

Indirect Trade in Steel. (2015). Available at: <https://www.worldsteel.org/publications/steel-reports.html> (accessed 15.02.2020)

Khazin M. (2020). *Memories of the future. Ideas of the modern economy*. Moscow, Group of companies "RIPOL classic". "Palmyra". 464 p. (In Russ.).

Lavrovskiy, B. L., Goryushkina, E. A., Shilycin, E. A. (2019). Investment Resource of Economic Growth: not only Quantity. *ECO*. No. 12. Pp. 124–140. (In Russ.). Available at: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-12-124-140>. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-124-140

Leonov, I.A., Moiseev, A.K. (2018). The Role of Sovereign Funds in Stabilizing the World's Financial Architecture. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 29. No. 1. Pp. 56–61. Available at: <https://doi.org/10.1134/S1075700718010082>

Pochukaeva, O.V., Balagurova, E.A., Orlova, T.G., Pochukaev, K.G. (2019). Active and developing import substitution in the investment equipment market. *Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting RAS*. Moscow, MAKS Press. Pp. 210–227. (In Russ.). Available at: https://doi.org/10.29003/m818.sp_ief_ras2019/210-227

Polyakov, I.V. (2019). Post-crisis consumption processes – the completion or protracted recovery? (Households and consumption sphere dynamics in 2014–2018). *Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting RAS*. Moscow, MAKS Press. Pp. 40–53. (In Russ.). Available at: https://doi.org/10.29003/m810.sp_ief_ras2019/40-53

Suvorov, A.V., Suvorov, N.V., Grebennikov, V.G., Ivanov, V.N., Boldov, O.N. (2015). Assessments of the dynamics and structure of human capital for the Russian economy for 1991–2012. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 26. No. 2. Pp. 101–109. Available at: <https://doi.org/10.1134/S1075700715020124>

Transformation of the economic structure: mechanisms and management: monograph. (2018). Ed. A.A. Shirov. Moscow, MAKS Press. 264 p. (In Russ.). DOI 10.29003/m221.978-5-317-05985-9

Ustinov, V.S., Budanov, I.A. (2019). The role of metallurgy in resource support of economic growth in Russia. *Current issues of economy and sociology* Ed. O.V. Tarasova, N.O. Fursenko. Novosibirsk, IEIE SB RAS. Pp. 308–312. (In Russ.).

Yaremenko, Yu.V. (2015). *About the economy*. Ed. V.V. Ivanter. Moscow, MAKS Press. 272 p. (In Russ.).

Zusman, L.L. (1982). *Metal consumption of public production*. Moscow, Metallurgiya. 214 p. (In Russ.).

For citation: Budanov, I.A., Ustinov, V.S. (2020). Some Aspects of Economic Research Using Indicators of Metal Consumption. *ECO*. No. 8. Pp. 87-109. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-87-109.

Российский экспорт энергоносителей – успеваем развернуть?¹

И.А. ДЕЦ, кандидат географических наук. E-mail: igordets@ya.ru
Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск
ORCID ID: 0000-0002-0230-3369

Аннотация. В ситуации резкого падения мировых цен на энергоносители особенно сильный удар по своей экономике испытывают страны – экспортёры нефти, газа и угля. При этом конкуренция между давними поставщиками «классического» энергетического сырья в последние годы обострилась из-за развития технологий по добыче сланцевых залежей нефти и газа и всё более успешного использования странами с развитой экономикой энергии ветра и солнца. Для России экспорт энергоресурсов уже много лет составляет основу экономики, что требует пристального внимания федерального правительства к развитию поддерживающей внешнюю торговлю транспортной инфраструктуры. Статья посвящена анализу факторов и тенденций развития сырьевых энергетических рынков, а также обзору действий российских властей по стимулированию развития экспортной инфраструктуры в последние годы.

Ключевые слова: экспорт; нефть; природный газ; уголь; СПГ; возобновляемые источники энергии; трубопроводы; морские порты; БАМ; Транссиб

Роль экспорта в российской экономике

Критическое положение на мировых рынках традиционного российского экспорта, обострившееся на фоне экстренных мер по противодействию распространению нового коронавируса, стало шоковым для экономики РФ. Резко сократившееся потребление энергоресурсов обрушило цены на нефть и продукты её переработки, что даже при наличии значительных накопленных финансовых резервов в Фонде национального благосостояния (ФНБ) – 123,3 млрд долл. США на 1 марта 2020 г.² – крайне негативно скажется на перспективах российской экономики.

¹ Исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы АААА-А19-119122490007-4) и при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00005.

² Объем Фонда национального благосостояния. Минфин России. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/nationalwealthfund/statistics/?id_65=27068-obem_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya (дата обращения: 23.04.2020).

Этот фактор, а также общее ограничение экономической активности в стране и в мире, необходимое для снижения темпов распространения COVID-19, приведут к сокращению ВВП страны, которое, по отдельным оценкам, может достичь 10–11% [Аналитики..., 2020].

Огромную важность в данной ситуации имеют принимаемые властями меры по поддержке граждан, малых и средних предприятий, различных отраслей и пр., однако не менее важно проанализировать и общую политику государства по развитию экспорта и обеспечивающей его инфраструктуры, как фундамента российской экономики.

Значение экспорта для национальной экономики традиционно остаётся очень высоким: ещё со времен советской индустриализации страна нуждалась в импортных технологиях и оборудовании, которое могло быть закуплено только за счёт активного экспорта ресурсов и продовольствия. Достигнутый уровень развития промышленности позднее позволил несколько ослабить зависимость от закупок иностранных технологий, однако доходы от экспорта в целом оставались крайне важной основой народного хозяйства СССР.

С ликвидацией планового управления целые отрасли российской экономики, включая машиностроение, фармакологию и многие другие испытали серьёзный шок от сокращения государственного заказа и конкуренции с иностранной продукцией. Только немногочисленные ресурсодобывающие отрасли стабильно продолжили свою работу в рыночных условиях и стали обеспечивать импорт большей части потребительских и промышленных товаров в страну.

На волне экономического роста в начале 2000-х годов правительство России стало проводить работу над многочисленными стратегиями социально-экономического развития страны и ее регионов, но заложенные в эти стратегии меры по поддержке развития несырьевых отраслей не были реализованы или оказались малоэффективны [Гулин и др., 2018; Шуплецов, Буньковский, 2016].

В последние годы власти уделяли особенно много внимания поддержке импортозамещения во всех возможных отраслях хозяйства, однако достичь заметных результатов удалось лишь в очень ограниченном ряде секторов экономики [Кузнецова, Цедилин, 2019; Содномова, Рубцова, 2020; Шманев и др., 2019].

Большая часть товаров народного потребления, высокотехнологичная продукция, включая станки и электроприборы, как и прежде, закупается за границей.

Уже в условиях разгорающегося кризиса в апреле 2020 г. глава Минэнерго РФ Александр Новак обратился к премьер-министру за одобрением разработанной энергетической стратегии страны до 2035 г. И снова одной из важнейших целей предполагается сделать развитие и диверсификацию экспорта. Однако реальные итоги планируемой диверсификации могут очень мало отличаться от тех, что достигнуты за последнее десятилетие.

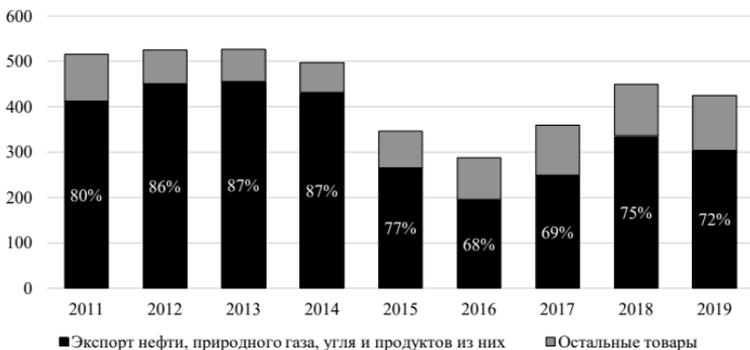
Анализ доступной статистики Федеральной таможенной службы с 2011 г. по «Экспорту Россией важнейших товаров»³ говорит сам за себя: за прошедшие годы список из 38 товаров был расширен лишь в 2018 г., за счет введения в него растительного масла и рыбы свежей и мороженой. Товары с высокой степенью переработки в этом списке практически отсутствуют. Доминируют в нем минеральное сырье, металлы, удобрения и лесоматериалы, которые дополняются небольшим числом позиций продукции сельского хозяйства. Из машиностроительной продукции, кроме вооружения, на экспорт отправляется только небольшое число легковых и грузовых автомобилей.

Доля энергоресурсов в российском экспорте (в стоимостном выражении) крайне велика и в последние годы колебалась от 68 до 87%, что прежде всего зависит от цены на эти ресурсы на мировых рынках (рисунок), так как в натуральных показателях экспорт нефти, газа и угля из года в год растет (на 22%, 36%, 86% соответственно за период 2011–2019 гг.).

Рост объемов экспорта отмечался и в других отраслях. Например, достаточно заметным он оказался для пшеницы и меслина (в 2,1 раза в тоннах и 174% в долларах, достигнув доли около 2% во всём экспорте), однако в целом усилия по наращиванию и диверсификации экспорта пока не смогли оказать существенного влияния на его структуру и снизить роль природных ресурсов для экономики России [Зоидов и др., 2019; Миронова, 2020]. При этом в последние годы экспорт энергоносителей оказался под негативным влиянием сразу нескольких факторов.

³ Экспорт России важнейших товаров. Данные статистики Федеральной таможенной службы России. URL: <http://customs.ru/folder/513> (дата обращения: 23.04.2020).

Млрд долл.

Экспорт России (млрд долл. США) и доля (%) в нём нефти, нефтепродуктов, жидкого топлива и дизельного топлива, газа природного (в том числе сжиженного), угля и кокса, в 2011–2019 гг. (по данным ФТС)

Усиление конкуренции и политический фактор

Резкое снижение потребления энергоресурсов, обусловленное карантинными мерами по всему миру, вместе с временной приостановкой действия соглашения основных экспортёров нефти ОПЕК+ обрушили цены на нефть, что стало серьёзнейшим испытанием для российского бюджета. Усугубил ситуацию ценовой демпинг Саудовской Аравии, которая стала предлагать дополнительные скидки для покупателей в Европе и других регионах мира к и без того уже низким ценам. Разорванное соглашение ОПЕК+ удалось восстановить буквально за месяц, однако одна из главных причин его неустойчивости – значительно выросшая добыча сланцевой нефти в США, превратившая эту страну из импортёра нефти в её экспортёра, все еще остается одним из ключевых негативных факторов для российского экспорта нефти.

Многолетнее отрицание проблемы сланцевой нефти, которое можно было услышать от российских чиновников и руководителей нефтяных компаний, никогда не было достаточно убедительным. Даже изменение уровня добычи на несколько сотен тысяч баррелей в день, связанное с действиями террористов в Ираке, ограничением экспорта из Ирана или проблемами в нефтяной отрасли Венесуэлы, ранее приводили к колебаниям цены на нефть на десятки долларов за баррель. Поэтому утверждения о чрезмерной дороговизне

сланцевой нефти или слабости добывающих ее компаний могли успокаивать разве что широкую аудиторию общественно-политических СМИ, однако никак не сглаживали нараставшие диспропорции в мировом нефтяном балансе, производство в котором выросло на 45% в 1990–2018 гг.⁴ за счёт взрывного роста добычи в США (на 16,5%)⁵.

Усилившаяся конкуренция станет серьезным препятствием для восстановления высоких цен на нефть на годы вперед: совершенствующиеся технологии добычи понизили стоимость разработки сланцевой нефти, а возможность временной консервации неприбыльных скважин позволит американским производителям иметь возможность гибко реагировать на меняющиеся цены изменением уровня добычи. В ситуации, когда многие российские скважины при остановке добычи технологически расконсервировать может быть уже невозможно или крайне дорого [Вавина, 2020], трудно говорить о сильной переговорной позиции нашей страны при заключении или пролонгации соглашений с другими странами-экспортёрами.

Фактор усиления конкуренции будет оказывать на российский экспорт негативное воздействие и по причине самой ограниченности наших нефтяных запасов. Рост добычи в новых районах Восточной Сибири и на других месторождениях уже в ближайшие годы не сможет замещать постепенно выбывающие ресурсы крупнейших месторождений Западной Сибири, тогда как лидирующие по доказанным запасам нефти страны смогут вести добычу ещё многие десятилетия. Возможность разработки российских шельфовых и сильнообводнённых месторождений при этом сдерживается высокой себестоимостью работ, а поддержка достигнутого уровня добычи на многих старых месторождениях ещё до резкого падения цен на нефть в 2020 г. требовала налоговых послаблений, без которых объёмы извлечения сырья к 2035 г. могут уменьшиться вдвое [Петлевой, 2019].

Ещё более остро проблемы с усилением конкуренции сказались на перспективах экспорта российского газа, который столкнулся с поступлением на рынки сжиженного природного газа (СПГ). Эта альтернатива трубопроводному газу также долгое время не воспринималась всерьёз, потому как считалось, что

⁴ Только за 2018 г. увеличение составило 2%.

⁵ Статистика по производству сырой нефти // EnerData [Эл. ресурс]. URL: <https://yearbook.enerdata.ru/crude-oil/world-production-statistics.html> (дата обращения: 08.05.2020).

низкая стоимость доставки позволит нам иметь конкурентное преимущество на рынке Европы. Однако возросшие объёмы добычи сланцевого газа и гибкие поставки СПГ постепенно стали сбивать цены на газовом рынке, так что продажи «Газпрома» через электронные аукционные площадки стали дешевле долгосрочных контрактов. Руководство компании предполагает сохранить достигнутый уровень поставок в Европу, однако для вытеснения с этого рынка СПГ из Катара, США и других стран экспортные цены придётся держать на низком уровне, что не сможет обеспечивать прежнюю доходность.

Примечательно, что одним из конкурентов продукции «Газпрома» на европейских рынках оказался российский же СПГ с Ямала. При строительстве завода на полуострове предполагалось, что поставки с него СПГ будут в большей степени направляться на восточные рынки, однако в 2019 г. более 85% продаж пришлось на западное направление, что обеспечило российскому газу (трубопроводному вместе с СПГ) суммарно почти половину газового рынка ЕС, однако обострение внутренней конкуренции не добавило прибыли компаниям [Барсуков, 2020].

Политические риски в последние годы также стали важным сдерживающим фактором для российского экспорта, однако они оказывают наибольшее воздействие в ситуациях, когда могут способствовать ограничению конкуренции для создания дополнительных преимуществ экспортёрам других стран. Один из ярких примеров – давление США на строительство российского газопровода «Северный поток-2». Санкции против европейских компаний-подрядчиков значительно сдвинули сроки окончания проекта, который в целом для ЕС не является жизненно важным – поставки российского газа могут прийти и по другим маршрутам, да и в целом газ может быть поставлен из разных стран без существенного повышения цен. Отметим, что в аналогичной ситуации с санкциями против алюминиевой компании «РУСАЛ» воздействие на рынок металла оказалось очень существенным, что привело к достаточно быстрой корректировке введённых мер и возвращению компании на мировые рынки (правда, при кардинальном изменении структуры управления компанией).

Безусловно, сдерживающее влияние политического фактора имеет важное значение, однако оно в гораздо большей степени сказывается на замедлении общего экономического взаимодействия

России с развитыми странами, а также на усложнении импорта высокотехнологичного оборудования для отдельных отраслей или территорий (как в ситуации с закупкой турбин на строительство электростанций в Крыму). Поставки необходимых для Европы российских энергетических ресурсов до настоящего времени не запрещались, что в первую очередь обусловлено сильным вероятным воздействием таких мер на соответствующие товарные рынки и связанными с этим негативными последствиями для всей мировой экономики.

В целом же наблюдаемая в последние годы практика широчайшего применения инструмента экономических санкций в международной торговле не добавляет уверенности в устойчивости российского экспорта (в особенности трубопроводного) при имеющейся чрезвычайно высокой зависимости от небольшого числа товаров.

Борьба с потеплением климата

Глобальное потепление климата и направленные на его замедление меры государств ЕС также оказывают всё возрастающее влияние на сокращение российского энергетического экспорта. Строго говоря, и само введение мер, включающее субсидирование использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ), можно было бы объяснить усилением конкуренции нашим ископаемым ресурсам со стороны других видов источников энергии. Однако такое усиление сектора ВИЭ, позволившего значительно сократить выработку угольных ТЭС за последние годы (например, в Великобритании с 23% в 2014 г. до 9% в 2016 г.) [Оверченко, 2017], не могло бы случиться без сознательной политики противодействия ускоряющемуся глобальному потеплению.

Россия многие годы была известна скептическим отношением как к самому наличию глобального потепления (лишь в последние годы из-за постоянно обновляющихся рекордов самых тёплых сезонов и лет его практически перестали отрицать), так и к причинам, его порождающим. Соответственно, в целом негативно у нас воспринимались и попытки развитых стран субсидировать ВИЭ. Особенно рельефно это выразил В.В. Путин на Глобальном саммите по производству и индустриализации (GMIS) в Екатеринбурге в 2019 г., назвав отказ от ядерной энергетики в пользу альтернативных источников попыткой «облачиться в шкуры и переселиться в пещеры». При

этом вибрация ветряков объявлена крайне вредной для птиц и червяков [Путин ..., 2019].

Тем не менее и в нашей стране Правительство в 2013 г. провозгласило цель по развитию рынка ВИЭ и доведению его доли до 4,5% общей выработки электроэнергии (за исключением крупных ГЭС). Принятые меры не позволили достигнуть указанных параметров в 2020 г., что, в общем, никого не удивило и обусловило продление сроков до 2024 г. Возможно, с точки зрения развития технологий данная ситуация действительно не является критической, а такое отношение к ней российского правительства оправдывается тем, что оно возлагает значительно большие надежды на развитие технологии термоядерного синтеза, что в перспективе может сделать невостребованными любые другие способы выработки энергии. Однако следует помнить, что это тоже затронет сферу традиционной энергетики, а значит, и российского энергетического экспорта.

Действительно, можно относиться с некоторой долей недоверия к отчётам Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA), которое утверждает, что в 2018 г. в большинстве регионов мира ВИЭ стали самым доступным новым источником энергии [IRENA, 2019], а за счет снижения себестоимости в 2020 г. 80% солнечных и 75% наземных ветровых установок будут обеспечивать более дешевую энергию, чем любые станции традиционной энергетики. И всё же доля ВИЭ стремительно растёт во многих странах – в США в 2019 г. мощности ВИЭ впервые превысили установленные мощности угольной генерации, несмотря на попытки администрации президента Трампа способствовать восстановлению угольной промышленности. В странах ЕС в 2018 г. только ветровая генерация обеспечила выработку 14% всей электроэнергии⁶ [Wind ..., 2019], а целевой показатель для ВИЭ составляет 32% к 2030 г.

Одним из главных недостатков ВИЭ чаще всего называется зависимость от погодных условий, однако, даже минимальная за 2019 г. доля ВИЭ в выработке электроэнергии Германии в конце января составила 29% (при максимуме в 65% в начале марта) [Третьяков, 2019]. В Европейском союзе доля ВИЭ по итогам этого же года, практически догнала угольную генерацию

⁶ Wind now provides 14% of Europe's electricity // WindEurope [Эл. ресурс]. URL: <https://windEurope.org/newsroom/press-releases/wind-now-provides-14-percent-of-europes-electricity/> (дата обращения: 10.05.2020).

[Defying..., 2020], а в ФРГ это произошло уже по итогам 2018 г., что безусловно способствовало закрытию последней каменноугольной шахты Германии [Третьяков, 2019]. И хотя на угольную генерацию страны в октябре 2019 г. всё ещё приходилось 27% выработки электроэнергии, очевидно, что эта доля будет только сокращаться, ведь даже без учёта перехода на более экологические виды генерации немецкая концепция «энергетического поворота» (Energiewende) ставит цель по сокращению потребления электроэнергии, которое к 2050 г. должно будет составить 75% от уровня 2008 г.

Тенденция к отказу от угольной генерации в развитых экономиках мира пока выгодна для российского экспорта только с точки зрения возможного увеличения (или, по крайней мере, сохранения) потребления природного газа. При этом экспорт угля, важный для России в целом, и для некоторых регионов в частности, уже испытывает на себе сильное давление – в 2019 г. снизившиеся цены на уголь на мировых рынках привели к тому, что добыча угля в Кузбассе упала по итогам года впервые за 20 лет.

Пока объёмы экспорта российского угля в страны ЕС довольно значительны, а, например, для Германии поставки из нашей страны составляют около 45% и превышают доли США, Австралии и Колумбии вместе взятых [Гурков, 2019]. Однако тенденцию сокращения потребления угля, начавшуюся в ЕС ещё в 2013 г., сегодня не поддерживают только в некоторых странах Азии, что идёт полностью вразрез с Энергетической стратегией России, предполагающей наращивание экспорта в перспективе до 2035 г.

Ответ вызовам и перспективы

Основное внимание российского правительства в отношении экспорта долгие годы было сосредоточено на разрешении периодически возникающих конфликтов со странами-транзитёрами. Поставки нефти и газа через Украину и Белоруссию в течение продолжительного времени повторяли сложившиеся в советское время маршруты и оставались основными для продажи энергоносителей в страны Европы. Вопрос о строительстве инфраструктуры в обход этих стран возникал из-за постоянных сложностей в обсуждении транзитных контрактов, которые могли сопровождаться в том числе остановкой транзита и межгосударственными консультациями.

В ходе строительства Балтийской трубопроводной системы (трубопроводы и нефтяные терминалы в Ленинградской области) и «Северного потока» (газопровод по дну Балтийского моря напрямую в Германию) высказывались разные мнения по поводу его целесообразности. Тем не менее обе системы были введены в строй, что в некоторой степени повысило возможность России добиваться более выгодных условий по прокачке нефти и газа через территории соседних государств, однако не позволило полностью избавиться от необходимости транзита.

Сегодня, несмотря на то, что актуальность строительства и содержания дополнительных систем становится менее очевидной при условии стабилизации отношений с пограничными государствами, российское правительство на такой исход не полагается и продолжает прикладывать все усилия к сооружению новых обходных газовых маршрутов: трубопровод в Турцию удалось запустить в начале 2020 г. (поставки по нему пошли также в Болгарию), а «Северный поток-2» приходится достраивать в режиме жёсткого противостояния проекту со стороны США, что значительно усложняет и затягивает его реализацию.

Поддержать необходимость всех этих трат (полный размер которых не разглашается, но может суммарно превышать сотни миллиардов долларов США) можно только в парадигме постоянного противостояния с соседними странами по поводу цен и условий транзита, однако уже упомянутое успешное развитие поставок СПГ с полуострова Ямал ставит под сомнение этот довод. Нужна ли была такая принципиальная приверженность к строительству новых труб и было ли оправданным отрицание перспективности технологии транспортировки сжиженного природного газа? Ответ на этот вопрос сам «Газпром» дал в 2019 г., когда было объявлено о строительстве крупного комплекса по производству СПГ в Усть-Луге, что потребует новых инвестиций примерно в 10 млрд долл. США, но при этом позволит получить действительную независимость и гибкость поставок для компании.

Оказалась под сомнением и эффективность средств, вложенных в развитие морских портов российской Балтики. Увеличение транспортного плеча при поставках в порты Ленинградской области считалось приемлемой платой за отказ от использования портовых услуг прибалтийских государств. Безусловный позитивный экономический эффект для российского побережья

теперь, к сожалению, не очевиден: многие из новых терминалов ориентировались на перевалку угля, отгрузка которого показала падение уже по итогам 2019 г. из-за сокращения потребления в Европе (при этом отправка в Азиатско-Тихоокеанский регион при низких ценах на уголь также оказалась неприбыльной) [Фомичева, 2020]. В итоге инвесторы пересматривают прежние чересчур оптимистичные параметры проектов перевалочных комплексов в Приморске, Высоцке и Усть-Луге на общую сумму около 2,5 млрд долл. США, а уже построенные новые терминалы в перспективе смогут продолжить работу только за счёт вытеснения с рынка устаревших мощностей по перевалке.

В ситуации постепенного сжатия европейского экспортного рынка более оправданными выглядят гигантские инвестиции в развитие экспортных мощностей в восточном направлении. Сооруженная в последние годы трубопроводная система «Восточная Сибирь – Тихий океан» позволила вывести на мировой рынок новый сорт нефти ESPO, которая из-за более высоких качественных характеристик обычно продаётся дороже сорта Urals. Новым приоритетом экспорта на растущие рынки Азии обосновывается и строительство газопровода «Сила Сибири», однако стоимость строительства обоих трубопроводов до конца не известна (также остаётся скрытой и законтрактованная цена поставок газа и нефти в КНР), что не позволяет оценить окупаемость затрат.

Вопросы к адекватности и своевременности принимаемых решений при стратегическом планировании инфраструктурной поддержки российского экспорта возникают и при анализе развития железнодорожной инфраструктуры. Первый этап модернизации Транссиба и БАМа, запланированный в 2013 г., должен был завершиться в 2017-м, но работы по нему все еще продолжаются. Компании-экспортёры жалуются на нехватку перевозных мощностей в восточном направлении уже сейчас, однако ощутимое увеличение провозной способности магистралей (со 124,9 млн до 180 млн т) запланировано только на 2023 г.

Сегодня трудно спрогнозировать изменения в структуре энергогенерации в Азии к окончанию модернизации Восточного полигона железных дорог, однако недополученная прибыль экспортёров ресурсов может привести к банкротству добывающих компаний, особенно в угольной отрасли. Поможет ли субсидирование железнодорожных перевозок угольному экспорту в случае

длительного снижения цен на ресурс? И понадобятся ли поздно введённые провозные мощности, если добывающие предприятия не дотянут до расшивки узких мест в восточном направлении, ведь транспортировка угля, по итогам 2019 г., имела долю в 54,8% в грузообороте Восточного полигона РЖД [Скорлыгина, 2020]?

В этом контексте свою важную роль может сыграть и глобальное потепление. Оставляя в стороне возможные последствия для различных отраслей энергетики, инфраструктуры северных городов и другие будущие вызовы, с точки зрения тематики данной статьи стоит более пристально оценить планируемые затраты на развитие инфраструктуры Северного морского пути (СМП), освобождение которого от льдов пока видится российскому правительству сплошным благом [Дец, 2019]. Не окажутся ли дублирующими провозные мощности реконструируемых железных дорог? Удастся ли извлечь ощутимую выгоду от прохода иностранных судов по СМП, которые без использования услуг российских портов вряд ли как-то изменят экономику наших арктических территорий?

Стоит также помнить, что у России нет гарантий наращивания поставок энергоресурсов в Китай и другие страны Азии – конкуренция на рынке энергоресурсов становится всё более ожесточённой и перенаправить свои товары на более перспективные рынки сбыта пытаются многие игроки. К тому же население азиатского региона не растёт прежними темпами (так же, как и экономика), а при переходе региона на технологии «зелёной» генерации российский экспорт будет стагнировать и в этом направлении.

Остаётся надеяться, что экономический шок 2020 г. поможет правительству провести ревизию принятых ранее решений и добиться не только ускоренной переброски экспорта в восточном направлении, но и его настоящей диверсификации, без которой Россия уже в перспективе ближайших десятилетий может оказаться бывшей энергетической сверхдержавой.

Литература

Аналитики спрогнозировали сокращение ВВП России на 10–11% // Коммерсантъ [Эл. ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4318272> (дата обращения: 14.04.2020).

Барсуков Ю. Не смыкая газ // Коммерсантъ. 2020. № 8/П. С. 1.

Вавина Е. Российские нефтяники не могут договориться, как им снижать добычу // Ведомости [Эл. ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/04/17/828341-neftyaniki> (дата обращения: 08.05.2020).

Гулин К., Якушев Н., Мазилев Е. Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта // Экономические и социальные перемены факты тенденции прогноз. 2018. № 3 (57). С. 57–69. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.4

Гурков А. Европа отказывается от угля, но Россия не верит в потерю рынка // Deutsche Welle [Эл. ресурс]. URL: <https://clck.ru/JBHtr> (дата обращения: 11.05.2020).

Дец И.А. Ориентация экспортного вектора сибирских регионов: морехозяйственный фактор // Московский экономический журнал. 2019. № 10. С. 45–54. DOI: 10.24411/2413–046X-2019–10046

Зойдов К.Х., Пономарёва С.В., Удалова А.П. Проблемы влияния на экономику России экспортно-ориентированных отраслей // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2019. № 5. С. 124–131. DOI: 10.26653/2076–4650–2019–5–11

Кузнецова Г.В., Цедилин Л.И. Импортзамещение: предварительные результаты политики за пять лет // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 10. С. 7–25.

Миронова О.А. Необходимость оптимизации товарной структуры экспорта России на макро- и мезоуровне // Economics. Law. State. 2020. № 1(9). С. 19–28.

Оверченко М. Великобритания перестает применять ископаемое топливо для электрогенерации // Ведомости [Эл. ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/04/24/687112-velikobritaniya-perestael-iskopaemoe-elektrogeneratsii> (дата обращения: 10.05.2020).

Петлевой В. После 2022 года добыча нефти в России начнет падать // Ведомости [Эл. ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/01/15/791387-posle-2022-dobicha-nefti> (дата обращения: 08.05.2020).

Путин сравнил отказ от ядерной энергетики с возвращением к шкурам и пещерам // Ведомости [Эл. ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2019/07/09/806189-pescheram> (дата обращения: 10.05.2020).

Скорлыгина Н. Восточный полигон разбирают на квоты // Коммерсантъ. 2020. № 50. С. 7.

Содомова С.К., Рубцова Н.В. Анализ реализации программы импортзамещения в Российской Федерации // Экономические отношения. 2020. Т. 10. № 1. С. 187–200. DOI: 10.18334/eo.10.1.100700

Третьяков Е. Генерация будущего // РБК [Эл. ресурс]. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5df0a1a67a8aa9741a642992> (дата обращения: 10.05.2020).

Фомичева Е. В портах российской Балтики отмечен опасный тренд // РБК [Эл. ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/17/01/2020/5e215adf9a7947285e65d04f (дата обращения: 12.05.2020).

Шманев С.В., Морковкин Д.Е., Чернова Е.В. Современные тренды развития химической промышленности в Российской Федерации в условиях импортзамещения // Вестник ОПЕЛГИЭТ. 2019. № 3 (49). С. 107–115. DOI: 10.36683/2076–5347–2019–3–49–107–115

Шуплецов А., Буньковский Д. Диверсификация российского экспорта нефти и нефтепродуктов // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26. № 6. С. 889–895. DOI: 10.17150/2500–2759.2016.26(6).889–895

Defying expectations of a rise, global carbon dioxide emissions flatlined in 2019 // International Energy Agency [Эл. ресурс]. URL: <https://www.iea.org/news/defying-expectations-of-a-rise-global-carbon-dioxide-emissions-flatlined-in-2019> (дата обращения: 10.05.2020).

IRENA. Renewable Power Generation Costs in 2018. Abu Dhabi, Issue of International Renewable Energy Agency. 2019. 88 p.

Статья поступила 22.05.2020.

Статья принята к публикации

Для цитирования: Дец И.А. Российский экспорт энергоносителей – успеваем развернуть? // ЭКО. 2020. № 8. С. 110-124. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-8-110-124.

Summary

Dets, I.A., Cand. Sci.(Geography), Institute of Geography, SB RAS, Irkutsk, Russian Exports – do we have Time to Turn it Around?

Abstract. Oil, gas and coal-exporting countries are suffering a particularly severe blow to their economies in the face of a sharp drop in energy prices around the world. The situation has become even more challenging because the competition between long-standing suppliers of “classic” energy raw materials has intensified due to development of technologies for extracting light tight oil and shale gas deposits and the increasingly successful use of wind and solar energy by countries with developed economies. The export of energy resources has been the mainstay of the Russian economy for many years, which requires the Federal government to pay close attention to development of transport infrastructure that supports foreign trade. The paper analyzes factors and trends in development of raw energy markets, as well as reviews actions of the Russian authorities to stimulate the development of export infrastructure in recent years.

Keywords: *export; oil; natural gas; coal; LNG; renewable energy sources; pipelines; seaports; Baikal-Amur Mainline; Trans-Siberian railway*

References

Analysts have predicted a 10–11% reduction in Russia’s GDP. (2020). *Kommersant*. (In Russ.). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4318272> (accessed 14.04.2020).

Barsukov, Yu. (2020). Not closing gas. *Kommersant*. No. 8/II. P. 1. (In Russ.).

Defying expectations of a rise, global carbon dioxide emissions flatlined in 2019. (2020). *International Energy Agency*. Available at: <https://www.iea.org/news/defying-expectations-of-a-rise-global-carbon-dioxide-emissions-flatlined-in-2019> (accessed 10.05.2020).

Dets, I.A. (2019). Dependence of Siberian regions’ exports on the marine complex. *Moscow Economic Journal*. No. 10. Pp. 45–54. (In Russ.). DOI: 10.24411/2413–046X-2019–10046

Fomicheva, E. (2020). Dangerous trend noted in Russian Baltic ports. *RBK*. (In Russ.). Available at: https://www.rbc.ru/spb_sz/17/01/2020/5e215adf9a7947285e65d04f (accessed 12.05.2020).

Gulin, K., Yakushev, N., Mazilov, E. (2018). Promoting Economic Growth in Regions of the Russian Federation by Boosting the Development of Non-Resource-Based Exports. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. Vol. 57. No. 3. Pp. 57–69. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.4

Gurkov, A. (2019). Europe refuses coal, but Russia does not believe in market loss. *Deutsche Welle*. (In Russ.). Available at: <https://clck.ru/JBHtr> (accessed 11.05.2020).

IRENA. (2019). *Renewable Power Generation Costs in 2018*. Abu Dhabi, International Renewable Energy Agency Publ. 88 p.

Kuznetsova, G.V., Tsedilin, L.I. (2019). Import substitution: preliminary policy results for five years. *Russian foreign economic bulletin*. No. 10. Pp. 7–25. (In Russ.).

Mironova, O.A. (2020). The need to optimize the commodity structure of Russian exports at the macro and meso levels. *Economics. Law. State*. Vol. 9. No. 1. Pp. 19–28. (In Russ.).

Overchenko, M. (2017). UK stops using fossil fuels for power generation. *Vedomosti*. (In Russ.). Available at: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/04/24/687112-velikobritaniya-perestact-iskopaemoe-elektrogeneratsii> (accessed 10.05.2020).

Petlevoi, V. (2019). After 2022, oil production in Russia will begin to fall. *Vedomosti*. (In Russ.). Available at: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/01/15/791387-posle-2022-dobicha-nefti> (accessed 08.05.2020).

Putin compared nuclear abandonment to skins and caves. (2019). *Vedomosti*. (In Russ.). Available at: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2019/07/09/806189-pescheram> (accessed 10.05.2020).

Shmanev, S.V., Morkovkin, D.E., Chernova E.V. (2019). Modern development trends of chemical industry in the Russian Federation under conditions of import substitution. *OrelSJET Bulletin*. Vol. 49. No. 3. Pp. 107–115. (In Russ.). DOI: 10.36683/2076–5347–2019–3–49–107–115

Shupletsov, A., Bunkovsky, D. (2016). Diversification of Russian oil export and oil products. *Bulletin of Baikal State University*. Vol. 26. No. 6. Pp. 889–895. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500–2759.2016.26(6).889–895

Skorlygina, N. (2020). The eastern landfill is disassembled into quotas. *Kommersant*. No. 50. P. 7. (In Russ.).

Sodnomova, S.K., Rubtsova, N.V. (2020). Analysis of the implementation of the import substitution program in the Russian Federation. *Journal of international economic affairs*. Vol. 10. No. 1. Pp. 187–200. (In Russ.). DOI: 10.18334/eo.10.1.100700

Tretyakov, E. (2019). Future generation. *RBK*. (In Russ.). Available at: <https://plus.rbc.ru/news/5df0a1a67a8aa9741a642992> (accessed 10.05.2020).

Vavina, E. (2020). Russian oil companies cannot agree on how to reduce production. *Vedomosti*. (In Russ.). Available at: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/04/17/828341-neftyani> (accessed 08.05.2020).

Zoidov, K. Kh., Ponomareva, S.V., Udalova, A.P. (2019). Problems of influence on the Russian economy of export-oriented industries. *Scientific review. Series 1. Economics and law*. No. 5. Pp. 124–131. (In Russ.). DOI: 10.26653/2076–4650–2019–5–11

For citation: Dets, I.A. (2020). Russian Exports – do we have Time to Turn it Around? *ECO*. No. 8. Pp. 110–124 (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-110-124.

«Жилищный вопрос» для геостратегических территорий на востоке России¹

И.П. ГЛАЗЫРИНА, доктор экономических наук. E-mail: iglazyrina@bk.ru
Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН,
Забайкальский государственный университет
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6774-9284>
О.Н. ГУРОВА, кандидат географических наук. E-mail: lesg@bk.ru
Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, Чита
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-4550>

Аннотация. Цель данной работы – эмпирический анализ состояния и динамики одного из важнейших компонентов качества жизни – жилищных условий – в дальневосточных регионах России. Показано, что в восточной части страны доля благоустроенного жилищного фонда очень низкая. У большинства регионов в 2018 г. она составляла менее половины всего жилищного фонда. Свыше 84% населения рассматриваемой территории живут в регионах, где доля благоустроенного жилья ниже среднероссийской. С 2013 г. были предприняты масштабные институциональные новации, направленные на привлечение инвестиций для ускоренного развития этих геостратегических регионов. Показатели поступления в регионы инвестиций выросли, однако это не оказало заметного влияния на улучшение условий проживания в отношении благоустройства жилья. Авторы полагают, что одной из причин такого положения стало то, что институты развития функционируют преимущественно в интересах крупных сырьевых компаний, которые в конечном итоге и являются главными бенефициарами институциональных новаций. Приемлемое в долгосрочном плане решение задачи обеспечения комфортного и экономически доступного жилья на Дальнем Востоке вряд ли возможно без трансформации «экстрактивных» институтов в «инклюзивные». Но обе задачи – и оказание непосредственной и срочной государственной поддержки жилищного благоустройства, и постепенную трансформацию «экстрактивных» институтов в «инклюзивные» целесообразно решать одновременно.

Ключевые слова: Дальний Восток; благоустроенное жилье; неблагоустроенное жилье; жилищный фонд; институциональные новации; инвестиции; качество институтов

Согласно «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г., все дальневосточные регионы относятся к «приоритетным геостратегическим территориям» страны. Помимо констатации хронического отставания этих территорий в социально-экономическом развитии, Стратегия

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ИПРЭК СО РАН. В третьем разделе представлены результаты исследований, выполненных при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-010-00485).

предлагает, в частности, «содействие повышению конкурентоспособности региональных экономик с учетом перспективных экономических специализаций» и «создание условий и стимулов для сокращения миграционного оттока постоянного населения и привлечения специалистов из других субъектов РФ».

В то же время в целевых показателях Стратегии предусмотрено лишь повышение темпов экономического роста, снижение межрегиональной дифференциации человеческого развития, рост транспортной подвижности населения, а также экспорта услуг от транзитных перевозок. Не очевидно, что их достижение станет существенной помощью в решении поставленных проблем.

Ключевым условием являются сохранение человеческого капитала восточных территорий и повышение его качества, что невозможно обеспечить, не имея устойчивой мотивации для проживания граждан на востоке страны. Непрерывающийся отток населения говорит о том, что с этим существуют большие проблемы [Шворина, Фалейчик, 2018; Глазырина, Фалейчик, 2019].

Только экономический рост – это явно недостаточное условие, ведь в большинстве восточных регионов подушевой ВРП выше, чем в центральных областях и на юге страны (за исключением Москвы и Московской области).

Величина уплаченного НДФЛ в среднем на одного занятого в экономике регионов в 2016 г. и, следовательно, легальная заработная плата, на Дальнем Востоке тоже почти везде была выше среднероссийской [Глазырина и др., 2020]. Но высокая заработная плата является определяющим фактором только тогда, когда речь идет о временных планах, например, о работе вахтовым методом.

Мотивацию для постоянного проживания, для того чтобы не покидать регион после получения образования и т.п., определяет качество жизни. Это непростое понятие, и проблемы его измерения до сих пор предмет научных дискуссий [Рюмина, 2016]. Стоит отметить исследования, основанные на количественных измерениях социального благополучия [Sen, 1976; Малкина, 2016, 2017; Найден, Белоусова, 2018]. Однако мы не ставим столь комплексную задачу в данной работе.

Наша цель – эмпирический анализ состояния и динамики только одного компонента, от которого, несомненно, зависит качество жизни – жилищных условий в дальневосточных регионах.

В определенной степени это позволит выявить первые результаты масштабных институциональных новаций, которые осуществлялись в последние несколько лет [Изотов, 2017; Минакир, 2019].

Жилищный фонд: количество и качество

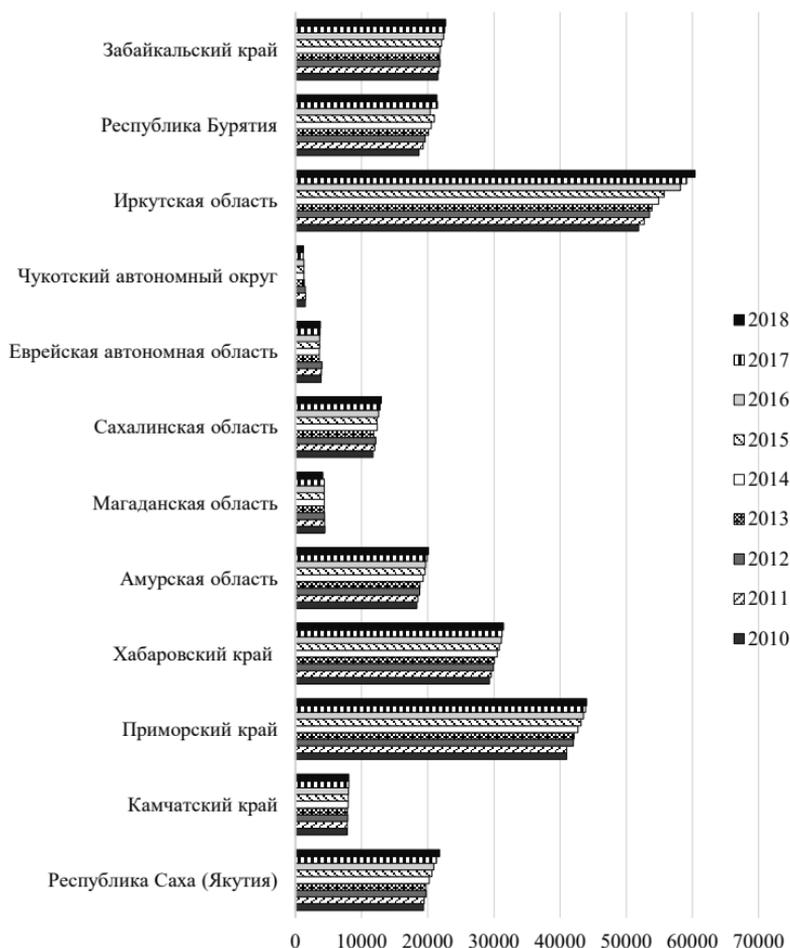
Динамика роста жилищного фонда может служить одной из количественных характеристик не только уровня доходов, но и удовлетворенности граждан условиями проживания. Вложения в жилую недвижимость говорят о намерениях семей в контексте «укоренения» на данной территории. Покупка квартир для следующего поколения показывает желание этого поколения остаться в регионе после получения образования и создавать здесь семьи. Это очень важное обстоятельство с учетом того, что отток граждан с востока страны в последние годы хотя и снизился в количественном отношении, но все больше приобретает «качественный» характер: уезжают преимущественно молодые образованные люди.

В любом случае рост жилищного фонда – это показатель повышения благосостояния населения региона. Данные рисунка 1 свидетельствуют о том, что этот рост имел место в большинстве субъектов РФ на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе, однако с разной скоростью. Наиболее динамично жилищное строительство за период 2010–2018 гг. развивалось в Иркутской области. Гораздо медленнее процесс шел на Сахалине, несмотря на то, что по душевому ВРП этот регион уже более 10 лет лидирует на Дальнем Востоке и является одним из лидеров России.

Еще более противоречивую картину мы видим, рассматривая вопрос о качестве жилья. Одной из наиболее серьезных проблем для восточной части страны можно считать низкую долю благоустроенного жилищного фонда² (рис. 2). У пяти регионов из 12 эта доля в 2018 г. составляла менее половины всего жилищного фонда. Если не считать Чукотку, население которой чуть превышает 50 тыс. человек, то самая высокая доля благоустроенного

² Понятие благоустроенного жилищного фонда определяется законодательством РФ. URL: <http://jkodeksrf.ru/rzd-3/gl-8/st-89-jk-rf> Жилищный кодекс РФ 2020. Актуальная редакция с комментариями по состоянию на 18.05.2020 (дата обращения: 16.06.2020). Жилищное законодательство исходит из того, что жилое помещение должно быть благоустроенным применительно к условиям конкретного населенного пункта. К элементам благоустройства относятся, в частности, водопровод, канализация и горячее водоснабжение (автономные или централизованные), электрическое освещение и другие виды коммунальных удобств.

жилья – в Хабаровском крае (72%). Таким образом, более 84% населения рассматриваемой территории живут в регионах, где доля благоустроенного жилья ниже среднероссийской (64,98%). Учитывая суровые климатические условия, почти во всех регионах востока России можно говорить о высокой степени жилищного дискомфорта.

Источник: Росстат (по данным статистических сборников регионов).

Рис. 1. Динамика жилищного фонда регионов ДФО и Байкальского региона на конец года, общая площадь жилых помещений, тыс. м²

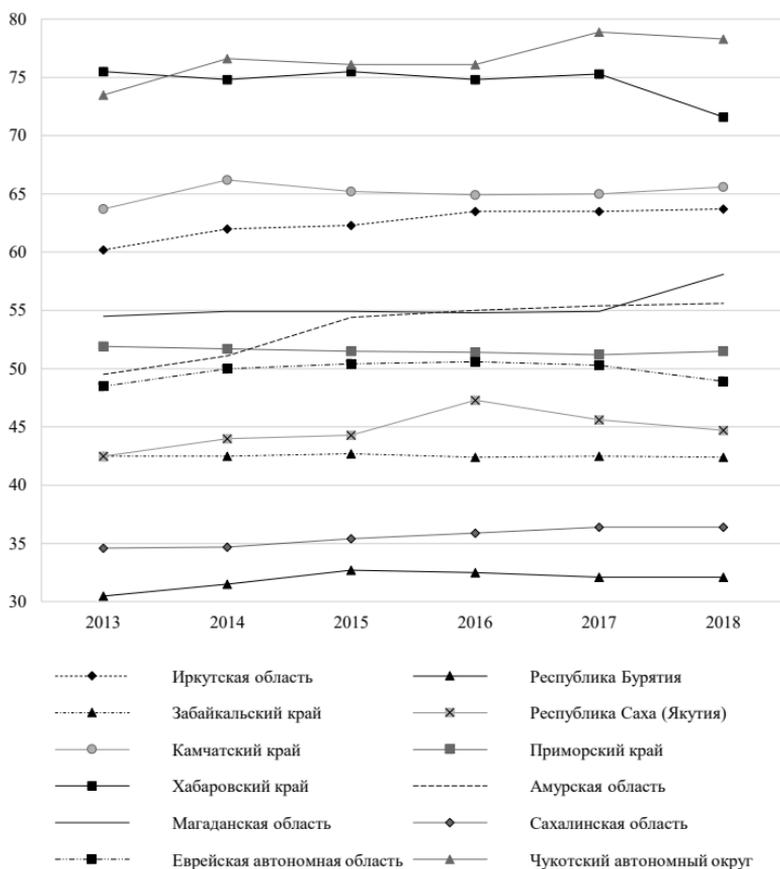

Рис. 2. Доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, в общей площади жилищного фонда субъекта Российской Федерации в 2013–2018 гг.,% (значение показателя за год)

Обращает на себя внимание снижение доли благоустроенного жилого фонда в некоторых регионах в 2017–2018 гг. Помимо вывода из эксплуатации ветхого жилья, которое может быть формально благоустроенным, в этом процессе, по-видимому, заметную роль сыграло переселение из сел в пригороды городов в поисках работы. Оно сопровождается активной покупкой неблагоустроенных дачных домов и оформлением их регистрации в качестве места проживания. Так, по данным Росстата, численность населения Читы с 2015 по 2018 гг. выросла на 9076 чел.,

г. Иркутска за этот же период – на 3770 чел., г. Улан-Удэ – на 8219 чел., Благовещенска – на 899 чел. Большинство таких переселенцев не имеют средств для покупки благоустроенных квартир на первичном или вторичном рынках. При этом прежние дома формально остаются в жилом фонде и, таким образом, доля неблагоустроенного жилья растет.

Размеры жилой площади, приходящейся на душу населения, в регионах варьируют от 21,3 м² до 29,5 м² (2018 г.). Самые низкие показатели – в Забайкальском крае, Бурятии и Республике Саха, самые высокие – в Магаданской области. Средний размер жилой площади на душу населения в ДФО – 23,4 м², в СФО – 24,6 м². С 2013 г. по 2018 г. этот показатель вырос во всех без исключения регионах (рис. 3 и 4.), однако в 10 из 12 регионов в 2018 г. он был ниже среднероссийского уровня, который составлял 25,8 м².

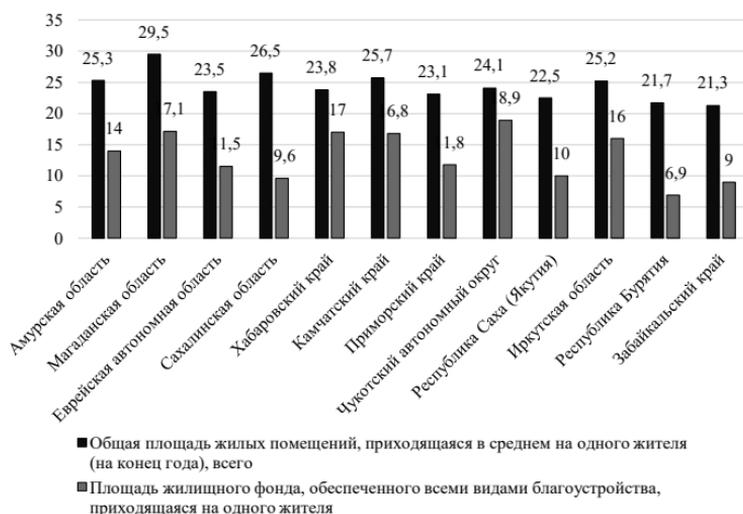

Рис. 3. Показатели обеспеченности жильем и благоустройством в регионах ДФО и Байкальском регионе в 2018 г., м²

Низкие темпы благоустройства в определенной степени объясняются низкими доходами. В половине рассматриваемых регионов произошло снижение доходов граждан [Глазырина и др., 2020]. Но это не единственная причина. Даже в Сахалинской области, где подушевой ВРП в несколько раз выше, чем в остальных регионах, показатель доли благоустроенного

жилья – один из самых низких и вырос за шесть лет менее чем на 2 п.п. (рис. 3 и 4.). Климатические условия жизни здесь сопоставимы с «материковыми», а доходы граждан в легальном секторе существенно выше, чем в других южных регионах востока страны, что, казалось бы, позволяет местным жителям активнее участвовать в ипотечных программах строительства жилья. По-видимому, небольшие темпы жилого строительства объясняются невысоким спросом на новое жилье, при котором трудно надеяться на «укоренение» населения.

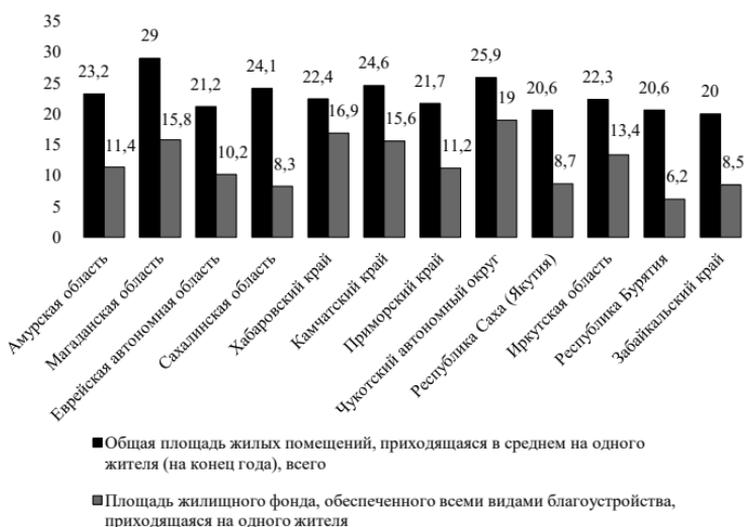

Рис. 4. Показатели обеспеченности жильем и благоустройством в Байкальском и регионах ДФО в 2013 г., м²

В целом необходимо отметить, что аналогичная ситуация – практически во всех регионах востока России. Особенно низкая доля благоустроенного жилья – в Забайкальском крае и Бурятии. Там почти полностью отсутствует газификация, и это является основной причиной, тормозящей развитие благоустроенного сельского жилья. Судя по данным социальных сетей, продолжается активная миграция населения в южные и некоторые центральные районы европейской части России, где есть возможность занятий сельским хозяйством с гораздо более благоприятными условиями проживания – и климатическими, и бытовыми.

Среди южных регионов востока наибольшая доля благоустроенного жилья – в Хабаровском крае. Такая ситуация сложилась еще до 2013 г. и свидетельствует об относительно высоком спросе на комфортабельное жилье, это соответствует выводам из работы [Найден, Белоусова, 2018], где показано, что наиболее выгодное положение по разработанному авторами интегральному индексу благосостояния среди регионов ДФО занимает Хабаровский край.

О роли инвестиций

Масштабные государственные инициативы на востоке России в последние годы, включая создание Минвостокразвития РФ в 2012 г., были преимущественно ориентированы на формирование специальных управляющих и инвестиционных институтов для этого макрорегиона, а также системных стимулов для его развития [Antonova, Lomakina, 2020; Минакир, 2019]. Действительно, был разработан целый ряд мер, предусматривающих льготные налоговые режимы, приоритетный доступ к ресурсам и др. Теоретически они должны были дать мультипликативный эффект для диверсификации экономики, роста благосостояния и качества жизни, формирования эндогенных источников экономического роста. Предполагалось также, что эти новые институциональные решения будут способствовать привлечению иностранных инвестиций и активизации трансграничных взаимодействий [Antonova, Lomakina, 2018].

Мы попытались понять, связаны ли эти процессы с изменениями в количественных и качественных характеристиках жилищного фонда. В таблице 1 представлены данные о суммарных подушевых инвестициях с 2011 г. по 2018 г., в том числе иностранных. Мы видим, что в большинстве дальневосточных регионов подушевые инвестиции были выше среднероссийских. Наименьшие показатели – в субъектах РФ Байкальского региона, которые не были «охвачены» дальневосточными преференциями и льготами. Это дает основания предполагать некоторую степень позитивного воздействия новых институтов. Еще большие различия – в подушевых показателях иностранных инвестиций.

По данным таблицы трудно оценить возможное влияние инвестиционной активности на качественные и количественные

характеристики регионального жилищного фонда. Более наглядное представление дают рисунки 5 и 6.

Таблица 1. Показатели обеспеченности инвестициями, жильем и благоустройством в Байкальском и регионах ДФО в 2011–2018 г.

Субъект РФ	Сумма поступивших инвестиций		Площадь в 2018 г., м ²	
	в основной капитал в фактически действовавших ценах, млн руб.*	прямых иностранных, тыс. долл. США*	жилых помещений приходящаяся в среднем на одного жителя**	жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, приходящаяся на одного жителя***
Республика Саха (Якутия)	2,1	5,9	22,5	10,0
Камчатский край	0,8	0,4	25,7	16,8
Приморский край	0,6	2,6	23,1	11,8
Хабаровский край	0,8	2,0	23,8	17,0
Амурская область	1,3	6,3	25,3	14,0
Магаданская область	2,2	13,1	29,5	17,1
Сахалинская область	3,3	95,2	26,5	9,6
Еврейская автономная область	0,7	3,9	23,5	11,5
Чукотский автономный округ	2,0	36,8	24,1	18,9
Иркутская область	0,6	1,2	25,2	16,0
Республика Бурятия	0,3	0,5	21,7	6,9
Забайкальский край	0,5	1,4	21,3	9,0
ДФО	1,2	8,7	23,4	11,9
СФО	0,6	3,1	24,6	13,7
РФ	0,7	8,8	25,8	16,3

Источник. * Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели». 2019 г. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 8.05.2020).

** По данным статистических сборников регионов.

*** URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43507> – База данных Росстата: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИС) (дата обращения: 13.05.2020).

Соотношения между суммарными инвестициями (за период 2011–2018 гг.) в основной капитал на душу населения и общей площадью жилых помещений, приходящихся в среднем на одного жителя в 2018 г., оказались слабо связанными между собой величинами. Во всяком случае, трудно говорить о существенной причинно-следственной связи инвестиционных процессов

с улучшением жилищных условий по количеству квадратных метров на человека – примерно такое соотношение было между регионами и в 2013 г. (рис. 3 и 4). Регионы, занимающие лидирующие позиции (например, Магаданская область), так и остались в лидерах, а Забайкальский край и Бурятия – в аутсайдерах. Улучшили свои позиции по этому показателю Камчатский край и Иркутская область, имеющие в то же время скромные инвестиционные показатели.

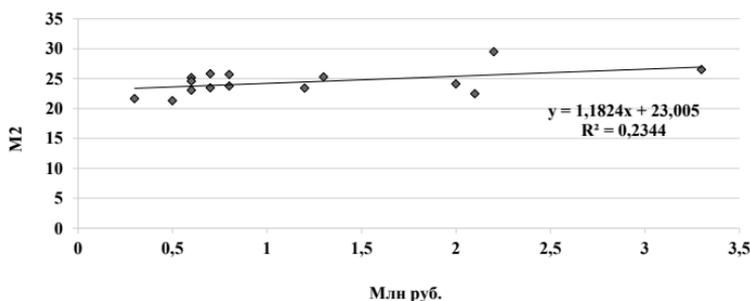

Рис. 5. Соотношение между суммарными поступившими инвестициями (2011–2018 гг.) в основной капитал на душу населения и общей площадью жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя в 2018 г.

Однако в Амурской и Сахалинской областях наблюдается и рост обеспеченности жильем, и значительные объемы инвестиций. Это же можно сказать и о Республике Саха, там подушевые показатели благоустроенного жилья выросли на 15%. В этом регионе сосредоточены базовые производственные мощности крупнейшей в мире алмазодобывающей компании – АК «АЛРОСА» (ОАО). Компания является регионообразующим предприятием в Якутии, осуществляет строительство общежитий и жилых домов для своих работников. В 2018 г. «АЛРОСА» завершила строительство жилого дома для временного проживания в г. Удачный на 130 квартир с одномоментным расселением 390 человек. Расходы на строительство в 2017–2018 гг. составили 698 млн руб.³

Еще менее тесная связь – между суммарными инвестициями в основной капитал на душу населения и площадью благоустроенного жилищного фонда, приходящаяся на одного жителя в 2018 г.

³ Годовой отчет «АЛРОСА», 2018. 260 с. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.alrosa.ru/documents/годовые-отчеты/> (дата обращения: 05.06.2020).

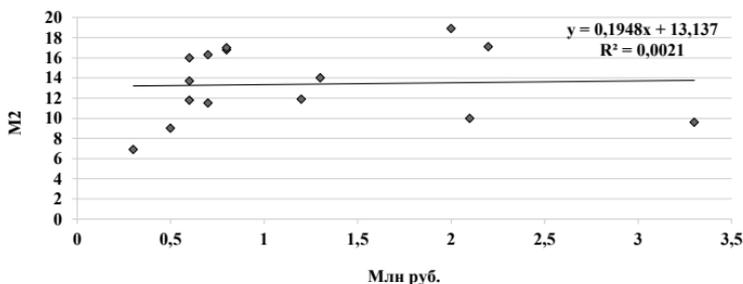

Рис. 6. Соотношение между суммарными поступившими инвестициями основной капитал на душу населения (2011–2018 гг.) и площадью жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, приходящейся на одного жителя в 2018 г.

Сахалинская область, получившая с 2011 по 2018 гг. самые масштабные подушевые инвестиции, к концу этого периода оказалась с одним из самых низких показателей по обеспеченности благоустроенным жильем. С 2013 г. (рис. 4) он вырос на 13,5%, тогда как в Иркутской и Амурской областях, получивших в 5,5 и 2,5 раза меньше инвестиций на душу населения, этот рост составил 16,25 и 18,6% соответственно.

Аналогичная ситуация с поступлением прямых иностранных инвестиций. В Забайкальском крае, получившем больше подушевых прямых иностранных инвестиций, чем Иркутская область, уровень благоустройства вырос лишь на 6%, и остается почти вдвое ниже.

Заключение

Результаты настоящей работы демонстрируют, что в «новой институциональной среде» [Изотов, 2017; Минакир, 2019] некоторые улучшения, принципиально важные для повышения качества жизни на востоке страны, происходят слишком медленно, и далеко не всегда есть уверенность в том, что они в конечном итоге дадут ожидаемый результат. Несмотря на хорошие формальные показатели, выражающиеся в объемах инвестиций и даже росте ВРП, дискомфорт проживания (в сочетании с падением реальных доходов граждан в течение последних шести лет), сокращение человеческого капитала – в количественном и качественном отношении – может стать необратимым.

По-видимому, для предотвращения этого необходимо в короткие сроки скорректировать приоритеты государственной поддержки процессов развития восточных территорий. Объемы поступающих инвестиций не должны быть доминирующим показателем успеха выполнения государственных программ. Более того, в сложившихся условиях целесообразно «пожертвовать» этими показателями.

Необходимо предпринять специальные усилия для масштабного строительства благоустроенного жилья для предоставления на условиях социального найма, учитывая низкий уровень доходов. Во многих регионах на востоке страны огромным препятствием в развитии сельского благоустройства является отсутствие экономически доступной, экологически безопасной и комфортной инфраструктуры теплообеспечения, в частности, в Бурятии и Забайкальском крае. Газификация на основе трубопроводного газа или СПГ могла бы решить эту проблему. Однако этого не происходит, поскольку проекты газификации рассматриваются как коммерческие и в этом случае их рентабельность недостаточна для «Газпрома» и других газовых компаний. На наш взгляд, учитывая нынешнее социально-экономическое положение большинства регионов, проекты газификации восточных регионов необходимо рассматривать как социальные и геостратегические. Газификация создала бы исключительно благоприятные условия для строительства малоэтажного жилья в пригородах больших городов Дальнего Востока и Восточной Сибири, население которых увеличивается вследствие концентрации [Коломак, 2014] за счет переселения из сел.

В целом государственные усилия для привлечения инвестиций и функционирование новых «дальневосточных» институтов развития дали определенный позитивный результат. Подушевые инвестиции в основной капитал в ДФО вдвое превысили аналогичный показатель в СФО, а прямые иностранные инвестиции – почти в 2,8 раза. Однако эти инвестиционные потоки «не конвертировались» в адекватный рост жилищного благоустройства, которое является очень важным компонентом качества жизни.

В работе П.А. Минакира [Минакир, 2019] справедливо отмечается, что новые институциональные решения на Дальнем Востоке не дают гарантии «быстрых результатов в форме устойчивого опережающего роста и структурной модернизации экономики региона, заметного улучшения качества жизни населения» (С. 7).

То есть не очевидна возможность достижения тех целей, которые декларировались при проведении этой институциональной трансформации.

Это обстоятельство, разумеется, не дискредитирует сами эти цели и не означает невозможности их достижения. Наши расчеты являются, с одной стороны, еще одной иллюстрацией значимости качества институтов [Acemoglu, Robinson, 2012]. В статье П.А. Минакира и О.М. Прокапало [Минакир, Прокапало, 2018] эти процессы на Дальнем Востоке характеризуются как «формирование локализованных экстрактивных институтов», то есть (в соответствии с определением Д. Асемоглу и Дж. Робинсона) институтов, предназначенных «для изъятия экономического богатства и его перераспределения в пользу экономических и политических элит, составляющих правящий класс» [Натхов, Полищук, 2017. С. 13].

В пользу такой характеристики говорят и результаты работы Н. Антоновой и Н. Ломакиной [Antonova, Lomakina, 2020], где показано, что главный поток инвестиций направляется в ресурсные проекты, и в этом смысле институциональная трансформация только закрепляет эту ранее сформировавшуюся тенденцию. Отмечается и «обратное» влияние: институты развития постепенно модифицируются в интересах крупных сырьевых компаний, которые в конечном итоге и являются главными бенефициарами институциональных новаций.

В этом смысле в подходах к модернизации экономики мало что изменилось по сравнению с предыдущими практиками управления [Глазырина, 2011]. Представляется, что приемлемое в долгосрочном плане решение задачи обеспечения комфортного и экономически доступного жилья на Дальнем Востоке вряд ли возможно без трансформации «экстрактивных» институтов в «инклюзивные». Это трудная задача, учитывая наблюдение Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, показавших наличие тесной связи между политическими и экономическими институтами и то, что в конкретной стране они обычно относятся к одному и тому же типу [Натхов, Полищук, 2017].

По-видимому, обе задачи – и оказание непосредственной и срочной государственной поддержки жилищного благоустройства, и постепенную трансформацию «экстрактивных» институтов в «инклюзивные» – стоит попытаться решать одновременно. Иначе потеря времени может сделать эти задачи неразрешимыми.

Литература

- Глазырина И. П. Минерально-сырьевой комплекс Забайкалья: опасные иллюзии и имитация модернизации // ЭКО. 2011. № 1. С. 19–35.
- Глазырина И. П., Фалейчик Л. М., Фалейчик А. А. Пространственная дифференциация чистых доходов и проблемы сохранения населения в приграничных регионах на востоке России // Известия РАН. Серия географическая. 2020. Т. 84. № 3. С. 341–358.
- Глазырина И. П., Фалейчик Л. М. К вопросу о сохранении человеческого капитала на Востоке России: жизнь учителя и врача после «майских указов» // ЭКО. 2019. № 5. С. 48–65. DOI: 10.30680/eco0131-7652-2019-5-48-65.
- Изотов Д. А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4. С. 27–44.
- Коломак Е. А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 82–99.
- Малкина М. Ю. Оценка социального благополучия российских регионов, уровня и динамики межрегиональных различий на основе функций благосостояния // Terra Economicus. 2016. Т. 14. № 3. С. 29–49. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-3-29-49.
- Малкина М. Ю. Социальное благополучие регионов Российской Федерации // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 1. С. 49–62. DOI: 10.17059/2017-1-5.
- Минакир П. А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 1. С. 7–17.
- Минакир П. А., Прокапало О. М. Дальневосточный приоритет: инвестиционно-институциональные комбинации // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. № 2 (38). С. 146–155.
- Найден С. Н., Белоусова А. В. Методический инструментарий оценки благосостояния населения: межрегиональное сопоставление // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 1. С. 53–68. DOI: 10.17059/2018-1-5.
- Натхов Т. В., Полищук Л. И. Политэкономика институтов: как важно быть инклюзивным. Размышления над книгой Д. Acemoglu, J. Robinson ‘Why Nations Fail’. Ч. 1. Институты и экономическое развитие. Институциональный выбор // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2. С. 12–38.
- Рюмина Е. В. Экологические аспекты оценки качества жизни // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 4. С. 1113–1122. DOI: 10.17059/2016-4-13
- Шворина К. В., Фалейчик Л. М. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного Федеральных округов // Экономика региона. 2018. Т. 14. вып. 2. С. 485–501. DOI: 10.17059/2018-2-12
- Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown Business, 2012.
- Antonova, N.E., Lomakina, N. V. Natural resource-based industries of the far east: new drivers of development // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018. Vol. 11. No. 1. Pp. 43–56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3.
- Antonova N.E., Lomakina N.V. Institutional innovations for the development of the east of Russia: effects of implementation in the resource region // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 13. № 4. С. 442–452.
- Sen A. Real national income // Review of Economic Studies. 1976. Vol. 43 (1). Pp. 19–39. DOI: 10.2307/2296597

Статья поступила 09.06.2020.

Статья принята к публикации 23.06.2020.

Для цитирования: Глазырина И.П., Гурова О.Н. «Жилищный вопрос» для геостратегических территорий на востоке России // ЭКО. 2020. № 8. С. 125-140. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-125-140.

Summary

Glazyrina, I.P., Doct. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, TRANS-Baikal State University, Gurova, O.N., Cand. Sci (Geogr.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Chita

«Housing Problem» for Geostrategic Territories in the East of Russia

Abstract. The purpose of this paper is an empirical analysis of the state and dynamics of one of the most important components of quality of life – housing conditions – in the far Eastern regions. It is shown that in the Eastern part of the country, the share of comfortable housing stock (provided with hot water and sewage) is very low. In most regions, this share was less than half of the total housing stock in 2018. More than 84% of the population of the territory under consideration live in regions where the share of comfortable housing is lower than the average Russian one. Since 2013, large-scale institutional innovations aimed at attracting investment to accelerate development of these geostrategic regions were undertaken. Indicators of investment received in the regions increased, but this did not have a noticeable impact on improving living conditions in relation to home improvement. The authors believe that one of the reasons for this situation is that development institutions function primarily in the interests of large raw material companies, which are ultimately the main beneficiaries of institutional innovations. An acceptable long-term solution to the problem of providing comfortable and economically affordable housing in the far East is hardly possible without transforming “extractive” institutions into “inclusive” ones. But both tasks: providing urgent state support for housing improvement, and gradual transformation of “extractive” institutions into “inclusive” ones should be solved simultaneously.

Keywords: *the Far East; improved housing stock; ill-equipped housing stock; housing stock; institutional innovation; investment; quality of institutions*

References

- Acemoglu, D., Robinson, J. (2012). *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York, Crown Business Publ.
- Antonova, N.E., Lomakina, N.V. (2018). Natural resource-based industries of the far east: new drivers of development. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 11. No. 1. Pp. 43–56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3.
- Antonova, N.E., Lomakina, N.V. (2020). Institutional innovations for the development of the east of Russia: effects of implementation in the resource region. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 13. No. 4. Pp. 442–452.
- Glazyrina, I.P. (2011). Mineral and raw materials complex of Transbaikalia: dangerous illusions and imitation of modernization. *ECO*. No 1. Pp. 19–35. (In Russ.).

Glazyrina, I.P. Faleichik, L.M. Faleichik, A.A. (2020). Spatial Differentiation of Net Income and Population Conservation Problems in Border Regions of the Russia's East. Spatial differentiation of net incomes and problems of population preservation in border regions in eastern Russia. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. Vol. 84. No. 3. Pp. 341–358. (In Russ.).

Glazyrina, I.P., Faleichik, L.M. (2019). Revisiting the Question of Preserving Human Capital in the East of Russia: the Life of a Teacher and a Doctor after the «May Decrees». *EKO*. No. 5. Pp. 48–65. (In Russ.). DOI: 10.30680/eco0131-7652-2019-5-48-65. (In Russ.).

Izotov, D.A. (2017). The Current Government Decisions for Economic Development of the Russian Far East: A Critical View. *ECO*. No. 4. Pp. 27–44. (In Russ.).

Kolomak, E.A. (2014). Spatial Concentration of Economic Activity in Russia. *Prostranstvennaya ekonomika. Spatial Economics*. No. 4. Pp. 82–99. (In Russ.).

Malkina, M. Yu. (2016). Assessment of the social well-being of Russian regions, the level and dynamics of inter-regional differences based on welfare functions. *Terra Economicus. Terra Economicus*, Vol. 14, No. 3. Pp. 29–49. (In Russ.).

Malkina, M. Yu. (2017). Social Well-Being of the Russian Federation Regions. *Ekonomika regiona. Economy of region*. Vol. 13. No. 1. Pp. 49–62. DOI: 10.17059/2017-1-5 (In Russ.).

Minakir, P.A. (2019). Far Eastern Institutional Novations: Imitation of a New Stage. *Prostranstvennaya Ekonomika. Spatial Economics*. Vol. 15. No. 1. Pp. 7-17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007-017. (In Russ.).

Minakir, P.A., Prokapalo, O.M. (2018). Far East-Priority: Combinations of Investment and Institutes. *Zhurnal Novej Ekonomicheskoi Assotsiatsii. Journal of the New Economic Association*. No. 2. Pp. 146–155. (In Russ.).

Naiden, S.N., Belousova, A.V. (2018). Methodological tools for assessing the well-being of the population: interregional comparison. *Ekonomika regiona. Economy of region*. Vol. 14. No. 1. Pp. 53–68. DOI: 10.17059/2018-1-5. (In Russ.).

Natkhov, T.V., Polishchuk, L.I. (2017). Political Economy of Institutions and Development: The Importance of Being Inclusive. Part I. Reflection on 'Why Nations Fail' by D. Acemoglu and J. Robinson. Part I. Institutions and Economic Development. Institutional Choice. *Zhurnal Novej Ekonomicheskoi Assotsiatsii. Journal of the New Economic Association*. No. 2. Pp. 12–38. (In Russ.).

Ryumina, E.V. (2016). Ecological Aspects of the Assessment of Quality of Life. *Ekonomika regiona. Economy of region*. Vol. 12. No. 4. Pp. 1113–1122. DOI: 10.17059/2016-4-13 (In Russ.).

Sen, A. (1976). Real national income In Review of Economic Studies. Vol. 43 (1). Pp. 19–39. DOI: 10.2307/2296597.

Shvorina, K.V., Faleychik, L.M. (2018). Main Directions of Migration Mobility in the Siberian and Far Eastern Federal Districts *Ekonomika regiona. Economy of region*. Vol. 14. No. 2. Pp. 485–501. DOI: 10.17059/2018-2-12 (In Russ.).

For citation: Glazyrina, I.P., Gurova, O.N. (2020). "Housing Problem" for Geostrategic Territories in the East of Russia. *ECO*. No. 8. Pp. 125-140. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-125-140.

Выбор сценария развития строительного комплекса Мурманской области

Е.К. ТЕРЕШКО. E-mail: ektereshko@mail.ru;

С.С. ГУТМАН, кандидат экономических наук. E-mail: SGutman@spbstu.ru
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург
ORCID 0000-0002-1098-3915

Аннотация. В статье исследуется состояние строительного комплекса Мурманской области с использованием PEST- и SWOT-анализа. Выявлены факторы, оказывающие значимое влияние на развитие строительного комплекса: 1) наличие сильной нормативно-правовой базы, регулирующей отрасль; 2) темп развития отрасли в регионе; 3) уровень развития бизнес-структур строительной отрасли региона; 4) уровень миграции населения в другие регионы РФ; 5) степень покрытия территорий региона сетью Интернет. Определены ключевые сценарии стратегического развития строительного комплекса Мурманской области: энергосырьевой, инвестиционный, инерционный. На основе анализа иерархий авторы пришли к выводу, что ни один из них не является предпочтительным, и предлагают четвертый сценарий – совокупный, соединивший в себе черты всех трех.

Ключевые слова: Мурманская область; строительный комплекс региона; стратегическое развитие; отраслевое развитие; SWOT-анализ; PEST-анализ; метод анализа иерархий

Введение

Регионы Арктической зоны России (АЗ РФ), особый статус которых закреплен Указом Президента РФ¹, представляют минерально-сырьевой, экономический, социальный и научно-технический потенциал для прогрессивного развития всех территорий страны. Одна из ключевых отраслей экономики АЗ, позволяющая поддерживать функционирование и развитие всех прочих ее секторов – строительный комплекс. Обеспечение взаимосвязанной структуры стратегического управления строительного комплекса на уровне региона позволит сформировать ориентированную на комплексное развитие территории систему, что обеспечит более эффективное и прозрачное распределение

¹ Указ Президента РФ О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации (с изменениями на 5 марта 2020 г.).

инвестиционных ресурсов. Рассмотрим подходы к стратегическому развитию отрасли на примере одного из регионов АЗ РФ – Мурманской области, в которой сложилась непростая экономическая ситуация.

Мурманская область относится к северному экономическому району РФ [Курнышев, Глушкова, 2016. С. 169], который также включает республики Карелию и Коми, Архангельскую (с Ненецким АО) и Вологодскую области. Мурманская область занимает 144,9 тыс. км², на ее территории проживают 754 тыс. чел. на конец 2017 г.² 92,73% из них – в городах. Численность постоянного населения имеет тенденцию к сокращению. Начиная с 1991 г. она сократилась на 38%, за период с 2012 по 2018 гг. – на 4,4%. Главная причина этого – миграционная убыль.

Душевой ВРП Мурманской области – средний среди регионов АЗ РФ, по состоянию на 2017 г. он составил 590 тыс. руб./чел. (в Ненецком АО – 629 тыс. руб./чел., в Республике Саха (Якутия) – 951 тыс. руб./чел., в Чукотском АО – 1386 тыс. руб./чел.). При этом структура экономики этого региона наиболее дифференцирована по сравнению с прочими территориями АЗ РФ [Скуфьина и др., 2017]. Помимо добычи полезных ископаемых (13,4% в валовой добавленной стоимости в 2017 г.), большой вес в экономике региона имеют виды деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» (13%) и «Транспортировка и хранение» (11,3%), на обрабатывающие производства приходится 9,7% ВДС.

Отметим, что объем работ, выполненный по виду экономической деятельности «Строительство», на территории региона имел многолетнюю тенденцию роста (с 2005 по 2017 гг.). Поток инвестиционных поступлений до 2016 г. был более-менее стабильным с возрастающей тенденцией, а в 2017 г. резко вырос благодаря началу строительства на Кольской верфи центра крупнотоннажных морских сооружений и реализации плана-графика развития объектов капитального строительства. В 2018 г. и инвестиционные поступления, и объем строительных работ сократились. Также отмечено сокращение числа строительных организаций (рис. 1).

² Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017. [Эл. ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения: 17.02.2019).

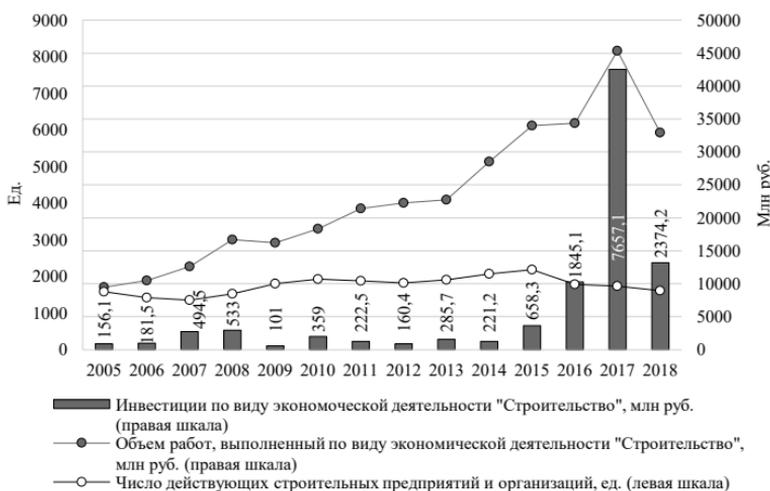

Рис. 1. Основные показатели развития Мурманской области по виду экономической деятельности «Строительство», 2005–2018 гг.

Строительный комплекс Мурманской области представляет собой взаимосвязанную структуру, которая позволяет обеспечить регион зданиями и сооружениями различного уровня (производственными, непроизводственными и линейными объектами) от проектной документации до ввода объектов в эксплуатацию, а также капитальный ремонт и реконструкцию зданий и сооружений³. В строительный комплекс региона входят строительные организации и предприятия, осуществляющие свою деятельность на его территории, включая филиалы и дочерние компании иногородних организаций. При проведении его качественных и количественных оценок в целях исследования авторы учитывали только данные по тем бизнес-единицам, которые непосредственно расположены на территории региона (см. рис. 1).

В настоящее время на территории Мурманской области ситуация в непроизводственном секторе строительства характеризуется следующим.

³ Российская архитектурно-строительная энциклопедия [Эл. ресурс]. URL: <http://gosstroy-vniintpi.ru/rase.htm> (дата обращения: 17.05.2020).

1. *Жилищное строительство.* Ситуацию на рынке жилищного строительства региона можно охарактеризовать как застойную: за 2018 г. здесь введено всего 46,3 тыс. м² жилья. Активных игроков, осуществляющих ввод объектов жилого назначения на условиях долевого участия, немного: ООО «Север Сити Плюс», ООО «Гранд Л (Мурманск)», ОАО «Мурманскпромстрой» и ООО «Форос»⁴. По состоянию на май 2020 г. они сдали в эксплуатацию всего три жилых многоквартирных дома, еще один должен быть сдан к концу 4-го квартала 2020 г., что для такого большого региона очень мало. Такая ситуация объясняется высоким миграционным оттоком и, соответственно, большим предложением на рынке вторичного жилья и низким спросом на новое, что делает его строительство экономически нецелесообразным. Поэтому основной упор в регионе сделан на реконструкцию, реновацию и капитальный ремонт зданий и сооружений, построенных ранее (в 1946–1995 гг.), современное состояние их большей части (81%) характеризуется умеренной изношенностью [Терешко, 2018].

2. *Социальное строительство (учреждения образования и здравоохранения).* Количество общеобразовательных учреждений в регионе постепенно сокращается (с 2012/13 по 2017/18 уч.г. – на 9,4%), ухудшается уровень технического состояния школ⁵. Сеть учреждений здравоохранения, напротив, растет. В регионе функционирует 40 больничных и 153 амбулаторно-поликлинических организации (по данным 2017 г.). Количество последних за 2007–2017 гг. увеличилось на 8,9%.

На территории Мурманской области реализуются государственные (региональные) программы, направленные на развитие объектов социальной инфраструктуры⁶. Программы развития жилищного строительства также действуют, но, учитывая неблагоприятные миграционные тенденции, не реализуются в полной мере. В качестве примеров госпрограмм можно назвать ГП МО «Обеспечение комфортной среды проживания

⁴ Циан. Новостройки в Мурманской области [Эл. ресурс]. URL: https://murmansk.cian.ru/newobjects/list/?deal_type=sale&engine_version=2&finish_date=4.2020&offer_type=newobject®ion=4594 (дата обращения: 25.05.2020).

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 [Эл. ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения: 17.02.2019).

⁶ Министерство строительства Мурманской области. Программы [Эл. ресурс]. URL: <https://minstroy.gov-murman.ru/documents/programs/> (дата обращения: 10.04.2020).

населения региона»; ГП МО «Формирование современной городской среды Мурманской области».

Как показывают тенденции последних лет, определяющее значение для состояния и перспектив строительного комплекса региона в обозримом будущем, по-видимому, будет иметь возведение производственных и инфраструктурных объектов.

В настоящее время в Мурманской области действует разработанная Стратегия социально-экономического развития⁷, предполагающая к 2025 г. становление Мурманской области в качестве стратегического центра Арктической зоны РФ; финансового и интеллектуального региона-лидера; основного центра сервисного обеспечения морехозяйственной деятельности в Российской Арктике. Для того, чтобы недостаточный уровень развития строительного комплекса региона не стал препятствием для ее осуществления, мы предлагаем разработать альтернативные варианты его стратегического развития с учетом различных условий внешней и внутренней среды региона.

Для начала необходимо определить возможные сценарии развития строительного комплекса и выбрать из них наилучший при тех или иных условиях.

Методология исследования

В научно-методической литературе, описывающей различные подходы к стратегическому планированию, рассматривается их широкий спектр: экономико-математические методы [Сосунова, Тойменцева, 2011; Сахаутдинова, 2010; Романенков и др., 2014]; статистический метод [Какатунова, Мешалкин, 2011; Назарычев, 2012]; рейтинговый [Бездудная и др., 2018]; экспертный [Назарычев, 2012; Савенкова и др., 2010]; метод нечетких множеств [Сосунова, Тойменцева, 2011; Андрейчиков и др., 2015; Гресько, Солодухин, 2017]; морфологический анализ [Кулеш, 2014]; матричный метод [Цыгалов, Ординарцев, 2016]; методы маркетинговой диагностики [Михайлова, 2015] и сценарный [Демидова, 2011]. Сравним сильные и слабые стороны рассмотренных методов и возможность их использования для цели настоящего исследования (табл. 1).

⁷ Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года [Эл. ресурс]. URL: https://minec.gov-murman.ru/activities/strat_plan/sub02/ (дата обращения: 10.02.2020).

Таблица 1. Сравнение методов, применение которых возможно для выбора альтернативы стратегического развития

Метод	Преимущества	Недостатки
I	Статистическая достоверность, формализация информации. Эффективен для анализа состояния и развития экономических единиц. Возможен выбор альтернатив	Трудоемкость построения модели. Негибкость реакции модели при изменении условий. Невозможно провести оценку альтернатив
II	Точность и простота математических расчетов. Эффективен для анализа состояния и развития экономических единиц. Возможен выбор альтернатив	Необходимо большое количество исходных данных. Не всегда статистические данные бывают достоверны. Невозможно провести оценку альтернатив
III	Простота и удобство при использовании ограниченного количества информации. Возможен выбор альтернатив	Субъективность (неизвестно, является ли информация достоверной). Невозможно провести оценку альтернатив
IV	Анонимность мнений и высказываний экспертов в отсутствие давления способствует объективности метода. Возможность оценки риска в условиях неопределенности. Возможен выбор альтернатив	Отсутствие строгих количественных критериев порождает риск субъективности оценок. Сюда же ведет отсутствие коммуникаций между экспертами. Невозможно провести оценку альтернатив
V	Позволяет объединять количественные и качественные показатели, формировать единый показатель для оценки уровня развития. Возможность моделировать сложные динамические системы. Возможен выбор альтернатив	Существует субъективность в выборе функций принадлежности и формировании правил нечеткого ввода. Невозможно провести оценку альтернатив
VI	Равноценность элементов анализируемого объекта. Возможность получения новых или развитие уже имеющихся идей. Возможен выбор альтернатив	Метод не раскрывает структуру проблем для разработки критериев выбора и поиска приемлемых комбинаций. Невозможно провести оценку альтернатив
VII	Отражает настоящее развитие отрасли. Возможно применение в вертикально интегрированных структурах. Можно рассматривать компании, находящиеся на разных этапах жизненного цикла. Возможен выбор альтернатив	Матрицы не показывают полной картины стратегического планирования, отражают результат только в определенный период времени. Невозможно провести оценку альтернатив
VIII	Взаимосвязь с заказчиком на всех этапах исследования. Возможен выбор альтернатив.	Субъективная интерпретация полученных результатов. Невозможно провести оценку альтернатив
IX	Углубленный анализ взаимодействия различных аспектов развития ситуации. Возможно проведение выбора альтернатив	Слабая разработанность и методическая обеспеченность процедур согласования сценариев. Невозможно провести оценку альтернатив

Обозначение: I – экономико-математические методы; II – статистические методы; III – метод рейтинговых оценок; IV – экспертный метод; V – метод нечетких множеств; VI – метод морфологического анализа; VII – матричный метод; VIII – метод маркетинговой диагностики; IX – сценарный метод.

Как видно из данных таблицы, ни один из представленных в ней методов не предполагает проведение оценки выбранных альтернатив. Поэтому при выборе и оценке сценариев стратегического развития строительного комплекса Мурманской области мы предлагаем использовать метод анализа иерархий (МАИ), который позволяет учитывать качественные и количественные показатели, характеризующие стратегические альтернативы, а также математически обосновать выбор наиболее предпочтительного варианта. К преимуществам подхода можно отнести: 1) учет различных экспертных мнений посредством определения их приоритетов; 2) возможность отразить взаимодействие факторов друг с другом и то влияние, которое они оказывают на оценку и выбор альтернатив; 3) сбор данных происходит посредством парных сравнений, что исключает субъективность выбора и минимизирует противоречия; 4) универсальность метода; 5) использование в совокупности с другими методами оценки формализованных задач. К недостаткам МАИ относятся, во-первых, невозможность проверки достоверности исходных данных; во-вторых, возможность только ранжировать альтернативы.

Этот подход часто используется для выбора стратегии на уровне хозяйствующих субъектов [Ильин, Зайченко, 2017; Фурсов и др., 2008], инвестиционных проектов [Корнилов и др., 2016]. Следовательно, подход применим для выбора и оценки стратегии при формировании и развитии стратегического инструмента строительной отрасли, так как он отвечает требованиям гибкости и адаптивности.

Целью настоящего исследования выступает определение наиболее предпочтительного сценария стратегического развития строительного комплекса Мурманской области с помощью МАИ. Для этого необходимо: 1) выявить ключевые факторы, оказывающие влияние на развитие строительного комплекса региона; 2) определить сценарии стратегического развития строительного комплекса; 3) провести выбор и оценку наилучшего из них.

Для формирования сценариев стратегического развития строительного комплекса региона использованы SWOT-анализ и PEST-анализ. На этапе выбора и оценки наиболее предпочтительного из них – метод МАИ⁸.

⁸ Метод анализа иерархий (теория) [Эл. ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/56126168-Metod-analiza-ierarhiy.html> (дата обращения: 24.02.2020).

Анализ строительной отрасли Мурманской области

Проведем PEST-анализ строительной отрасли Мурманской области в соответствии с этапами, изложенными в методологии⁹. Факторы, оказывающие или способные оказать влияние на строительный комплекс региона, группируются следующим образом:

А. Политические: 1) устойчивость и стабильность региональных властей – «Насколько стабильна и устойчива деятельность региональных властей?» (2)¹⁰; 2) наличие действующей нормативно-правовой базы – «Действует ли в регионе отраслевая нормативно-правовая база?» (3); 3) тенденция к усилению государственного регулирования в отрасли – «Ожидается ли усиление концентрации государственного отраслевого регулирования?» (2); 4) регулирование уровня конкуренции государством – «Осуществляется ли регулирование конкуренции на рынке строительного производства на государственном уровне?» (2); 5) бюрократизация государственного аппарата управления – «Присуща ли бюрократизация государственного аппарата управления исследуемой отрасли?» (2).

В. Экономические: 6) темп развития отрасли в регионе – «Оцените темп развития отрасли в регионе» (3); 7) финансово-экономическое состояние компаний отрасли – «Оцените финансово-экономическое состояние посредством учета финансовых показателей и инвестиционной привлекательности организаций(ии)» (3); 8) уровень ВРП, темп развития экономики – оценка (фактор п. 8–9) произведена авторами исследования относительно всех регионов России по статистическим данным (2); 9) среднедушевые денежные доходы населения (2).

⁹ PEST-анализ: инструкция составления с примерами [Эл. ресурс]. URL: <https://www.gd.ru/articles/8800-pest-analiz> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁰ Помимо порядкового номера каждому фактору присвоены баллы, которые характеризуют силу его потенциального негативного влияния на развитие отрасли:

1 балл – минимальное влияние (изменение условий не принесет существенных проблем функционированию и развитию строительного комплекса Мурманской области);

2 балла – среднее влияние (при изменении условий региональный строительный комплекс может столкнуться с некоторыми трудностями);

3 балла – сильное влияние (изменения условий могут создать угрозу для стабильного функционирования и развития регионального строительного комплекса).

С. Социокультурные: 10) уровень жизни населения – оценка (фактор п. 10–12) произведена авторами исследования относительно всех регионов России по статистическим данным (3); 11) численность населения (2); 12) уровень миграции населения в другие регионы РФ (3); 13) развитие социальной среды – «Какой уровень образования, социальной мобильности и здоровья у жителей региона?» (2); 14) влияние СМИ – «Оцените силу влияния СМИ на жителей региона относительно вопросов развития строительного комплекса, непроизводственных строительных объектов» (1); 15) стиль жизни населения, отношение к труду, привычки, приоритеты – «Оцените стиль жизни населения» (1); 16) этнокультурное влияние – «Оказывают ли коренные малочисленные народы севера влияние на решение вопросов стратегического развития отрасли?» (1); 17) отношение к ресурсоэффективному строительству – «Возможно ли в регионе осуществление ресурсоэффективного строительства?» (2).

Д. Технологические: 18) уровень развития технологий и инноваций в строительной сфере деятельности региона – оценка (фактор п. 18, 20) произведена авторами исследования относительно всех регионов России по статистическим данным (3); 19) применение инновационных технологий в строительной отрасли – «Как вы оцените уровень применения отраслевых инновационных технологий в регионе?» (2); 20) степень покрытия территорий региона сетью Интернет (3); 21) уровень развития и проникновения сети Интернет в строительную отрасль региона – «Насколько развиты информационно-коммуникационные технологии для осуществления деятельности в строительной отрасли/организации?» (3); 22) доступ к зарубежным технологиям и передовым разработкам в строительной отрасли – «Имеют ли организации строительного комплекса/ваша организация доступ к зарубежным технологиям и передовым отраслевым разработкам?» (2).

Представленные факторы были отобраны авторами на основе анализа работ по теме исследования [Заренков, 1999; Теняков, 2016; Сабурова, Чернышев, 2017; Белых и др., 2015]. Уровень влияния выделенных факторов на функционирование и развитие строительного комплекса Мурманской области в ближайшие три года (2020–2022) определялся на основе экспертных оценок (53 человека), которым посредством онлайн анкетирования, были заданы вопросы, прописанные рядом с каждым фактором.

В качестве экспертов первой группы (30%) выступили представители региональной власти Мурманской области и представители Комитета Санкт-Петербурга по делам Арктики, которые оценивали факторы: 2, 3, 4, 6, 7, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 21, 22. Во вторую группу (66%) вошли эксперты, которые занимают руководящие должности в строительных организациях и предприятиях Мурманской области, они оценивали факторы 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 14, 17, 21, 22. Третью группу (4%) составили авторы исследования. Они оценивали факторы 8, 9, 10, 11, 12, 18, 20 по статистическим данным. При этом проводилось ранжирование территорий по уровню развития каждого показателя, и Мурманская область относилась по этому критерию в определенную группу (min 1 – max 5).

Эксперты группы 1 и 2 заинтересованы в развитии строительного комплекса Мурманской области, сохранении и приумножении местного населения и потенциальных клиентов, в развитии территориального инфраструктурного обеспечения с целью социально-экономического развития, получения производственных объемов работ, налоговых поступлений и прибыли.

Эксперты оценивали вероятность изменений каждого из факторов по пятибалльной шкале, где 1 – минимальная вероятность, 5 – максимальная.

Далее была рассчитана значимость полученных экспертных оценок с учетом поправки на важность (средний удельный вес) для регионального строительного комплекса. Рассчитывался данный показатель как вероятность изменения, взвешенная на силу влияния фактора строительного комплекса региона. Результаты этих расчетов представлены в таблице 2.

Как видно из таблицы, наиболее значимыми для развития строительного комплекса Мурманской области факторами (с весом от 0,199 до 0,299) являются:

- наличие сильной нормативно-правовой базы, регулирующей отрасль (2);
- темп развития отрасли в регионе (6);
- уровень развития бизнес-структур строительной отрасли региона (7);
- уровень миграции населения в другие регионы РФ (12);
- степень покрытия территорий региона сетью Интернет (20).

Таблица 2. Распределение факторов функционирования и развития строительного комплекса Мурманской области по значимости

<i>Политические</i>		<i>Экономические</i>	
Фактор	Вес	Фактор	Вес
2	0,214	6	0,260
1	0,122	7	0,245
3	0,122	8	0,133
4	0,122	9	0,122
5	0,071	-	-
<i>Социально-культурные</i>		<i>Технологические</i>	
Фактор	Вес	Фактор	Вес
12	0,260	20	0,276
10	0,168	18	0,138
13	0,112	21	0,138
17	0,092	19	0,122
11	0,061	22	0,041
16	0,041	-	-
15	0,036	-	-
14	0,026	-	-

Следовательно, при формировании стратегии развития строительного комплекса Мурманской области данные факторы необходимо учитывать в первую очередь.

Для разработки стратегических альтернатив (сценариев) развития строительного комплекса Мурманской области был проведен SWOT-анализ.

1. К числу внутренних сильных сторон относятся: 1.1 минерально-сырьевая база региона; 1.2 большая территория (144,9 тыс. км²); 1.3 наличие предприятий промышленности; 1.4 крупный портовый узел, выход к Северному морскому пути; 1.5 развитая инфраструктура поргово-транспортного узла; 1.6 наличие внутренней стратегии развития региона; 1.7 наличие внутренних программ развития жилой среды; 1.8 большие инвестиционные потоки для развития Центра строительства крупнотоннажных морских сооружений на Кольской верфи; 1.9 реконструкция и капитальный ремонт основных объектов образования в регионе.

2. Внутренние слабые стороны: 2.1 утихание развития строительного рынка как следствие сокращения численности

населения; 2.2 практически отсутствует новое жилищное строительство в регионе [Терешко, 2018]; 2.3 слабо развиты инфраструктурные объекты для досуга; 2.4 здания и сооружения находятся в ветхом или аварийном состоянии, следовательно, требуют сноса или капитального ремонта; 2.5 в региональной стратегии развития поверхностно затронута строительная деятельность региона (следовательно, отрасль не структурирована, не может строить инвестиционные планы); 2.6 малые инвестиционные потоки для развития жилого, социального и досугового строительства.

3. *Внешние возможности*: 3.1 целевое стратегическое развитие строительной отрасли в регионе на основе механизма ГЧП; 3.2 создание государственных программ, стимулирующих строительную деятельность региона; 3.3 создание промышленно-строительного кластера при условии роста трудовых ресурсов отрасли «Строительство» (как одна из возможных альтернатив развития); 3.4 создание центра Арктической зоны РФ как связующего звена через Северный морской путь (в его рамках предполагается рост жилищного, социального и досугового строительства, развитие моногородов); 3.6 привлечение государственных и бизнес-инвестиций для развития жилого, социального и досугового строительства; 3.7 развитие рециклинга строительных отходов как эффективного средства защиты уникальных территорий региона (это может снизить затраты на ресурсы и оплату выбросов и пр.).

4. *Внешние угрозы*: 4.1 продолжение миграции населения из региона, следовательно, низкий спрос на новое жилье; 4.2 продолжение сокращения жилищного строительства в регионе; 4.3 сокращение инвестиционных поступлений в связи с непривлекательностью территории для дальнейшего развития.

Для более полной оценки проведем попарное сравнение по следующим парам: SO – как использовать сильные стороны в благоприятном внешнем окружении; ST – как использовать сильные стороны для компенсации угроз внешней среды; WO – какие внешние возможности не могут быть использованы из-за слабых сторон региона; WT – какие внешние угрозы наиболее опасны при имеющихся слабых сторонах региона (табл. 3).

Таблица 3. SWOT-анализ, парное сравнение

	Сильные стороны	Слабые стороны
Возможности	SO	WO
	Мурманская область обладает большой территорией с широкой минерально-сырьевой базой, также является крупным портово-транспортным узлом Арктической зоны РФ. Следовательно, развитие строительного комплекса региона – необходимость. В данном случае можно предложить энергосырьевой сценарий развития строительного комплекса	Ограниченность инвестиционных ресурсов может существенно отразиться на развитии регионального строительного комплекса. Скудость инвестиций, направленных в строительство жилых и социальных объектов, замедляют региональное развитие, как следствие экономическая перспектива региона становится ограниченной. В данном случае можно предложить инвестиционный сценарий развития строительного комплекса
Угрозы	ST	WT
	Имеющиеся основные фонды инфраструктуры региона требуют реновации, реконструкции и капитального ремонта, что предполагает сохранение штатов и компетенций тех строительных компаний, которые причастны к данным проектам. В данном случае можно предложить инерционный сценарий развития строительного комплекса	Выявленные внешние угрозы 4.1, 4.2, 4.3 являются опасными для дальнейшего развития строительного рынка региона. В связи с чем, при выборе стратегического подхода развития строительного комплекса необходимо принять во внимание сценарии развития SO, WO и ST и для устранения данных факторов принять совокупный сценарий для управления рисками.

В соответствии с полученными сценариями развития строительного комплекса Мурманской области в таблице 3 необходимо выбрать предпочтительный сценарий посредством метода анализа иерархий. Сценарий WT мы рассматриваем как совокупность SO, WO и ST, следовательно, достаточно рассмотреть данные сценарии и при близких значениях глобального приоритета принять сценарий WT, что далее в работе и отражено.

Выбор предпочтительного сценария развития строительного комплекса региона

Выберем из трех выявленных сценариев развития строительного комплекса Мурманской области наиболее предпочтительный, применив для этого механизм МАИ.

Иерархическое представление задачи показано на рисунке 2. Уровень S_3 , являющийся непосредственной детализацией главной цели, отражает действующих лиц (строительные организации и прочие стейкхолдеры¹¹, заказчики (население и бизнес), региональные власти), т.е. это те заинтересованные стороны, мнение которых непосредственно влияет на выбор того или иного сценария

¹¹ К прочим стейкхолдерам отнесены представители рынка строительных материалов и услуг.

(альтернативы). На уровне C_k находятся критерии, которые представляют интерес для действующих лиц с уровня S_j . На нижнем уровне X_i представлены сценарии (альтернативы), из которых необходимо выбрать наиболее предпочтительный или совокупность некоторых из них. Стоит отметить, что не все заинтересованные лица с уровня S_j связаны со всеми критериями с уровня C_k , что характеризуется областью интересов каждого из них.

В качестве критериев выступают: C_1 – налоговые поступления; C_2 – привлечение инвестиций; C_3 – освоение минерально-сырьевой базы (заинтересованность, вмешательство в вопрос освоения региональных властей); C_4 – создание новых рабочих мест; C_5 – цена оказания услуг; C_6 – сроки строительства; C_7 – получение прибыли.

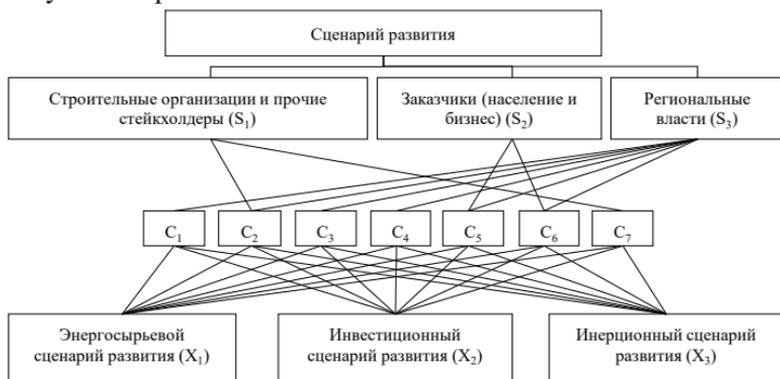

Рис. 2. Иерархическое представление выбора сценария развития регионального строительного комплекса

Исходя из иерархии видно, что при принятии решения учитывается мнение следующих сторон:

- представителей строительных организаций, которые заинтересованы в первую очередь в получении прибыли, а также в привлечении инвестиций;
- заказчиков строительства, для которых определяющую роль играет цена оказания услуг, а также сроки строительства;
- представителей региональной власти, которые заинтересованы в налоговых поступлениях, привлечении инвестиций, а также в освоении минерально-сырьевой базы в равной степени. Также важны, но менее предпочтительны для органов власти сроки строительства и цена оказания услуг.

Далее, используя метод парных сравнений, определим следующие показатели:

- приоритеты элементов S_j относительно главной цели, т.е. уровень влияния заинтересованных сторон;
- приоритеты критериев C_k относительно элементов S_j , т.е. какова степень важности того или иного критерия для каждой из сторон;
- приоритеты сценариев развития X_i (альтернатив) относительно критериев C_k , т.е. какова степень важности для сценариев развития в соответствии с каждым критерием.

Для этого мы построили матрицы парных сравнений, для каждой из которых рассчитали нормализованный вектор приоритетов (W), максимальное собственное число (λ_{\max}) и отношение согласованности (CR) (таблицы 4)¹².

Таблица 4. «Кто оказывает большее влияние на выбор сценария развития отрасли?» (S_j)

	S_1	S_2	S_3	W
S_1	1	1/3	1	0,2
S_2	3	1	3	0,6
S_3	1	1/3	1	0,2
$\lambda_{\max}=3; CI=0; CR=0$				

Подробно рассматривая элементы таблицы 4, можно сказать, что наибольшее влияние на выбор сценария развития отрасли имеют потребители услуг (население и бизнес-заказчики) (S_2), тогда как строительные организации и прочие стейкхолдеры (S_1) и региональная власть (S_3) оказывают не такое сильное и примерно равное влияние.

На основе построенного второго блока матриц («Что важнее для строительных организаций и прочих стейкхолдеров рынка?» (S_1); «Что важнее для заказчиков?» (S_2); «Что важнее для региональных властей?» (S_3)), которые позволяют вычислить приоритеты критериев C_k относительно элементов S_j для трех субъектов: представителей строительных организаций (S_1); представителей потребителей (S_2); представителей региональной власти (S_3), сформируем общую (сводную) матрицу W ^{1,2}

¹² Здесь и далее в заголовке таблиц приводятся вопросы, которые целесообразно задавать лицам, принимающим решение или экспертам при сравнении каждой пары элементов [Saaty, 2000].

приоритетов элементов 2-го уровня (критериев) относительно элементов 1-го уровня (субъектов, действующих лиц) (табл. 5).

Таблица 5. Сводная матрица приоритетов элементов

	C_1	C_2	C_3	C_4	C_5	C_6	C_7	Сумма
S_1	0	0,167	0	0	0	0	0,833	1
S_2	0	0	0	0	0,750	0,250	0	1
S_3	0,279	0,248	0,186	0,176	0,031	0,079	0	1

Исходя из полученных результатов в сводной матрице $W^{1,2}$, можно сказать, что для строительных организаций и прочих стейкхолдеров рынка (S_1) наиболее важным является получение прибыли, нежели привлечение инвестиций. Для населения и бизнеса (S_2) цена оказания услуг играет большую роль при покупке недвижимости, нежели сроки строительства. Для региональных властей (S_3) важным является привлечение инвестиционных и налоговых поступлений, а также (но в меньшей степени) освоение минерально-сырьевой базы и создание новых рабочих мест. Сроки строительства и цена оказания услуг для региональных властей не играют определяющей роли.

Также, на основе построенного третьего блока матриц парных сравнений сценариев (альтернатив) X_i , относительно критериев C_k («Какой сценарий предпочтительней с точки зрения налоговых поступлений?» (C_1); «...с точки зрения привлечения инвестиций?» (C_2); «... с точки зрения освоения минерально-сырьевой базы?» (C_3); «... с точки зрения создания новых рабочих мест?» (C_4); «... с точки зрения цены оказания услуг?» (C_5); «... с точки зрения сроков строительства?» (C_6); «... с точки зрения получения прибыли?» (C_7)), можно сформировать общую (сводную) матрицу $W^{2,3}$ приоритетов сценариев (альтернатив) относительно критериев 2-го уровня, данную матрицу отразим в таблице 6.

Таблица 6. Сводная матрица приоритетов элементов

	X_1	X_2	X_3	Сумма
C_1	0,333	0,333	0,333	1
C_2	0,143	0,714	0,143	1
C_3	0,641	0,238	0,121	1
C_4	0,333	0,333	0,333	1
C_5	0,172	0,163	0,665	1
C_6	0,088	0,258	0,654	1
C_7	0,517	0,369	0,113	1

Анализируя полученный результат в сводной матрице третьего блока $W^{2,3}$, можно сказать, что:

– с точки зрения налоговых поступлений (C_1) предложенные сценарии развития равнозначны;

– с точки зрения привлечения инвестиций (C_2) инвестиционный сценарий играет определяющую роль, а энергосырьевой и инерционный сценарии – меньшую;

– для освоения минерально-сырьевой базы (C_3) важным является энергосырьевой сценарий, инвестиционный и инерционный сценарии имеют меньшее значение;

– в аспекте создания новых рабочих мест (C_4) сценарии развития равнозначны;

– с точки зрения цены оказания услуг (C_5) большую роль играет инерционный сценарий развития, а инвестиционный и энергосырьевой – меньшую;

– с точки зрения сроков строительства (C_6) большую роль играет инерционный сценарий развития, а инвестиционный и энергосырьевой сценарии – меньшую;

– со стороны получения прибыли (C_7) энергосырьевой сценарий имеет большее значение, инвестиционный – среднее, а инерционный – наименьшее.

Проведем *синтез приоритетов альтернатив относительно главной цели*. Для выполнения иерархического синтеза воспользуемся формулой:

$$A = W^{0,1} \cdot W^{1,2} \dots W^{N-1,N}$$

где: A – вектор-строка, элементами которой являются искомые приоритеты альтернатив относительно фокуса иерархии.

В нашем случае данная формула будет выглядеть следующим образом:

$$A = W^{0,1} \cdot W^{1,2} \cdot W^{2,3}$$

где $W^{0,1} = (0,2; 0,6; 0,2)$, в соответствии с таблицей 4.

Следовательно, подставим в данную формулу соответствующие матрицы приоритетов из таблиц 4, 5 и 6, получим:

$$A = (0,367 \quad 0,373 \quad 0,260)$$

Чем выше глобальный приоритет (A), тем более предпочтителен соответствующий сценарий развития отрасли. Под глобальным приоритетом понимается приоритет относительно заданной цели.

Проводя *оценку уровня согласованности* иерархической модели, было получено, что иерархическая модель согласована.

Итак, в нашей иерархической модели (рис. 2) наиболее предпочтительными вариантами (с наивысшими глобальными приоритетами) являются энергосырьевой (X_1) и инвестиционный (X_2). Они практически равнозначны (их глобальные индексы равны соответственно 0,367 и 0,373). Рассмотрим результат каждого из них по отдельности.

Высокая значимость энергосырьевого варианта развития (X_1) объясняется экономической специализацией Мурманской области и всего Арктического региона [Скуфьина, 2017]. Для освоения их богатейшей минерально-сырьевой базы, развития промышленной, социальной, жилой инфраструктуры в моногородах вблизи месторождений необходимо соответствующее развитие строительного комплекса. Основной акцент при этом будет сделан на развитии строительного комплекса промышленных зон и сопутствующих непроизводственных объектов. Сценарий ориентирован в большей степени на органы власти региона.

Инвестиционный сценарий (X_2) весьма значим для улучшения социальной ситуации в регионе, наращивания объемов строительства жилья, а также объектов социальной, досуговой инфраструктуры. Он также ориентирован в первую очередь на представителей региональной власти. При его выборе регион сможет обеспечить планомерное развитие строительного комплекса, так как предполагается создание методов косвенного и прямого стимулирования инвестиционных поступлений через перечень целевых программ. Помимо этого, инвестиционный сценарий предполагает учет потребностей депрессивных зон и очагов бедности, приоритетность стратегических зон инвестирования, идентификацию факторов экономического роста, образование промышленно-строительного кластера. Социально-экономическая ситуация в результате его реализации должна заметно улучшиться.

Примечательно, что инерционный вариант развития (X_3) тоже получил довольно высокую оценку приоритетности (0,260). Это объясняется тем, что основная часть жилищного фонда Мурманской области была построена в 1946–1995 гг., 19% жилья сильно изношены и требуют капитального ремонта или реконструкции, а часть – сноса [Терешко, 2018]. Инерционный сценарий позволит обеспечить сохранение и модернизацию имеющегося

строительного комплекса региона, которая необходима не только с точки зрения населения, но и органов региональной власти. В отличие от инвестиционного сценария развития, инерционный сценарий не предполагает разработку долгосрочных целевых программ с целью создания нового, подразумевается сохранение и поддержание конкурентных преимуществ имеющейся в регионе инфраструктуры городской среды. Следовательно, данный сценарий должен способствовать сохранению стабильного социально-экономического положения посредством реализации краткосрочных целей.

Заключение

На основе макро-(PEST) и микро-(SWOT) анализа мы выявили факторы, определяющие развитие строительного комплекса Мурманской области в перспективе двух-трех лет, а также возможные альтернативы (пути) его развития: энергосырьевой, инвестиционный и инерционный. Оценка этих сценариев X_1 , X_2 и X_3 с использованием иерархической модели выбора альтернатив показала, что каждый из них друг друга дополняет, и ни один не может быть исключен при стратегическом планировании развития строительного комплекса. При этом метод МАИ помог определить весовые коэффициенты для каждого сценария развития, что необходимо учитывать при планировании. Это позволяет рассматривать его как удобный и наглядный инструмент оценки в дальнейшем, в ходе реализации выбранного сценария стратегического развития строительного комплекса региона.

Литература

Андрейчиков А.В., Андрейчикова О.Н., Табунов Е.В., Фирсов Ю.А., Лелянова С.В. Нечеткие методы выбора стратегий инвестирования инновационных процессов // Экономика и предпринимательство. 2015. № 7(60). С. 677–681.

Бездуная А.Г., Краюхин Г.А., Смирнов Р.В. Выбор стратегии развития субъектов РФ на основе рейтинговой оценки уровней регионального инновационного развития // Проблемы современной экономики. 2018. № 2 (66). С. 170–174.

Белых Т.В. и др. Факторы устойчивого развития регионов России. Монография. Книга 19. Новосибирск: Издательство ЦРНС. 2015. 168 с.

Гресько А.А., Солодухин К.С. Нечетко-множественная многопериодная модель выбора стратегий взаимодействия организации с группами стейкхолдеров на основе детерминированного эквивалента // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. № 3 (20). С. 115–118.

Демидова Е. О. Разработка стратегических сценариев развития для формирования бизнес-стратегий // Российское предпринимательство. 2011. № 3–1. С. 39–43.

Заренков В. А. Проблемы развития строительных компаний в условиях российской экономики. М.: Стройиздат, 1999.

Ильин И. В., Зайченко И. М. Выбор стратегии развития предприятия на основе метода анализа иерархий // Наука и бизнес: пути развития. 2017. № 1(67). С. 29–36.

Какадунова Т. В., Мешалкин В. П. Выбор инновационной стратегии развития регионального промышленного комплекса // Транспортное дело России. 2011. № 3. С. 93–96.

Корнилов Д. А., Первышин М. Н., Корнилова Е. В. Выбор предпочтительного варианта потребительского инвестирования на основе метода анализа иерархий (МАИ) // Иннов: электронный научный журнал. 2016. № 4 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-predpochtitelnogo-varianta-potrebitelskogo-investirovaniya-na-osnove-metoda-analiza-ierarhiy-mai> (дата обращения: 04.03.2020).

Кулеи В. А. Использование морфологического анализа в механизме стратегического выбора предприятия // Экономика, социология и право. 2014. № 1. С. 54–57.

Курнышев В. В., Глушкова В. Г. Региональная экономика. Основы теории и методы исследования: учебное пособие / В. В. Курнышев, В. Г. Глушкова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2016. 280 с.

Михайлова О. П. Методы маркетинговой диагностики внешней среды промышленного предприятия в контуре стратегического управления // Бюллетень Оренбургского научного центра УрО РАН. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-marketingovoy-dagnostiki-vneshney-sredy-promyshlennogo-predpriyatiya-v-konture-strategicheskogo-upravleniya> (дата обращения: 04.03.2020).

Назарычев М. Ю. Экспертно-статистический метод выбора стратегии развития многопрофильного предприятия // Транспортное дело России. 2012. № 6–1. С. 240–244.

Романенков Ю. А., Вартамян В. М., Зейниев Т. Г. Оптимизационный механизм выбора стратегий повышения конкурентоспособности организации // Радиоэлектронные и компьютерные системы. 2014. № 4. С. 150–156.

Сабурова М. М., Чернышев И. В. Проблемы и перспективы развития строительной отрасли в регионе (на примере Ульяновской области) // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. № 2 (437). С. 254–265.

Савенкова Е. А., Симкачев С. А., Тихомиров М. В. Экспертная методика выбора критериев оценки развития физической культуры и спорта в субъектах РФ // Вестник спортивной науки. 2010. № 4. С. 37–41.

Сахаутдинова Э. Р. Математическая модель выбора стратегии развития организации по многим критериям // Открытое образование. 2010. № 4. С. 118–123.

Скуфьина Т. П. Социально-экономическое развитие Мурманской области: динамика, закономерности, регулирование: монография / Т. П. Скуфьина, Е. Е. Торопушина, С. В. Баранов. Апатиты, КНЦ РАН, 2017. 124 с.

Сосунова Л. А., Тойменцева И. А. Экономико-математические методы выбора оптимальной стратегии управления предприятиями сферы услуг // Математические и инструментальные методы экономики. 2011. № 4(77). С. 259–264.

Теняков И. М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество. Монография. Издательство: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 2016. 176 с.

Терешко Е. К. Модернизация строительного комплекса Арктического региона // Молодежный научный вестник. 2018. № 6(31). С. 134–144.

Фурсов В. А., Петрушина С. А., Токарь А. С. Методика выбора конкурентной стратегии организации // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2008. № 1. С. 114–118.

Цыгалов Ю. М., Ординарцев И. И. Методы выявления стратегических альтернатив развития организации // Управленческое консультирование. 2016. № 4 (88). С. 176–185.

Saaty T. L. Fundamentals of the Analytic Hierarchy Process. RWS Publications, 4922 Ellsworth Avenue, Pittsburgh, PA 15413, 2000. 478p.

Статья поступила 01.04.2020.

Статья принята к публикации 24.04.2020.

Для цитирования: *Терешко Е. К., Гутман С. С.* Выбор сценария развития строительного комплекса Мурманской области // ЭКО. 2020. № 8. С. 141–163. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-141-163.

Summary

Tereshko, E., Gutman, S., PhD in Econ., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg

Selection of a Preferable Scenario for Developing the Murmansk Region Construction Complex

Abstract. Selecting and evaluating a preferable scenario for development of the region's construction complex is a key step in the strategic planning system. The paper analyzes the industry situation of the construction market development in the Murmansk region using PEST- and SWOT-analysis. Factors that have high importance for development of the construction complex are identified: 1) the presence of a strong regulatory framework governing the sector; 2) the pace of development of the industry in the region; 3) the level of development of business structures in the construction industry of the region; 4) the level of population migration to other regions of the Russian Federation; 5) the degree of coverage of the region's territories by the Internet. The following key scenarios for strategic development of the construction complex of the Murmansk region are defined: 1) the energy resource development option; 2) the investment development option; 3) the inertia development option. A mechanism for selecting and evaluating the best scenario using the hierarchy analysis method has been carried out, the results of which have shown that it is advisable to use a combined scenario of strategic development on the territory of the studied region.

Keywords: *Murmansk region; regional construction complex; strategic development; industry development; SWOT-analysis; PEST-analysis; hierarchy analysis method*

References

- Andrejchikov A.V., Andrejchikova, O.N., Tabunov, E.V., Firsov, Yu.A., Lelyanova, S.V. (2015). Fuzzy methods for choosing investment strategies for innovative processes. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. No. 7 (60). Pp. 677-681. (In Russ.).
- Bezudnaya, A.G., Krayuhin, G.A., Smirnov, R.V. (2018). Choosing a strategy for the development of Russian regions based on a rating assessment of regional innovation development levels. *Problemy sovremennoj ekonomiki*. No. 2 (66). Pp. 170-174. (In Russ.).
- Belykh, T.V., et al. (2015). *Factors of sustainable development of Russian regions*: monograph. Book 19. / T. V. Belykh, T. A. Brachun, E. V. Zabuga, etc. Novosibirsk, CRNS Publishing house. 168 p. (In Russ.).
- Cygalov, Yu.M., Ordinarcev, I.I. (2016). Methods to identify strategic alternatives of development of the organization. *Upravlencheskoe konsultirovanie*. No. 4 (88). Pp. 176-185. (In Russ.).
- Demidova, E.O. (2011). Development of strategic development scenarios for the formation of business strategies. *Rossijskoe predprinimatel'stvo*. No. 3-1. Pp. 39-43. (In Russ.).
- Fursov, V.A., Petrushina, S.A., Tokar', A.S. (2008). Methods of choosing a competitive strategy of an organization. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. No. 1. Pp. 114-118. (In Russ.).
- Gres'ko, A.A., Solodukhin, K.S. (2017). Fuzzy-multiple multi-period model for choosing strategies for interaction between an organization and stakeholder groups based on a deterministic equivalent. *Azmut nauchnyh issledovanij: ekonomika i upravlenie*. No. 3 (20). Pp. 115-118. (In Russ.).
- Il'in, I.V., Zaychenko, I.M. (2017). Choosing an enterprise development strategy based on the hierarchy analysis method. *Nauka i biznes: puti razvitiya*. No. 1(67). Pp. 29-36. (In Russ.).
- Kakatonova, T.V., Meshalkin, V.P. (2011). Choosing an innovative strategy for the development of a regional industrial complex. *Transportnoe delo Rossii*. No. 3. Pp. 93-96. (In Russ.).
- Kornilov, D.A., Pervyshin, M.N., Kornilova, E.V. (2016). Choosing the preferred option for consumer investment based on the hierarchy analysis method (MAI). *Innov: elektronnyj nauchnyj zhurnal*. No. 4 (29). (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-predpochtitelnogo-varianta-potrebitelskogo-investirovaniya-na-osnove-metoda-analiza-ierarhiy-mai> (accessed 04.03.2020).
- Kulesh, V.A. (2014). The use of morphological analysis in the mechanism of strategic choice of the enterprise. *Ekonomika, sociologiya i pravo*. No. 1. Pp. 54-57. (In Russ.).
- Kurnyshev, V.V., Glushkova V.G. (2016). *Regional economy. Basic theory and research methods: study guide* / V.V. Kurnyshev, V.G. Glushkova. 3rd ed., Rev. and extra. Moscow. KNORUS Publ., 280 p. (In Russ.).
- Mihaylova, O.P. (2015). Methods of marketing diagnostics of the external environment of an industrial enterprise in the contour of strategic management. *Byulleten' Orenburgskogo nauchnogo centra UrO RAN*. No. 3. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-marketingovoy-diagnostiki-vneshney>

sredy-promyshlennogo-predpriyatiya-v-konture-strategicheskogo-upravleniya (accessed 04.03.2020).

Nazarychev, M. Yu. (2012). Expert-statistical method of choosing a strategy for the development of a multi-profile enterprise. *Transportnoe delo Rossii*. No. 6–1. Pp. 240–244. (In Russ.).

Romanenkov, Yu.A., Vartanyan, V.M., Zeyniev, T.G. (2014). Optimization of the selection mechanism of strategies to improve the competitiveness of the organization. *Radioelektronnye i komp'yuternye sistemy*. No. 4. Pp. 150–156. (In Russ.).

Saaty, T.L. (2000). *Fundamentals of the Analytic Hierarchy Process*. RWS Publications, 4922 Ellsworth Avenue, Pittsburgh, PA 15413. 478p.

Sahautdinova, E.R. (2010). Mathematical model of a choice of strategy of development of the organization according to many criteria. *Otkrytoe obrazovanie*. No. 4. Pp. 118–123. (In Russ.).

Saburova, M.M., Chernyshev, I.V. (2017). Problems and prospects of development of the construction industry in the region (on the example of the Ulyanovsk region). *Regional economy: theory and practice*. Vol. 15. No. 2 (437). Pp. 254–265. (In Russ.).

Savenkova, E.A., Simkachev, S.A., Tihomirov, M.V. (2010). Expert methodology for selecting criteria for evaluating the development of physical culture and sports in the subjects of the Russian Federation. *Vestnik sportivnoj nauki*. No. 4. Pp. 37–41. (In Russ.).

Skuf'ina, T.P. (2017). Socio-economic development of the Murmansk region: dynamics, regularities, regulation: monograph / T.P. Skuf'ina, E.E. Toropushina, S.V. Baranov. Apatity, *KNC RAN*. 124 p. (In Russ.).

Sosunova, L.A., Toymenceva, I.A. (2011). Economic and mathematical methods for choosing the optimal strategy for managing enterprises in the service sector. *Matematicheskie i instrumental'nye metody ekonomiki*. No. 4 (77). Pp. 259–264. (In Russ.).

Tereshko, E.K. (2018). Modernization of the construction complex of the Arctic region. *Molodezhnyy nauchnyy vestnik*. No. 6(31). Pp. 134–144. (In Russ.).

Tenyakov, I.M. (2016). *Modern economic growth: sources, factors, quality: monograph*. Moscow, Publishing House: Moscow state University named after M.V. Lomonosov. 176 p. (In Russ.).

Zarenkov, V.A. (1999). *Problems of development of construction companies in the Russian economy*. Moscow. Stroizdat. (In Russ.).

For citation: Tereshko, E., Gutman, S. (2020). Selection of a Preferable Scenario for Developing the Murmansk Region Construction Complex. *ECO*. No. 8. Pp. 141–163. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-141-163.

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-164-192

«Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства

С. А. КРАСИЛЬНИКОВ, доктор исторических наук. E-mail: krass49@gmail.com
Институт истории СО РАН, Новосибирск

Аннотация. В публикации обосновывается междисциплинарный подход к изучению аппаратных «чисток» в СССР времени «Великого Перелома» в контексте изучения системного кризиса легитимности институтов партийной власти в их взаимоотношениях с базовыми группами социума. Основная цель управленческой «генеральной чистки» состояла в сохранении во власти ее «корпоративного ядра» олигархического типа (охранительная функция) средствами социально-политической мобилизации конфронтационного типа, когда вовлечение новых групп из доктринальной для власти социальной основы («орабочивание», «выдвиженчество») в сферу управления одновременно сопровождалось изъятиями из нее так называемых «бывших» – чуждых, старых спецов. Тем самым проблематичной оказывалась как официально провозглашенная цель (повышение уровней управленческой эффективности власти и ее социальной легитимности), так и скрытая (консолидация собственного бюрократического ядра власти обесценивалась высокой текучестью, кадровым «отсевом»). Конфликт принципов доктринальности и прагматизма в ходе «генеральной чистки» подрывал ее эффективность как антикризисного действия.

Ключевые слова: «генеральная чистка» госаппарата; кризис легитимности власти; доктринальность; прагматизм; охранительность; социально-политическая мобилизация

«Когда чистили, было как-то весело, а когда надо следить за повседневной работой аппарата, то это уже не то».

Из выступления Г. К. Орджоникидзе на XVI съезде партии об участии рабочих в кампании «чистки»

Проблемная ситуация

Организованная «сверху» государством и «поддержанная снизу» путем вовлечения значительных слоев рабочих и служащих процедура проверки аппаратов управления всех уровней, получившая название «Генеральной чистки», осуществлялась

с лета 1929 г. до начала 1933 г. «Чистка» велась с различной интенсивностью, затронув, по приблизительным оценкам, до 2 млн работников сфер управления, из них 200 тыс. «вычистили» [Морозов, Портнов, 1964. С. 139–140].

Официально возложенная на аппарат Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) госпроверка управленческих кадров проводилась подчеркнуто публично, с привлечением к работе комиссий представителей рабочих бригад, с персональными «чистками» служащих на открытых собраниях с участием в них рабочих тех предприятий, которые осуществляли «шефство» над конкретными учреждениями.

Согласно регламенту, не прошедшие процедуру проверки служащие делились на три учетные категории: лица, зачисленные в первую категорию, подлежали немедленному увольнению без права заниматься какой-либо деятельностью в сфере управления; оказавшиеся во второй категории также увольнялись с работы, но могли быть приняты в других организациях без права занятия руководящих должностей; отнесенные к третьей категории могли быть оставлены в тех же учреждениях с понижением в должности. Помимо этого, по результатам проверки кадрового состава часть служащих, сохранивших свои должности, получала взыскания по служебной, а члены партии – по партийной линии.

В литературе отмечается, что увольнениям или понижениям в должности по трем названным категориям подверглось примерно 11% общего состава прошедших проверку аппаратных служащих. Еще 3% вышли из нее с выговорами. Следовательно, в целом каждый седьмой работник оказался стигматизирован в той или иной мере [Соколов, 1992. С. 165–185]. «Вычищенные» сотрудники замещались более «надежными» кадрами как внутри самих учреждений, так и путем перехода части рабочих с производства в управленческую сферу, что получило наименование «орабочивания» аппарата или «выдвиженчества».

В этой работе рассматривается, как рутинная процедура проверки управленческих кадров трансформировалась в крупномасштабную социально-политическую мобилизационную кампанию и оказалась частью событий «Великого Перелома».

Феномен и практики инициированных партийным государством в постреволюционный период в советской России/СССР всевозможных проверок, названных на новоязе «чистками»,

прочно закрепился в стереотипах массового сознания современников и превратился в устойчивую идеологему для описания советской исторической наукой процессов и событий борьбы и преодоления «чуждых социализму явлений».

В художественной литературе раннесоветской эпохи благодаря таланту таких блестящих сатириков, как И. Ильф и Е. Петров, П. Романов, М. Зощенко, прекрасно отражены восприятие и реакция на «чистки» различных слоев общества, но прежде всего, многочисленного «служилого люда». «Чистки» становились частью повседневности для сотен тысяч людей, разделившихся на «прочищенных» (выдержавших, прошедших данные процедуры) и «вычищенных». Сатирики очень точно зафиксировали преобладание у современников отрицательной коннотации данного термина, чреватого, как минимум, ощущением повышения уровня социальной напряженности и конфронтационности в обществе.

Иную коннотацию (сугубо позитивную, как государственную и социальную необходимость) феномен «чистки» получил в советских исторических исследованиях, прежде всего в работах, посвященных истории органов рабоче-крестьянской инспекции. В них подчеркивалось функциональное назначение государственной проверки кадров сфер управления: повышение эффективности деятельности аппарата путем исключения из рядов служащих лиц, не соответствовавших профессиональным и квалификационным требованиям. На основе количественных данных о прошедших проверку, «вычищенных» и «выдвиженцах» делался качественный вывод об успешности кампании.

Историки интеллигенции рассматривали «генчистку», как правило, в позитивном аспекте, в контексте как динамики статуса специалистов, работавших в сферах управления, так и специфического источника нового пополнения интеллигенции «снизу» («практики», «выдвиженцы»). При этом делались ремарки о том, что обвинения специалистов во вредительстве «носили порой огульный характер», а «выдвиженчество» не относилось к базовым каналам формирования «новой» интеллигенции. Более политизированными были оценки историков рабочего класса, которые рассматривали «генчистку» как мощный фактор «орабочивания и коммунизирования» сферы управления в СССР, а форсированное «выдвиженчество» из рабочей среды в управленческие структуры – как доказательство ведущей роли рабочего класса в советском обществе.

В постсоветский период проблемное поле исследования «генчистки» заметно изменилось. Феномен «чисток» раннесоветской эпохи ныне рассматривается в контексте формирования тоталитарной системы, как один из инструментов утверждения сталинского режима, что приводит к смене оценочных суждений данного явления с позитивных на негативные. В формате социальной истории исследователи переносят акцент на изучение природы и причин «генчистки», включая в число аспектов поведенческие позиции и тактики ее участников (от организаторов до служащих и вовлеченных в кампанию рабочих) [Киселева, 2009].

В контексте истории интеллигенции «генчистка» ныне трактуется как кампания, направленная на форсированное и дискриминационное вытеснение из сферы управления профессионалов старой школы новой генерацией из разряда «рабфаковцев», «выдвиженцев», «практиков») [Волков, 1999]. Феномен «выдвиженчества» также проходит стадию переосмысления с анализом противоречий в нем между доктринальными принципами и рациональностью адаптации рабочих к управленческой деятельности [Фельдман, 2020].

«Чистка»: что не так с этим и другими базовыми понятиями эпохи

Вырабатывая подходы к данному феномену, прежде всего, следует определиться с ключевым понятием «чистка». Почему для нас принципиально важно его закавычить? В качестве характеристики социального восприятия и действия данный термин подвергается деформации, теряя свою однозначность и позитивную коннотацию, ибо как действие обязательно включает в себя меры дискриминации, сегрегации, где позитивно обозначенная цель сопровождается искажающими ее средствами. Возникает некая переходная ситуация в понятийном аппарате историка, изучающего советскую эпоху, когда работа сопровождается немалым количеством закавыченных выражений того времени, однако это более приемлемо, нежели употребление советских идеологом с сохранением их форм и смыслов.

Сказанное выше относится и к таким укоренившимся в научной литературе терминам раннесоветской эпохи, как «орабочивание» и «выдвиженчество». Под «орабочиванием», очевидно, следует понимать политику и практику власти, направленную

на утверждение собственной легитимности в рабочей среде. Она осуществлялась путем предоставления преференций отдельным категориям рабочих по происхождению, роду деятельности (молодежь, члены партии и др.) для повышения социального статуса в различных сферах деятельности («выдвиженцы» в аппаратные структуры, «рабфаковцы» в специальном образовании, «рабочая аспирантура» в науке и т.д.).

«Орабочивание» имело двойное назначение, выполняя как функцию компенсаторного характера для снятия противоречия между пропагандой роли рабочих как класса-гегемона и его реальным положением наемного работника на производстве, так и выступая «ударным» мобилизационным инструментом для вытеснения, изъятия из различных сфер деятельности воспринимавшихся властью «чуждыми» непролетарских групп.

В этом случае «выдвиженчество» выполняло функцию замещения части аппаратных служащих не по профессиональным, а по идеологическим, доктринальным принципам. Причем для самих организаторов кадровых кампаний изначально было ясно, что ни всеобщее «орабочивание», ни «выдвиженчество» не могли быть достижимы в своих провозглашаемых лозунговых целях, а служили именно мобилизационно-пропагандистским ресурсом для государства.

Добавим также, что и с точки зрения «бесстрастной» социальной мобильности, рабочие, перемещаясь в более высокие страты, отнюдь не «пролетаризировали» служащих, студенчество, ученых и состав других корпоративных групп. При благоприятном исходе они оказывались их частью, но в не меньшей и даже в большей степени, маргинализировались, становились кадровым «отсевом».

«Чистки» как индикатор кризиса легитимности раннесоветского режима

В советских историко-политических исследованиях традиционно считалось, что легитимность советской государственности утвердилась в результате Гражданской войны, по окончании которой существовал некоторый переходный период (1920-е гг., НЭП). Хотя и случались всевозможные кризисы (экономические, внутрипартийные, социальные и другие), фундаментальных основ партийной государственности они не затрагивали, а завоеванные,

по выражению В. И. Ленина, «командные высоты» властью только укреплялись.

Однако, если рассматривать данную проблему не в узко государственном, институциональном контексте (смешивая ее с понятием правовой легальности, которая обеспечивалась и подкреплялась самой властью), а расширить анализ, понимая под легитимностью власти уровень доверия/недоверия, признания/непризнания, поддержки/отторжения институтов власти населением, основными социальными слоями общества, тогда проблема предстает в ином измерении. Мы найдем немалое число подтверждений именно кризисов легитимности власти, то есть снижения степени поддержки и одобрения ее действий со стороны основных групп населения раннесоветского общества.

Среди исследователей наиболее последовательно данную концепцию выразила работающая в США историк Ольга Великанова, опубликовавшая в 2013 г. свою монографию «Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х гг.», ее русский перевод вышел в 2017 г. [Великанова, 2017]. Проанализировав реакцию групп населения раннего СССР на государственные мобилизационные кампании и, прежде всего, две базовые из них в 1927 г. («военная тревога», связанная с возможной военной интервенцией против СССР и празднование 10-летия Октябрьской революции), она пришла к выводу о глубоком кризисе легитимности большевистской власти, падении ее авторитетности в том числе среди собственной опоры (внутрипартийные и внутриэлитные разногласия, разложение внутри управленческих звеньев, рост выходов из членства в партийно-комсомольских организациях, нарастание напряженности в социально-трудовых отношениях на производстве, значительность масштабов забастовочного движения и др.), не говоря уже о кризисе взаимоотношений с основной массой крестьянства. Глубина и масштабы «размычки» между социальными «низами» и номенклатурными «верхами» вела к осознанию последними поиска путей для сохранения своих «командных высот».

В контексте вышесказанного необходимо определить роль и функции аппаратной «генеральной чистки» как антикризисной программы власти по повышению собственной дееспособности в условиях неустойчивости кредита общественного доверия. Воспользовавшись подходами социологии и квалифицируя

«генчистку» как большое социальное действие, следует выявить обстоятельства, причины, его вызвавшие, акторов действия с их мотивами, поставленными целями, привлекаемыми для их осуществления ресурсами, определить целевые группы действия (сторонников, союзников, противников), динамику событий и достижимость ожидаемых результатов.

Рабочая гипотеза

«Генчистка» аппаратов государственного управления и связанных с ними общественных органов (кооперативных, прежде всего), осуществлявшаяся перманентно с лета 1929 по 1932 гг. параллельно с аналогичной «чисткой» партийных рядов, стала примером экстраординарной по своим масштабам и характеру социально-политической мобилизацией кадров. Она имела сложное целеполагание (сочетание открытых целей и скрытых намерений), носила демонстративно открытый (в отличие от предыдущих «кабинетных чисток») характер с привлечением значительных слоев рабочих, низовых групп служащих, с опорой на конфронтационные механизмы (с приоритетом выявления в аппаратах управления так называемых чуждых элементов). «Чистка» имела многоаспектные причины и последствия, которые в социологии трактуются по Р.К. Мертону, «непреднамеренными последствиями преднамеренных социальных действий» [Мертон, 2009]. Выдвинем ряд положений, которые могут быть обоснованы в ограниченных рамках журнальной публикации.

Кадровая «чистка» имела своим основным предназначением не столько качественное улучшение деятельности аппаратных структур (хотя это и провозглашалось, наряду с кадровым «оздоровлением»), сколько сохранение у власти его «корпоративного ядра» олигархического типа путем управляемой сменяемости/ ротации одних групп другими. Повышение уровня легитимности этой кампании обеспечивалось путем вовлечения в нее групп из доктринальной социальной основы – рабочих – с перенаправлением основного потенциала деятельности акторов на изъятие из сферы управления так называемых «бывших», социально чуждых, вредителей, то есть, по сути – в русло удовлетворения настроений социального реванша «низов».

С данных позиций «генчистка» была полезной для «верхов» и должна была приобрести определенную привлекательность

для «низов» в свете широко распропагандированной кампании «орабочивания» госаппарата и служить подтверждению легитимности власти как государства «диктатуры пролетариата». Масштабность и нацеленность на одновременное осуществление задач, находившихся в противоречии друг с другом (улучшение качества аппаратной деятельности путем изъятия части квалифицированных работников с замещением их «выдвиженцами»), создавали очевидные риски для всех участников «чистки».

Рабочие-«выдвиженцы», мобилизованные для работы в статусе служащих в низших, прежде всего, звеньях госаппарата, оказывались частично или полностью в маргинальном положении, становясь впоследствии частью очередного аппаратного «отсева». Риски возникали для специалистов, работавших в различных аппаратных звеньях, поскольку «генчистка» пришлась на пик кампании борьбы с «вредительством» и сопровождавшей ее атмосферы интеллигентофобии («спецедействия»). Для немалой части из них «чистки» становились прологом последующих репрессий (массовые аресты тысяч специалистов в корпоративных группах – научно-техническая, аграрная, военно-командная и др.). Для верхнего слоя управленческой корпорации – партийно-государственной номенклатуры – существовал риск снижения эффективности деятельности из-за «вымывания» квалифицированного ядра служащих и их замещения малограмотными «выдвиженцами» в условиях возрастания масштабов и усложнения управленческой деятельности.

Г. К. Орджоникидзе о «генчистке» летом 1930 г.

Аппаратная «генчистка», начавшаяся как кампания с лета 1929 г., носила, используя терминологию эпохи, «перманентный» характер. Информация о ее ходе поступала и была сосредоточена в Центральную контрольную комиссию (ЦКК) Наркомата РКИ¹, поскольку он был в то время соединен с ЦКК ВКП(б). Делегаты проходившего летом 1930 г. XVI съезда партии получили сжатую информацию о промежуточных результатах «чистки» из выступления руководителя данной структуры Г. К. Орджоникидзе. Последний, будучи опытным оратором, выстроил сообщаемую

¹ Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин, РКИ) – система органов власти, занимавшаяся вопросами государственного контроля в 1920–1934 гг.

информацию в той логической последовательности, которая подтверждала как необходимость данной меры, так и ее своевременность, осветил методы проведения и предварительные итоги годичной работы.

Помимо значения «генчистки» для улучшения эффективности работы аппарата, Орджоникидзе отмечал ее роль в борьбе с «вредительством спецов», в решении задач «орабочивания и коммунизирования» состава управленцев путем масштабного вовлечения в сферу управления рабочих (кампании шефства заводов над наркоматами и ведомствами, «выдвижение» части рабочих в ряды служащих). Другим важнейшим показателем влияния «генчистки» на качество аппаратной деятельности Орджоникидзе называл ранее начатую работу по сокращению численности госаппарата и уменьшению расходов на его содержание.

По оценке Орджоникидзе, на момент начала «генчистки» высший управленческий персонал (руководство центральными и республиканскими наркоматами и ведомствами) был «наш» (76% из коммунистов и 30–40% из рабочих). В другом управленческом звене (руководство промышленными предприятиями) насчитывалось также 76% коммунистов, а по социальному составу доля рабочих достигала 53%. Но переходя к оценкам состава «оперативно-руководящего персонала», Орджоникидзе сообщал уже «тревожные» цифры: в управлении промышленным производством доля коммунистов составляла 24,6%, рабочих – 17%. Еще ниже доля указанных групп оказывалась среди научных работников и специалистов «без административных функций» – 7,5 и 9,8% соответственно². В течение первого года «генчистку» прошли 454 тыс. служащих, из которых работы лишились около 50 тыс. человек (11%). Структурно по категориям «чистки» это дало следующие результаты: 1-я категория – 11 тыс. чел.; 2-я – 21 тыс.; 3-я – 13 тыс.; вне категории – 4 тыс. чел. Помимо этого, 6 тыс. чел. получили служебные взыскания³.

Г.К. Орджоникидзе отдавал себе отчет в том, что сошедшиеся в одном временном пространстве 1930 г. процессы качественного улучшения управленческого аппарата, по сути, парализуются,

² XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Государственное издательство, 1930. С. 316.

³ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 318.

поглощаются, сводятся на нет стремительным ростом новых органов низших и средних уровней в сферах экономики. В своем дальнейшем выступлении с цифрами и фактами в руках он наглядно показал, что создаваемая форсированным образом колхозно-совхозная система, требующая десятков тысяч новых управленческих мест на низовом и среднем уровнях, уже дает громадный рост расходов на их содержание.

Говоря об этом, он упомянул, что в ряде регионов годовое содержание аппаратов этой системы различных уровней в расчете на одного колхозника оказывается порой в несколько раз выше, чем средний налог на одно крестьянское хозяйство: «Нам нужно, по крайней мере, на 50% сократить эти расходы; в противном случае это будет лучшей агитацией против колхозного движения»⁴. Сказанное им служило признанием того, что аппаратная «чистка», длившаяся уже год, обрекалась на свое «перманентное» продолжение и в последующие годы, что и подтвердилось на практике в течение всех 1930-х гг.

В исследовательской модели изучения механизмов непреднамеренных последствий преднамеренных социальных действий американский социолог Р.К. Мертон в ряду нескольких базовых факторов, порождавших наиболее значительное отклонение результатов от запланированной цели, называл господствовавший у акторов императив ближайшего интереса (осуществить действие «здесь и сейчас») [Мертон, 2009. С. 13]. Следовательно, необходимо рассматривать феномен «генчистки» не сам по себе, а в контексте других целей, в достижении которых власть была не менее, а, возможно, и более заинтересована, начиная кампанию «чистки».

Речь идет о социально-политических факторах, превращавших «генчистку» в важный идеологический инструмент: это широко использовавшиеся в пропаганде идеолого-доктринальные представления о советском режиме как государстве «диктатуры пролетариата», которые требовали практического подтверждения в форме осуществления «орбочивания, коммунизирования и выдвиженчества». «Генчистка здесь оказывалась как нельзя более актуальной в качестве «моста» между пролетариатом и государственностью от его имени, своего рода компенсаторного

⁴ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 319.

механизма: обеспечить пролетариям причастность к управленческим структурам, получив при этом императивный «мандат» контроля над бюрократией.

Отсюда – массовость «шефства» крупных предприятий над наркоматами и ведомствами в ходе «чистки» в Москве, над аппаратными структурами в Ленинграде, в краевых и областных центрах. Это подразумевало организацию и деятельность проверочных рабочих бригад на период «чистки» госаппаратных структур, проведение персональных «чисток» служащих того или иного учреждения на открытых собраниях в присутствии сотен работников «шефствовавшего» над ним промышленного предприятия, где настроения пусть и иллюзорного социального реванша рабочих над «бюрократами» находили свой выход и удовлетворение.

Сам Орджоникидзе понимал краткосрочность и постановочность (инсценировку) показной мощи «диктатуры пролетариата». Приводя, казалось бы, оптимистические цифры о росте «шефского» движения: «В феврале 1930 г. в 34 городах было 136 заводов, а теперь до 100 городов и 776 заводов охвачены шефством... по Москве участвуют в шефских бригадах свыше 3500 рабочих, в Ленинград по “Электросиле” – 700 рабочих и т.д.»⁵, он был вынужден констатировать: «Шефство – контроль рабочих над соваппаратом, который продолжает оставаться и после чистки. Нужно сказать, что налицо некоторое ослабление внимания со стороны шефов к подшефным учреждениям. Когда чистили, было как-то весело, а когда надо следить за повседневной работой аппарата, то это уже не то»⁶.

Говоря о формах влияния рабочих на деятельность госаппарата, Орджоникидзе не мог не затронуть такой ключевой аспект, как «выдвиженчество», то есть прямой инструмент «орабочивания» состава служащих. Здесь он осторожно указал на отличие нынешнего «вливания» пролетариев в аппаратную среду от прежней практики: «Если раньше брали рабочих и отправляли прямо в аппарат, о котором они не имели никакого представления, то теперь рабочий, принимая непосредственное участие в чистке соваппарата, знакомится со всей структурой,

⁵ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 317.

⁶ Там же.

и в процессе самой чистки уже выдвигаются те рабочие, которые потом остаются в аппарате».

Однако здесь же нарком признавался, что данный путь прямого «рабочивания» сферы управления не может быть ни масштабным («во время чистки выдвиженчество возросло, но... довольно в пустяковых размерах – с 2 до 6% к общему составу сотрудников»), ни определяющим в условиях форсированной модернизации производства («...оздоровить наш аппарат одним только выдвиженчеством с фабрик и заводов нам не удастся при таком громадном голоде в квалифицированной рабочей силе, который сейчас имеется. Ведь надо влить в аппарат, по крайней мере, 2–3 сотни тысяч выдвиженцев. Что надо сделать? По-моему, необходимо в большем количестве отправлять в аппарат детей рабочих из наших учебных заведений»). Голоса: «Правильно!». Аплодисменты)⁷.

Сибирский размер: Красноярский цирк как место событий. Далее везде

Выше отмечалось, что придав «генчистке» масштабы массовости и публичности, руководство страны расчетливо переводило возраставшую в обществе социальную напряженность в русло сведения счетов с прошлым и ее носителями, так называемыми «бывшими», значительная часть которых в силу достаточного уровня культурности и образования оказалась занятой в управленческой сфере.

Исследователи данной проблематики указывают, что при публичных «чистках» любое упоминание, например, об офицерском прошлом проверяемого «спеца» вызывало негативную реакцию рабочей аудитории. «Враждебность масс к прошлым людям» без учета опыта и качества их работы была отмечена в отчете Красноярской окружной комиссии по «чистке» (октябрь 1929 г.), где подчеркивалось также, что эти настроения оказали негативное влияние на работу комиссии, так как «многих оценивали с прошлой стороны и меньше уделялось внимания качеству их работы». На нескольких «открытых собраниях» во время «чистки» Красноярского окрфинотдела, проходивших в цирке,

⁷ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 317.

присутствовало, по данным Красноярской комиссии, свыше 5 тыс. чел. (в том числе около 2 тыс. рабочих, 2 тыс. служащих)» [Пыстина, Голиков, 2004. С. 192].

Безусловно, сами по себе «показательные собрания» являлись лишь демонстрацией «народного участия» в антибюрократической кампании, кульминационным, постановочным моментом. Основную рутинную работу внутри учреждений, длившуюся в краевых органах Сибири до двух месяцев, осуществляли проверочные бригады, включавшие в себя наряду с работниками РКИ, часть «надежных» сотрудников проверяемых организаций. При этом не менее $\frac{3}{4}$ в составе бригад должны были составлять рабочие предприятий, находившихся в ведении данных органов (скажем, заводов совнархозовского подчинения). В погоне за «охватом» трудящихся, вовлеченных в «чистку», в Новосибирске, например, использовались помещения рабочих клубов, вмещавшие несколько сотен человек.

Приведем цифры из итогового доклада комиссии по проверке работы аппарата Сибкрайсовнархоза (СКНХ) от 6 мая 1930 г. Сроки проверки – с февраля по апрель, т.е. три месяца. Обследование производилось пятью бригадами в составе 70 человек, куда помимо восьми сотрудников самой организации, десяти работников РКИ и профсоюзов, входили 52 рабочих промышленных предприятий. «Чистке» подверглись 170 служащих. Открытые заседания (20) проходили не только в стенах Крайсовнархоза: 11 из них с обязательным привлечением рабочих проводились в клубах предприятий; одно из них с участием 220 студентов состоялось в Химическом техникуме. Тем самым, считая участников проверочных бригад, данной кампанией оказалось «охвачена» 1 тыс. чел.

В отчете отмечалась та черта публичности и вовлечения рабочих в «чистку», которая проявлялась повсеместно: «Активность рабочих во время чистки отдельных лиц как общее правило была, но характер выступлений сводился к жесткой критике главным образом по причинам социально чуждого нам прошлого проверяемого, ибо таковых в аппарате СКНХ очень много. Мало рабочие касались (около 40% выступлений) настоящей работы проверяемого в аппарате по двум причинам, во-первых, потому, что сотрудники СКНХ не вскрывали недостатка проверяемого

с достаточной активностью, и во-вторых, потому что рабочие не знают работы и работников СКСНХ»⁸.

«Где был во время расстрела рабочих?»

В качестве «маленькой картинки для выяснения больших вопросов» (по Ленину) воспользуемся протоколом заседания комиссии по «чистке» Сибкрайсовнархоза от 7 марта 1930 г., где в присутствии 132 служащих СКНХ и 94 рабочих завода «Труд» обсуждался вопрос о деятельности инженера К. Н. Тульчинского. Константин Николаевич Тульчинский (1865–1939) – один из наиболее известных горных инженеров Сибири. С 1906 г. по 1918 г. работал на руководящих должностях в ряде горных округов в Восточной Сибири. Во время Ленских событий (март – апрель 1912 г.), будучи окружным инженером Витимского горного округа, пытался всеми средствами предотвратить кровопролитие (там, по различным оценкам, погибли не менее 150 чел., пострадали до 500 чел). Вел преподавательскую деятельность, в том числе в организованном им реальном училище г. Бодайбо. С декабря 1924 г. работал в Новониколаевске (Новосибирске) в Сибпромбюро, затем Сибкрайсовнархозе, занимался воссозданием органов горного надзора в Сибири.

Значительная часть обсуждения профессиональной деятельности Тульчинского в заседании велась вокруг событий 1912 г. Давая общую положительную характеристику деловым качествам инженера, представитель комиссии тем не менее отметил: «Указание в автобиографии Тульчинского К. Н. о том, что он был среди рабочих во время Ленского расстрела, является для Комиссии не доказанным». Приведем выдержки из дальнейшего обсуждения, которое имело неожиданный поворот (ниже публикуются наиболее острые вопросы (выделены нами курсивом – С.К.) к Тульчинскому и ответы последнего на них), а также выступления (выборочно):

«Где был во время расстрела рабочих?» Отвечает, что был в толпе рабочих. Очутился среди них потому, что узнав, что Терещенковым был дан приказ стрелять по рабочим, пошел к шедшим рабочим предупредить их не ходить в Приисковое управление.

⁸ Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции. Вып 2. (1929–1931 гг.). Сборник документов и материалов. Новосибирск, 2019. С. 326, 332.

Находясь среди рабочих, упрасивал их не ходить. В это время раздалась стрельба, было очень много убитых и раненых.

Как реагировал на применение в золото-промышленности частного капитала? О частнике Мухине тов. Тульчинский говорит, что в 1926 г. не было законов о недопущении частника в эксплуатацию богатств недр. Были законы, которые допускали частника в известных условиях к этому делу. Поэтому и был допущен частник Мухин, так как на тот участок, который был ему сдан, других претендентов не было.

За что был арестован Иркут[ским] ГПУ в 1929 г.? Отвечает, что был арестован согласно показаний в изданной книжке Григорьева о Ленских событиях, содержание которой тов. Тульчинский в отношении себя считает не верным.

Выступают:

Тов. Крестьянников (раб[очий] з-да «Труд»). Говорит, что во время Ленского расстрела он был там, подтверждает, что Тульчинский говорит правду. Он был действительно среди рабочих. Он сам видел Тульчинского тогда, когда последний уговаривал рабочих не идти в Прииск[овое] Управление, предупреждая о том, что ротм[истром] Терещенковым отдан приказ стрелять в рабочих. Указывает на то, что во время расстрела спаслись очень не многие рабочие[,] бывшие в логу и за сложенным лесом. Кто был на открытом месте, были убиты или тяжело ранены.

Тов. Беликова (работница завода «Труд»). Говорит, что она училась в Бодайбо тогда, когда там был Тульчинский. Она помнит его. Указывает, что Тульчинский тогда делал много добра рабочим, бедноте. Все его любили.

Тов. Щербачевич (чл. Комиссии). Указывает на то, что нельзя затушевывать поощрение частника. Факт этот имелся. Надо признать это ошибкой. Говорит, что Тульчинский в дальнейшей своей работе должен избегать отмеченных выше ошибок.

В заключительном слове тов. Тульчинский остановился на двух главных вопросах: об общественной работе и поощрении частника. Отвечая на первый вопрос, тов. Тульчинский сказал, что он не может по своему возрасту участвовать в общественной работе. Считает это делом молодых. Говорит, что он большую ценность может дать работа[я] как специалист и что поэтому он обращает сюда главное свое внимание. В отношении поощрения частника Мухина тов. Тульчинский ответил, что Мухину аренда

недр была сдана на основании бывших <тогда> законов Совправительства. Только сейчас этот закон аннулирован»⁹.

Даже данный в выдержках протокол заседания, где К. Н. Тульчинскому приходилось отвечать на заданные ему вопросы, стоя перед залом, вмещавшем более 200 чел., о своей практически безупречной 35-летней работе в области горного дела, передает напряженное состояние самого инженера, членов комиссии с их очевидным желанием найти прежде всего уязвимые точки в его биографии и практически неожиданное вдруг заступничество за заслуженного горняка со стороны рабочих завода «Труд», которое в процессе многомесячной кампании «чистки» можно квалифицировать как своего рода уникальное проявление солидарности рабочих с конкретным «буржуазным спецом». Тем не менее в дальнейшем его судьба оказалась вполне типичной. Хотя в мае 1930 г. К. Н. Тульчинский был признан «прошедшим чистку» (протокол комиссии по «чистке» от 11 мая 1930 г.), но в сентябре 1930 г. арестован, обвинен по ст. 58–7 УК РСФСР («вредительство»); приговорен 3 октября 1931 Коллегией ОГПУ на 3 года высылки в Минусинск. Вновь арестован в декабре 1937 г. как пособник царского режима. Умер во Владимирской тюрьме в 1939 г. Реабилитирован 13 июня 1989 г.¹⁰

Первый год сибирской «чистки»: цифры и факты

Как того требовала отчетность, к осени 1930 г. появились и цифры «охвата» кампанией привлеченных к работе проверочных комиссий трудящихся в городах и селах региона, выглядевшие внушительно – более 71 тыс. чел. Однако в это количество включалось около 30 тыс. чел., для которых участие в кампании было обязательным (члены партии, комсомола, профсоюзов и других структур). Учитывая, что к этому времени проверку прошли 93 тыс. служащих Сибири, окажется, что напрямую в комиссии оказывалась втянутой значительная масса людей, до 4/5 от численности проходивших «чистку» служащих. Что же касается показателей «охвата» мероприятиями кампании «массовки» открытых собраний, отчетные цифры говорят сами за себя: сделано на собраниях 30303 докладов, на публичных

⁹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-288. Оп.4. Д. 179. Л. 75–76 об.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-340. Оп. 1. Д. 15. Л. 244; URL: <http://irkpedia.ru/>.

мероприятиях присутствовало 1 792 736 чел., в органы РКИ поступило 26 279 жалоб и заявлений о работе служащих. При этом, как отмечалось в отчете Сибирской краевой комиссии по «чистке», «если к количеству поданных жалоб – 26 279 на недостатки работы аппарата прибавить 20% устных жалоб от числа выступавших в прениях на докладах, то окажется, что за время проверки и чистки поступило окружным проверочным комиссиям на недостатки аппарата и его личный состав не менее 69 000 жалоб, т.е. столько же жалоб, сколько их поступило за два года в бюро жалоб СибКК-РКИ и окружных РКИ»¹¹.

При подведении общих итогов первого года «генчистки» в отчете Краевой комиссии отмечалось, что проверке в Сибирском крае на 1 сентября 1930 г. подверглось 93 142 чел., в том числе 20 234 служащих краевого и окружного аппарата. Всего «вычищенных» по трем категориям оказалось 8 448 чел. (9,1% от численности проверенных), из них по первой категории – 1 483 чел. (17,7%), по второй – 3 290 (38,8%), по третьей – 3 675 чел. (43,5%)¹².

Акцент делался на том, что в ходе «чистки» службы лишились 90% из числа тех, кто еще до начала кампании относился к учетной группе «чуждых», подчеркивая тем самым, что основной удар был нанесен по самой «опасной» категории служащих. Фактически же масштабы дискриминации этим не ограничивались, поскольку дополнительно к ним комиссиями выносились решения о взысканиях тем, кто даже прошел процедуру проверки. Внутри учреждений проводились должностные перемещения с понижением («по несоответствию своему назначению»), часть служащих «отводились» с выборных должностей и т.д. Поэтому, как считают специалисты, дискриминационные меры в Сибири могли в совокупности коснуться не менее 25 тыс. служащих, основную часть которых составляли работники низового уровня [Пыстина, Голиков, 2004. С. 403].

По основаниям к увольнению «вычищенные» делились на категории: уволенные за «извращение и искривление классовой линии» (28,9%), «непригодность к управленческой работе» (20,9%), «пьянство, разложение» (17,9%), «растраты, взятки,

¹¹ ГАНО. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 3116. Л. 90–91.

¹² Там же. Л. 88–89.

вредительство» (12,6%), «бюрократизм, волокиту» (9,1%), «прочие» (10,6%). Как справедливо отмечают современные историки, «по такого рода данным трудно выявить соотношение политических и неполитических мотивов «чистки». Очевидно, они сознательно смешивались. Например, «вредительство» (политическое преступление) отнесено к должностным, под «разложение» подгоняли как бытовые проступки, так и «связь с чуждым элементом». Вероятно, в категорию «прочие» вошли уволенные по классово-политическим причинам. Наименьшую часть составляет группа служащих, уволенных за бюрократизм и волокиту (9,1%), хотя именно борьба с бюрократизмом объявлялась одной из основных задач кампании» [Пыстина, Голиков, 2004. С. 190–191].

Ю. И. Голиков, проделав значительную работу по выявлению и обработке данных «генчистки» в Сибири (более 2 тыс. дел служащих, прошедших через эту кампанию), воссоздал своего рода коллективный портрет тех, кто оказался в категории «вычищенных». В демографическом разрезе среди них оказалось 8% женщин; по возрастным показателям около 70% составляли служащие в возрасте от 30 до 60 лет; по «национальной» графе русские составляли 80%, евреи – 10,4% (с учетом высокой доли последних среди работников торгово-финансовых и кооперативных органов).

Социальный статус в тогдашней статистике всегда отличался смешением классовых, сословных и других признаков учета, поэтому следует обратиться к такой собирательной категории, как «чуждые» (среди «вычищенных» их доля достигала 20%). Она включала в себя (формулировки приводятся из документов – С.К.) судившихся ранее за должностные преступления (25,5%), торговцев и домовладельцев (25,5%), кулаков (15,8%), белых офицеров (15%), бывших помещиков и фабрикантов (7%), служителей культа (5%), бывших жандармов и полицейских (3,2%), административно-ссылных (3%). Носители образования от низшего до среднего составляли 2/3 «вычищенных», остальные имели образование от среднего специального до высшего. Среди них половина до революции уже имела статус служащих в государственных и других учреждениях. По политическому критерию 9/10 были беспартийными, ранее не состоявшими в каких-либо партиях. Настоящая «охота» шла на лиц, бывших

членами непролетарских партий. Однако среди дискриминированных работников оказались и члены ВКП(б), и комсомольцы, доля которых в краевом и окружных аппаратах осенью 1930 г. достигала 7,7%. По профессиональной принадлежности среди «вычищенных» преобладали торговые, кооперативные, финансовые, канцелярские работники (2/3).

В этом нет ничего неожиданного, поскольку в ходе «чистки» установка делалась на особое внимание к служащим органов, работавшим непосредственно с населением, где жалобы в отношении низового аппарата являлись наиболее чувствительными для авторитета самой власти [Голиков, 1994. С. 192–204].

«Генчистка»: ожидавшиеся и непреднамеренные ее последствия

При оценках с научных позиций влияние «генчистки» на качество деятельности сферы управления советской экономической системы (а именно это провозглашалось приоритетом для большевистского руководства в ходе кампании) следует исходить не из традиционных критериев оптимизации и эффективности управления, практически не применимых для наступавшей экстраординарной эпохи¹³. Речь может идти о том, что управленческая система подверглась стремительной ломке/трансформации с целью перехода от состояния регулируемой государством смешанной, разноукладной экономики к мобилизационному, этатизированному типу. Иначе говоря, данный скачок потребовал практически одновременной форсированной «переналадки/подстройки» управленческого механизма под принципиально новые цели. «Генчистка» служила лишь инструментом их служебного сопровождения.

В первую очередь это отразилось на тех сферах экономики, где продолжали действовать рыночные механизмы и где государство, во многом вынужденно, но все же считалось с экономической реальностью. «Генчистка» становилась для них инструментом окончательного «вымывания» регулятивных функций государства, что прослеживается на динамике и тенденциях в сферах аграрных отношений и труда/ трудового потенциала.

¹³ Знаменитый экономист Б. Д. Бруцкус, высланный из страны в 1922 г., охарактеризовал эту эпоху в начале 1930 г. как радикальный разрыв с механизмами «новой экономической политики» и переходом в состояние «чрезвычайной экономической политики».

Для сферы сельскохозяйственного производства 1920-х гг. был характерен учет государством существовавшей социально-экономической многоукладности. Государственная политика в земледелии, животноводстве и входившем в данную сферу лесном хозяйстве функционально носила регулирующий характер: во всех базовых отраслях при незначительных масштабах производственных форм кооперации требовался учет, контроль интересов и потребностей индивидуальных хозяйств – от землеустройства и опытного дела до форм кредитования и ресурсного снабжения различных типов хозяйств. То же касалось и методов «мягкого планирования» сельскохозяйственной экономики. Таким образом, несмотря на «социалистическую риторику», аграрная политика осуществлялась через органы республиканских наркоматов земледелия именно в реальностях смешанной экономики и в рамках установок на то, что индивидуальные хозяйства еще не исчерпали своего потенциала.

До 1930 г. республиканские наркоматы земледелия имели сложную и громоздкую структуру и функциональное назначение быть проводником государственной политики (контроль, надзор, учет над распределением бюджетных средств, реализация аграрной политики и т.д.), будучи, однако, органами с достаточно низким рангом в иерархии советской государственности. Земельные органы взаимодействовали со значительным числом различных ведомств и организаций (налогово-финансовых, торговых, промышленных), не обладая правом распоряжения многими видами ресурсов, которыми обеспечивалась аграрная экономика.

Столь же сложной оказывалась и структура Краевого земельного управления (КрайЗУ) Сибири, на примере которой можно говорить о том, в какой мере «генчистка» повлияла на его деятельность. К ее началу в штат Управления входили 315 сотрудников, работавших в 11 структурных подразделениях, охватывавших собой три главные направления (земледелие, животноводство, лесное хозяйство), – от проведения землеустройства до организации лесозаготовок. Земельные органы «болели» теми же хроническими болезнями, что и советский аппарат в целом: запаздывание с выполнением/реализацией директив вышестоящих органов, включая краевые; недостаточный контроль за их выполнением; нерациональное распределение кредитов Центра на местах; «недоучет» развития технических культур

и товарного животноводства в регионе; частные пересмотры плановых заданий по снабжению отраслей государственными ресурсами и т.д.

Однако с началом «сплошной коллективизации», которая становилась приоритетной целью, появился новый комплекс установок, где решающее место отводилось уже не организационно-технологическим и экономическим аспектам деятельности земорганов, а внеэкономическим, директивным, связанным с проведением «классовой» политики, с акцентом на выявление «извращений классовой политики в деревне» в ходе «чисток».

То, что в функционировании органов ранее считалось нормой, становилось «извращением»: оказывалось, что в области землеустройства КрайЗУ недооценивалась роль коллективных хозяйств; допускалась сдача в аренду земли и инвентаря, снабжение кредитами, семенами и другими ресурсами единоличных хозяйств, в числе которых были и «кулаки»; работа опытных станций ориентировалась на индивидуальные, а не коллективные хозяйства; «упускались» помощь колхозам и совхозам в вопросах организации и нормирования труда, определения рентабельности отдельных отраслей хозяйственной деятельности в них и т.д.

К этому добавлялась недооценка значения соцсоревнования и ударничества в самих земорганах (с некоторых пор – важного индикатора в установлении «лица» сотрудника). Выводы комиссии по «чистке» КрайЗУ, по сути, выносят обвинительный вердикт всей прежней системе: «Земельные органы с существующей структурой, методами и формами их работы и наличным штатом систематически отстают от темпов колхозного движения и плетутся в хвосте всех политических моментов в деле реконструкции сельского хозяйства»¹⁴; все мероприятия ранее строились «на основе развития и обслуживания индивидуального хозяйства, на основе аполитичности и методов старой земской агрономии»¹⁵; не выдерживался «классовый подход» в льготном обеспечении бедняков денежными ссудами, семенами и другими ресурсами; в планировании землеустройства на 1929/30 хозяйственный год «само слово “кулак” и борьба с ним в директивах КрайЗУ совершенно не упоминается»¹⁶.

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 4. Д. 57. Л. 52об.

¹⁵ Там же. Л. 510.

¹⁶ Там же. Л. 519.

Перечень указанных «недоработок» и «искажений классовой линии» с трудом уместился на 45 страницах отчета Комиссии, датированного по завершении «чистки» в середине марта 1930 г., оставившей за пределами организации около 15% ее состава, что превышало показатели «чистки» других краевых органов Сибири.

Среди «вычищенных» преобладали причисленные ко 2-й категории, которая предполагала увольнение с работы без права трудоустройства в данном учреждении и местности (при этом они могли быть «использованы» в других учреждениях и местностях). При этом в первых двух категориях оказывались прежде всего специалисты «старой формации», а также примерно треть руководителей отделов и подразделений Управления. Большинство из них при оценках своей профессиональной деятельности получало обвинения либо в искривлении «классовой линии работы в деревне», либо в «безклассовости в работе».

Под ударом оказалось ядро наиболее квалифицированных специалистов в различных сферах сельского хозяйства Сибири, авторитет которых ценился ранее в центральном аппарате Наркомзема РСФСР: А.Е. Генделев, С.С. Марковский, П.Я. Гуров, Н.М. Валов, И.М. Жуйков и др. Так, И.М. Жуйков, занимавший ключевую в Управлении пост зав. Сельхозотделом, в ходе персональной «чистки» подвергся натуральной обструкции, когда ему было задано 115 (!) вопросов, основная часть которых состояла в его отношении к «классовому расслоению в деревне», «ликвидации кулачества», соцсоревнованию и другим политизированным сюжетам. Но и те, которые были связаны с характеристиками его профессиональной деятельности, требовали его признаний в «ошибках и недоработках»¹⁷. И хотя профессионализм И.М. Жуйкова высоко оценивался в Москве и до 1930 г. с ним даже велись переговоры о его переводе в Центр, он был «вычищен» из штатов КрайЗУ.

Не менее примечательна судьба ряда других известных в Сибири аграрников. Так, зав. Краевой станции защиты растений Н.М. Валов также подвергся весьма жесткой атаке в ходе «чистки». Его в немалой степени погубила попытка защитить деятельность станции и сотрудников от предвзятого отношения проверочной комиссии. Ознакомившись с выводами бригады

¹⁷ ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 4. Д. 57. ЛЛ. 459–462об.

на шести страницах, он написал свое 16-страничное опровержение, считая, что бригада полностью игнорировала достижения станции, сосредоточившись на недостатках¹⁸. «Красной нитью» через обсуждение деятельности этой, наиболее квалифицированной группы сотрудников КрайЗУ, выступало стремление связать их с развернувшейся в тот момент кампанией, направленной против опальных Н. Д. Кондратьева, А. В. Чайнова и др. И не без последствий: в августе–октябре 1930 г., уже будучи снятыми со своих должностей, почти все они подверглись аресту за принадлежность к мифическому «Краевому бюро ЦК Трудовой крестьянской партии», 35 человек были осуждены к различным срокам заключения. В итоге начавшаяся в рамках «генчистки» линия дискриминации немалой части специалистов-аграрников Сибири переросла в карательную.

Очевидность того, что снятие с работы и впоследствии арест весьма компетентной группы управленцев в составе КрайЗУ не могли привести к улучшению работы Управления, требует дополнительного пояснения.

Необходимо иметь в виду, что земельные органы еще до фазы форсированной коллективизации имели непреходящие трудности и проблемы, связанные с общими причинами их функционирования в системе хозяйственного управления. Переплетение многих направлений деятельности с десятками смежных с земельными органами структур усугублялось хронической текучестью кадров на всех уровнях.

Комиссия по «чистке» констатировала, что данная тенденция проявлялась на всех ступенях земельных органов, начиная с агрономов как наиболее массовой профессии (к 1929 г. количество агрономов в регионе составляло лишь 50% от необходимого)¹⁹. В ряде окружных земельных управлений годовая текучесть кадров достигала на протяжении последних двух лет 100%; в самом аппарате КрайЗУ с октября 1928 г. по сентябрь 1929 г. было принято на службу 163 специалиста и 86 технических работников, и за тот же период уволены 101 специалист и 51 технический работник²⁰.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 4. Д. 57. Л. 415.

¹⁹ Там же. Л. 514.

²⁰ Там же. Л. 75.

Однако еще большим по значимости фактором, влиявшим на профессиональную деятельность аппаратов земорганов, стала трансформация их статуса и функций в ходе «сплошной коллективизации». Это четко проявилось в ходе подготовки и проведения важнейшей по терминологии того времени аграрной хозяйственно-политической кампании – весенней посевной, темпы и масштабы которой совпали по времени с массовым колхозно-совхозным движением, резко изменившим привычный механизм работы земельных органов.

Разработанные ими планы посевной кампании ломались и перекраивались ходом событий на «аграрном фронте». Зав. КрайЗУ Н. П. Ялухин в своем выступлении на совещании в Крайкоме партии 30 января 1930 г. откровенно констатировал, что КрайЗУ не только не управляло ходом подготовки к посевным работам, но и не имело достаточно надежной информации о событиях в деревне, чтобы держать ситуацию под контролем: «18 организаций связаны с проведением кампании < дают на местах > 18 различного рода установок по этому вопросу, нужно положить предел этому... У нас нет организованного руководства посевной кампании».

Наличие в районах Сибири тысяч мобилизованных различного рода уполномоченных, «командированных по отдельным вопросам посевной кампании и совершенно организационно в селе не связанных», Ялухин считал «безобразием», при котором деятельность земорганов «оказывается не всегда действенной»: вместо того, чтобы стать штабом реконструкции сельского хозяйства, «мы лишены возможности руководить кампанией». Другое его признание было не менее красноречиво: необходимо проводить «посевную кампанию исключительно диктатурой на основе нашего партийного руководства»²¹.

Таким образом, форсированная ломка аграрного производства в первой половине 1930 г. привела к деформации деятельности земельных органов, по сути, к переводу ее на мобилизационную модель с полным подчинением директивам партийных органов, делая их заложниками принимавшихся «наверху» решений. Так, если аппарат в январе–феврале 1930 г. «чистился» под создание «социалистического сектора в сельском хозяйстве»,

²¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 451. ЛЛ. 150–152.

а «искривлением классовой линии» объявлялась деятельность по обслуживанию единоличных хозяйств, то события весны 1930 г., когда форсирование колхозного строительства было объявлено «перегибом», привели к «смене вех» в решениях краевых партийных органов относительно посевной кампании.

Так, в постановлении Сибкрайкома от 10 апреля 1930 г. партийным и земельным органам предписывалось «немедленно ликвидировать имеющиеся настроения пренебрежительно безразличного отношения к обслуживанию бедняцко-средняцких единоличных хозяйств, ...создать [им] необходимые условия для успешного проведения сева»²². Данный «маневр» директивного органа позволил, в частности, руководству КрайЗУ несколько ослабить радикализм решений комиссии по «чистке» и добиться разрешения оставить часть «вычищенных» сотрудников на службе до окончания посевной²³.

Поскольку «генчистка» функционально выполнялась под трансформацию государственных служб, под экстремальные, мобилизационные и внеэкономические цели сталинского руководства, серьезной функциональной деформации подверглись органы Наркомата труда (НКТ).

До 1930 г. НКТ, являясь государственным регулятором в сфере социально-трудовых отношений, значительное внимание в своей деятельности уделял обеспечению баланса интересов работников и работодателей (примирительно-третейские органы по разрешению трудовых споров и конфликтов), а также организации функционирования рынка труда (биржи труда). В ходе «чистки» данные структуры и работавшие в них служащие оказывались объектами критики за проведение «неклассовой линии» в ущерб государственным секторам экономики. Структуры, ответственные за данные направления, в течение 1930 г. были ликвидированы, а главной, «боевой» задачей органов труда становилось обеспечение рабочей силой экономики. Акцент был переведен на подразделения по организационному набору рабочей силой (вербовке), куда перебрасывался основной потенциал служащих ведомства.

²² ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 43. ЛЛ. 32–33.

²³ ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 4. Д. 57. Л. 422об.

Однако здесь, как и в случае с земельными органами, масштабы и сроки вовлечения новой рабочей силы сломали все планы и программы НКТ, а руководство страны отдало предпочтение мобилизационным методам вербовки, разрешив в 1931 г. самим хозяйственным ведомствам осуществлять оргнаборы необходимых им работников, отстранив органы труда от этой функции. Добавим, что, очутившись в центре мобилизационного «фронта», вопросы труда оказались под жестким директивным контролем партийных органов, превратив Наркомат труда и его краевые и областные органы в исполнительные структуры скорее регистрационного характера, а в 1933 г. и вовсе упраздненные.

Перманентность всевозможных «чисток» (среди них рассмотренная выше «генеральная» выделялась, по сути, лишь громким названием) в своем ходе и последствиях приходила в прямое противоречие с официально провозглашенными целями добиться более профессионального функционирования советской управленческой системы. В реальности происходил противоположный оптимизации результат – разрастание управленческого аппарата, что было неизбежным в условиях утверждения мобилизационной модели управления и контроля над базовыми сферами жизнедеятельности общества.

Если обратиться к простым статистическим показателям, то в межпереписной период с 1926 по 1939 гг. совокупная численность руководящего персонала (номенклатурных работников) выросла в СССР с 328 тыс. до почти 2 млн чел., оказавшись самым быстрорастущим элементом советского общества, превосходя по темпам прироста категории тех, кого относили к специалистам (с 1,4 млн до 6 млн чел). При этом внутри самой бюрократической корпорации наиболее значительным был вес и статус освобожденных партийных работников (около 300 тыс.), число которых превосходило даже количество руководителей колхозов (250 тыс. колхозов в 1937 г.), что может служить важным индикатором утверждения в СССР особого типа государственности – партийной. Из двух провозглашенных в ходе «генчистки» путей «оздоровления» госаппарата («коммунизирования» и «орабочивания» состава сотрудников) первый из них, безусловно, оказался не только сверхреализованным,

но и определявшим облик всей управленческой корпорации. Второй же так и остался стереотипным приемом, использованным сталинским режимом для самолегитимизации себя в качестве «рабоче-крестьянской власти».

В новейшем исследовании феномена «рабочего выдвиженчества» периода первой половины 1930-х гг. уральский историк М. А. Фельдман квалифицирует его как одну из форм социальных мобилизаций, позволившую привлечь необходимые кадровые ресурсы главным образом для пополнения среднего и нижнего звеньев чиновничества при «чудовищных масштабах отсева» в рядах самих выдвиженцев. При этом, как пишет ученый, чиновничий корпус поглотил активную (адаптировавшуюся) часть рабочего социума [Фельдман, 2020. С. 100–101].

В итоге «генчистка» вылилась в типичное издание «войны всех против всех» (по Т. Гоббсу), суть которой заключалась в том, чтобы направить многообразный конфронтационный потенциал кампании острием на нижние (и отчасти средние) звенья номенклатурной системы, напрямую или близко соприкасавшиеся с населением, не затрагивая основы самой ее конструкции и принципов рекрутирования (приток) и ротации («отсев») сферы управления.

Главная цель кампании для ее организаторов состояла в том, чтобы обеспечить таким способом поддержку необходимого уровня легитимности власти среди основных групп населения. Измерителями данной социальной мобилизационной кампании были такие ее отчетные характеристики, как массовость, интенсивность, непрерывность, численность «вычищенных» и тех, кто их замещал и т.д., то есть те критерии, которые не могут служить для оценки качественных результатов (повышение уровней управленческой деятельности и доверия к власти). Очевидно, по причине того, что сама «генчистка» идеологически и поведенчески была пропитана социальной конфронтационностью и агрессивностью, характерной для фазы утверждения сталинского персоналистского политического режима.

Литература

Великанова О. В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х годов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 295 с.

Волков С. В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М.: НОФ «Развитие», 1999. 250 с.

Голиков Ю. И. Генеральная «чистка» советского аппарата Сибири в конце [19]20-х – начале 30-х гг. // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930-е гг.). Новосибирск, 1994. С. 181–210.

Киселева Е. А. Чистка государственного аппарата 1929–1932 годов // Российская история. 2009. № 1. С. 96–101

Мертон Р. К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17

Морозов Л. Ф., Портнов В. П. Органы партийно-государственного контроля (1923–1934 гг.). М.: Юридическая литература, 1964. 223 с.

Пыстина Л. И., Голиков Ю. И. «Спеццы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 165–199, 398–406.

Соколов А. К. Советы: от власти иллюзий к иллюзии власти // Формирование административно-командной системы в 1920–30-е годы. М., 1992. С. 165–185.

Фельдман М. А. Выдвиженцы 1917–1941 гг.: проблематичность восходящей мобильности // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 94–103.

Статья поступила 22.05.2020.

Статья принята к публикации 28.05.2020.

Для цитирования: Красильников С. А. «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства // ЭКО. 2020. № 8. С. 164–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-164-192.

Summary

Krasilnikov, S. A., Doct. Sci. (History), Institute of History, SB RAS, Novosibirsk
“General Purge” of the State Apparatus in 1929–1932 as Manifestation of a Party State Legitimacy Crisis

Abstract. During the post-revolutionary phase, the Soviet state transformed into a terrain of “permanent purges”, different in their purposes, forms and results, which have established a bridgehead for discrimination overgrowing into a state repressive system. Soviet propaganda and scientific discourse assessed “purges” as a tool of necessity to raise the professional level of the administrative apparatus. In current studies, a “general purge” is typified as one of the mechanisms to strengthen the Stalin’s regime. The paper substantiates the approach to administrative “purges” at the time of the “Great Turn” in the context of studying the systemic crisis of legitimacy of Party institutions in their relation with core social groups. The main intent of administrative “general purge” was to retain the power of the “corporate core” of oligarchic-type (manifestation of protective function) by means of sociopolitical mobilization of the confrontational type with multidirectional vectors. Therefore, new groups were drawn into the management sphere from the principal social basis (through “proletarianization”, “system of promotion”) and simultaneously it was accompanied by elimination of the so-called “former”, “non-Soviet”, “old” specialists. Thereby, both the officially announced goal (raising the level of managerial effectiveness of the government and enhancing its social legitimacy) and the hidden aim (securing its own bureaucratic core of power in spite of high

personnel turnover and drop-out) proved out of reach. The conflict of principles of doctrinism and pragmatism during this campaign undercut its effectiveness as a crisis-response measure.

Keywords: *'general purge' of state apparatus; legitimacy of power; doctrinism; pragmatism; protectiveness; sociopolitical mobilization*

References

Fel'dman, M.A. (2020). Promotees of 1917–1941: difficulty of the ascending mobility. *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*. No. 6. Pp. 94–103. (In Russ.).

Golikov, Yu.I. (1994). General “purge” of the Soviet apparatus of Siberia in the end of 1920s –beginning of the 1930s. In: *Diskriminatsiya intelligentsii v poslerevolutsionnoi Sibiri (1920–1930-e gg.)*. Novosibirsk. Pp. 181–210. (In Russ.).

Kiseleva, E.A. (2009). Purge of the state apparatus in 1929–1932. *Rossiiskaya istoriya*. No. 1. Pp. 96–101. (In Russ.).

Merton, R.K. (2009). Unintended consequences of the deliberate social action. *Sotsiologicheskii zhurnal*. No. 2. Pp. 5–17. (In Russ.).

Morozov, L.F., Portnov, V.P. (1964). *Supervisory bodies of political party control (1923–1934)*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. 223 p. (In Russ.).

Pystina, L.L., Golikov, Yu.I. (2004). «Specialists». In: *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920–1930-e gg.)*. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ. Pp. 165–199, 398–406. (In Russ.).

Sokolov, A.K. (1992). Soviets: from the power of illusions to the illusion of power. In: *Formirovanie administrativno-komandnoi sistemy v 1920–30-e gody*. Moscow. Pp. 165–185. (In Russ.).

Velikanova, O.V. (2017). *Disappointed dreamers: Soviet society of the 1920s*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ. 295 p. (In Russ.).

Volkov, S.V. (1999). *Intellectual class in the Soviet society*. Moscow, NOF «Razvitie» Publ. 250 p. (In Russ.).

For citation: Krasilnikov, S. A. (2020). “General Purge” of the State Apparatus in 1929–1932 as Manifestation of a Party State legitimacy Crisis. *ECO*. No. 8. Pp. 164–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-164-192.

В следующих номерах вы прочтете:

Тема номера: Экологические дебри

- Тернистый путь к зеленой экономике
- Эколого-экономическое благополучие российских регионов: сравнительный анализ
- Реформирование управления деятельностью по ликвидации отходов в РФ

А также

- Анти-Аузан: критика одной социальной философии. Часть 1
- Туризм и экономический рост: региональный аспект
- Монгольский коридор: проблемы и перспективы развития транзитно-транспортной системы Монголии
- Экономика Арктики: чего не хватает? Пример Северного Морского пути
- От Энциклопедии до Википедии: трансформация социальной структуры знания в эпоху постмодерна
- Особенности новой Доктрины продовольственной безопасности

«ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).

ISSN 0131-7652

E-ISSN 2686-7605

2020. № 8. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции и издателя: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

© АНО «Редакция журнала «ЭКО», 2020. Выход в свет 31.08.2020
Формат 62x94. Цифровая печать. Усл. печ. л. 10,08
Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 270. Заказ 80. Цена свободная

Отпечатано в типографии: ФГУП «Издательство СО РАН»
630090, г. Новосибирск, Морской проспект, 2